

18+

Игорь Сотников

Палиндром

Игорь Сотников

Палиндром

«Издательские решения»

Сотников И.

Палиндром / И. Сотников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964926-3

Книга является продолжением книги «Люди \$лова». Где показана внутренняя изнанка политики, как её видит человек, ничего о ней не сведущий. Но раз всё это вокруг разыгрывается для него, то не настолько он и не сведущ.

ISBN 978-5-44-964926-3

© Сотников И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	24
Глава 3	36
Глава 4	51
Глава 5	65
Глава 6	74
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Палиндром

Игорь Сотников

Кто не платит по своим счетам, тот всегда расплачивается.

Дизайнер обложки Дарья Левчук

© Игорь Сотников, 2019

© Дарья Левчук, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-4926-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Репетиция оркестра

Не может быть идти и речи об объективной точке зрения или о такой значимости мнения, когда существует субъективный взгляд на эту объективность, так и стремящегося сделать её объектом своего права. А что уж говорить о её качественной характеристике, независимости и её подчасти, неприкосновенности. Которая по своей сути есть эфемерность или умозримость, как кому больше видится, и которую в реальности нет никакой возможности достичь, даже если ты один из столпов общества, априори уже предполагающего иметь в себе такую характеристику независимости.

Ну, а сами столпы общества, это такие невероятные люди, что вот так сразу с ходу, и не объяснишь, что это значит и кто они вообще такие. И, конечно, они не какие-нибудь там столбы, как о них всегда думают не столпы, которые как упрутся в чём-то своём, то их и не сдвинешь, а они так сказать, если и не освещают всем нам путь вперёд, то уж точно указывают собой одно из направлений пути.

И понятно, что всех этих столпов вот так запросто на улице или в том же кино не встретишь, а они, как правило, пешком не ходят и пребывают в выбранные ими помещения для своего в них помещения (эти помещения, как только становятся выбранными, то сразу меняют свой статус, вплоть до резиденции) исключительно на своих люксовых автомобилях. Что же касается самих этим помещений или мест их пребывания, то с ними тоже не всё так просто. Ведь если вначале человек собой определяет избранность этого места, – вот здесь меня похороните, – то затем уже само место определяет собой человека, – здесь покоится с миром и никого не достаёт, такой-то человек.

Ну а в случае с этими столпами общества, то их выбор места приобретает чуть ли не символическое значение. И если на первых порах, именно самим выбором столпа определяется значимость места, то вскоре эти стены резиденции или того же дома, как качества этого места, впитав в себя столько значимых последствий нахождения в его стенах таких важных людей, как эти столпы, уже сами становятся настолько значимы, что одно только нахождение в этих стенах или под крышей этого дома даже самого никчёмного человека, что-то, хоть и не понятно что, да уже значит.

И вот даже если тебе суждено было стать одним столпов общества, то и в этом случае тебе чтобы добиться относительной неприкосновенности, когда-нибудь да придётся пойти на определённые кем-то другим, но только не тобой (тебя только спросили о твоих пожеланиях) жертвы и потеснить себя, хотя бы в том же ушном пространстве, куда будет скрытно от всех помещён микронаушник.

Впрочем, чтобы поместить себе в ухо микронаушник, необязательно быть сразу недосыгаемым столпом общества, а можно быть фигурой и помельче, и не столь важной и авторитетной (в общем, такая правда жизни, на первых порах в основном используются чужие уши; и если с этим делом не выгорит, то тогда уж придётся греть свои). Хотя всё же столпом, но только в своей специализированной, общественно значимой области. Как, например, будучи спецагентом, где его специализация отвечает за свою специализированную область применения, а то, что этот спецагент не он, а она, то это объясняет всё остальное.

А Она, это ещё какой столп общества! И на нём, а вернее на ней (опять дискриминация, теперь по принципу правописания; агента разве мало – и даже (—а) окончание не исправляет ситуацию) крепится не только семья, но и целая идеологическая установка. А этого игнорировать, а значит дискредитировать по принципу равнодушия, никто не имеет права; да и не смеет.

Но вернёмся к микронаушнику, в своё время секретно и очень незаметно помещённому в ухо этому не самому простому спецагенту – чем он (понятно, что она, но пока не устранены эти дискриминационные правила правописания, придётся раз за разом оговариваться) краше, тем больше опасности он (а) в себе для потенциальных врагов несёт и представляет. И в данном случае, на её лице вся эта опасность в очень не простой степени для смотревших на неё людей присутствовала; и при этом без лишней краски на лице. Так вот, если микронаушник кому-то в ухо вставлен, то он там оказался уж точно не для того чтобы музыку слушать, а для этого есть свои, достаточно веские, и что уж скрывать, хотя и надо, касающиеся больших секретов причины – чем микронестее наушник, тем глобальней секрет.

Но все эти большие секреты, к которым так скрытно идут носители этих микронистых наушников, только часть того и при этом только невидимая, что в себе несёт это спецсредство в ухе спецагента. А вторая, не менее важная, чем эти секреты часть, характеризующая эти наушники уже с технической стороны, включает в себя то, что ты находишься постоянно на связи и под своеобразным контролем того, кто ведёт тебя под средством этой связи. А вот куда он тебя ведёт, а может и заведёт, то вроде бы всё ясно и маршрут следования был обговорен заранее, но на практике всё выглядит совсем не так, а что уж говорить о том, что в итоге получается.

– Как только минуешь пункт пропуска на воротах, – инструктировал спецагента перед выходом, само собой инструктор, раз он так внушающе категорично во всех смыслах выглядит (попробуй ему только что-нибудь сказать поперёк или против, – недопонимание можно, – мигом забудешь, как тебя и всех вокруг в этой белой палате звали) – а затем второй и третий на пути к зданию, вслед за этим, пятый, седьмой уже на входе, после чего первый поворот направо... или всё же налево... Вот чёрт! – неожиданно для всех, вдруг запутавшись в сторонах, задержался в своих тягостных мыслях инструктор.

И это был первый тревожный звоночек для Джейн (так звали спецагента – чтобы больше не путаться в его, тьфу, её именовании, пришлось пойти на беспрецедентные меры и частично раскрыть её имя), к которому надо бы было прислушаться – если инструктор уже на подготовительном этапе, так, в самых простых вещах путается, то кто знает, что он там ещё может напутать. Но Джейн всегда чётко следует букве устава той спецслужбы, к которой она приписана – сомневающимся здесь не место (если у тебя появились сомнения, и не дай бог в своём руководстве, то либо ты руководство, либо ты не в себе – это была уже расширенная версия девиза этой спецслужбы со стороны руководства) – и поэтому даже не смеет подумать, что инструктор там чего-то перепутал или забыл.

А он всего лишь её таким образом проверяет на сообразительность или может, на присущую всем агентам женского рода болтливость (а их болтливость, по своей сути есть их желание, как можно шире распространить своё влияние) – что поделать, если представители спецслужб до сих пор с опаской поглядывают на представительниц спецслужб. – А они уже не такие редкие исключения из правил, – так представители спецслужб, их, представительниц, называют.

И, конечно, Джейн, хоть и с трудом, но выдерживает эту проверку на свою прочность – она ни единым словом не выдала себя и самого инструктора, рассказав всем не то, что она о нём думает, а то, что записано о нём в штатных документах: непроходимый, но зато на редкость пробивной тупица, рекомендуется использовать в качестве затычки в каждой бочке, либо же на прорывах, в самых сложных и секретных операциях, где запланированный процент выживших даже не планируется. И всей этой её невозмутимости и крепости характера, надо непременно сказать, поспособствовала её целеустремлённость в достижении поставленной перед собой цели (что за цель, то это большой секрет), ради которой она и идёт на огромные для себя жертвы – редко заглядывает в зеркало, совсем не красится и модно не одевается, а значит, как вроде не выделяется – это как раз её и выделяет – и всячески игнорирует в свой адрес лест-

ные предложения со стороны тех, кто как бы по своей природе уже движим уделять всяческое внимание женской красоте и в общем.

Но всё это категорично выглядящего инструктора не волнует. Да и он к тому же уже нашёл выход из этого положения. – Значит так, свернёшь в сторону западного крыла здания, – сказал инструктор, – а дальше тебя будет вести спецгент Слоун. – А вот и второй тревожный звоночек, который прозвучал так именительно. И вот здесь-то Джейн не сдержалась и, искривившись в язвительной ухмылке, таким образом выразила своё отношение к такому выбору своего ведущего со стороны руководства.

Она ведь отлично знала этого Слоуна. А так как она его знала не так, как бы он хотел того, то и отношения между ними складывались более чем противоречиво, если не сказать больше – в вечном соперничестве, где никто из них не утруждал себя придерживаться каких-либо правил. Но такая ситуация, с появлением такого соперника, не то чтобы не нова, а она изначально предопределена такого рода событием – зачислением в строго до этого дня мужской коллектив, представительницы прекрасного пола, которая по всем своим внешним параметрам отвечает заявленным характеристикам.

И как только такая представительница разбавляет собой этот столь суровый мужской коллектив, то в нём непременно появляется свой антагонист, у которого на неё имеются прямо противоположные ей взгляды, которые он и скрывать не собирается, и при каждом удобном случае демонстрирует их перед ней или перед всеми, как, в общем, получится. А всё это, так сказать, сказывается на качестве несения ими службы, где личное начинает мешать выполнению поставленных перед ними служебных задач. Что совершенно недопустимо, зная о том, какие важные задачи ставятся перед ними. И чего естественно не могут допустить руководители всех этих специальных служб.

А так бы они (главы спецслужб) и сами давно столько прекрасных представительниц женского пола ввели в состав вверенных им подразделений, что, пожалуй, пришлось бы штат их подразделений непомерно раздувать. Правда узнай о такой их самодеятельности их жёны, то они бы точно такого ...безобразия (самое допустимое из тех слов, какими бы они наградили это всё бл**о) не потерпели – ведь они и сами, так сказать, бывшие подчинённые, у которых теперь уже в подчинении находятся сами их бывшие командиры, и они отлично знают, на что способны все эти подчинённые, смотрящие на тебя, командира, с придыханием и с широко открытыми глазами.

Но времена нынче больно требовательные к равноправию, и командирам и их командирам, хошь, не хошь, а приходится следовать его требованиям и разбавлять свои чисто мужские подразделения представительницами прекрасного пола. Правда командирши командиров этих служб и здесь приложили свою руку, настоятельно рекомендуя брать на службу самых невзрачных и малопримечательных претенденток. – Их и маскировать легче. – Достаточно убедительно аргументировали свой выбор командирши. И даже становится непонятно, как они так просмотрели Джейн, которая со своими броскими внешними данными, при виде которых так и бросало в дрожь всю мужскую часть комиссии по зачислению в ряды спецслужбы, совсем не имела шансов быть зачисленной в состав этого спецподразделения, одной из специальной секретной службы.

Наверное, просмотрели. А может быть, командирши успокоились, когда увидели, кого зачислят в штат спецслужбы – невыносимо на неё смотреть без другого рода содрогания, до чего же противную Скарлетт (назло врагу, так её прозвали), что ей для того чтобы замаскировать этот её вызов всему контрпродуктивному мужскому полу, уж точно никакая маскировочная краска не поможет. И, возможно, что как раз этот её устрашающий вид, так повлиял на командирш, что они, испугавшись за себя (может это какая-то зараза), всё побросали и, бросившись к зеркалам наводить на себя краску, таким образом, без предварительного просмотра и пропустили мимо себя эту Джейн.

Что же касается Джейн, то, как только на неё, а вернее, в неё, было помещено это микроскопическое спецсредство, и надо было проверить качество связи, то Джейн в очередной раз убедилась, насколько она была права по поводу этого Слоуна. И этот Слоун, вместо того, чтобы нейтральным, мало заинтересованным голосом начать отсчёт: «Раз, раз, это проверка связи», – берёт и задерживает своё, и заодно дыхание Джейн, которая со смешной выразительностью лица стоит на месте и так внимательно ко всему вокруг прислушивается. А когда она начинает понимать, что тут дело не в самой связи, а в чём-то другом, то тут-то этот Слоун, на неё и обрушивает свой сарказм. – Что. Ждёшь, не дождёшься, и как я слышу, с придыханием желаешь услышать звук моего голоса?

Отчего покрасневшую Джейн всю нервно передёргивает, и она уже готова словесно взорваться, для чего она смотрит в сторону оперативного штаба операции, всё сплошь состоящую из представительных господ офицеров и среди них нет ни одной дамы. Но вид этих храбрецов, всегда таких смелых за чужими спинами, и с таким внимательным любопытством на неё смотрящих, и так и ждущих от неё чего-то подобного истерического, – они все заодно, и только этого от неё и добиваются, – удерживает Джейн от набежавших горлом эмоций, и она только согласно им кивает, мол, связь обнаружена.

Но вот почти что все подготовительные этапы пройдены, и сейчас Джейн, миновав все те, стоящие на её пути к цели заслоны в виде контрольно-пропускных пунктов, уже стоит лицом к лицу у последнего препятствия в виде грозных сотрудников службы безопасности, которые с неприкрытым недоверием взирали на каждого допущенного досюда человека. А что поделывать, такая у них служба, никому, и иногда и себе нельзя верить, пока спецсредства, тот же металлодетектор, не убедят их в обратном.

И этот представший перед ними человек, с виду вроде самый простой турист, вполне возможно, что на самом деле и не таков, а он, как уже потом выясняется, имеющий скрытые намерения противник всего и вся, а особенно установленных порядков, в которые он так и стремится своей рукой внести радикальные изменения. И его только впусти на порог дома и там оставь без присмотра, так он на стене напишет нехорошее слово «Здесь был Леопольд», прихватит какой-нибудь сувенир на память, – да тот же окурок, который вице-президент бросил мимо урны, – ну и ещё много чего непотребного. А если же всё-таки внимательные взгляды за ним сотрудников безопасности удержат его от этих вандальских действий, то он всё равно на этом не успокоится и постарается оставить о себе душещипательное воспоминание, пустив зловонные газы.

И хотя Джейн совсем не была похожа на подобного рода субъектов, всё-таки, судя по той пристальной внимательности, которую к ней проявил сотрудник службы безопасности Стив, отчего его глаза даже проглядывались сквозь тёмные очки, то его не введёшь в заблуждение внешним безразличием к такого рода неприемлемому поведению. А этот Стив, после того как он женился на красавице Мери, такой милой и пушистой с виду, под личиной которой, как вскоре им выяснилось, скрывалась жуткая и драчливая стерва, доводящая его до белого каления, был научен своим горьким опытом, что нельзя доверять видимости и всегда нужно зреть в самую суть. С чем он и подступил к Джейн.

– Что у вас в сумочке? – жёстко спросил Стив, явно проверяя Джейн на стрессоустойчивость. О чём, то есть о такого рода проверках, Джейн, будучи прекрасно осведомленной насчёт работы внутренней кухни спецслужб, прекрасно знала – кроме общего визуального осмотра, также проводился выборочный. И он поручался самому проницательному и умудрённому опытом, крайне недовольному своей жизнью сотруднику, который и высматривал в людях все эти отклонения от общих правил, к которым, в общем-то, и он сам был склонен. И Стив как нельзя лучше подходил на эту роль.

Ну а в её случае, пока осталось невыясненным, что же привлекло в ней такое пристальное внимание со стороны Стива. И что касается её сумочки, то она уже прошла все предусмотр-

ренные виды проверок, – она проследовала через металлодетектор, была визуально ощупана и просвечена рентгеном, – и если бы там было что-то запрещённое, то это давно бы уже было выявлено. Но этому придирчивому проверяющему Стиву, всё равно этого недостаточно. – Хотя, возможно, он о чём-то догадался. – Взволновалась, но только про себя, Джейн, с улыбкой говоря в ответ: «Мне, кажется, ничего запрещённого. Но вам, я думаю, виднее». С чем она раскрывает сумочку и показывается её содержимое столь приметливому глазу Стива.

Стив внимательно, с явным недоверием вглядывается во внутреннее содержимое сумочки и вроде бы ничего запрещённого для проноса внутрь здания не видит. Что, конечно, его не может устроить – его напарники могут его заподозрить к особой пристрастности к миловидным красоткам (уже третья за сегодняшнее утро), а это пахивает непрофессионализмом – и поэтому он, переведя свой взгляд на Джейн, начинает, да так пристально, что трудно отвести от него свой взгляд без опаски быть заподозренным в чём-то предосудительном (отводят в сторону свой взгляд лишь те, кому есть что скрывать), уже в ней искать запрещённые к проносу внутрь здания этого дома вещи – понятно, что только умозрительного характера.

А эти запрещённые к проносу умозрительные вещи, между прочим, из-за того что их очень трудно распознать, несут в себе куда большую опасность, чем сами запрещённые к проносу вещи, служащие всего лишь инструментами проведения в жизнь этих страшных замыслов. Ведь за всеми подвергающимися в ужас преступлениями, всегда стоит чей-то замысел. И если суметь на стадии приготовления – замышления – распознать то, что заваривается в этой голове (а туда можно заглянуть только через глаза), то можно будет предотвратить готовящееся преступление. Чем видимо сейчас и занимался Стив.

– Меня своей красотой не собьёшь с толку. И если ты что-то скрываешь, то я обязательно в тебе это высмотрю. – Так и говорил прожёвывающий жвачку взгляд Стив. Но Джейн умеет выдержать взгляд, тем более такой, только с виду независимый и хладнокровный. Тогда как много о чём говорящая дрожь в ногах Стива, через пол уже начинает передаваться Джейн. И эта дрожь возникла не на пустом месте, а от понимания того, что эта, записанная в пропуске, как мисс Селектор, как оказывается, видит его насквозь, и при этом в мельчайших подробностях его подноготной, как его подкаблучника, дома ставят не в пример, а в угол за его беспримерно наглое поведение – он посмел иметь своё мнение.

И Стив начинает понимать, что если и дальше так будет продолжаться, и если он ещё хоть чуть-чуть на неё посмотрит, то он вскоре точно не будет знать, как на себя в зеркало смотреть. И Стив, отведя свой взгляд от Джейн, решает на этом с ней закончить. И он, пропустив Джейн через себя (конечно только образно), даёт указание своему напарнику Стэну, больше обременённому мускулатурой, чем, что-либо другим, чтобы он обратил своё внимание на эту, чем-то неизвестным подозрительную даму. Ну а Стэн, тут же проявляет неповоротливость своего ума, прямым образом обернувшись в сторону Джейн и, не совсем тихо спросив Стива:

– А в чём она подозревается?

– Тьфу, на тебя. – Досадно махнув рукой на Стэна, более чем туманно выразился Стив. Что было понято Стэном, как полностью полагаться на свой ум. И он положился, принявшись не украдкой вести наблюдение за этой девушкой, которая пройдя чуть дальше вперёд в холл, не пошла дальше вслед за всеми, а остановилась на распутье двух направлений пути, где один вёл влево, ну а другой, само собой направо.

И хотя Джейн была прекрасно подготовлена к этой операции, она досконально изучила схематическое расположение этого дома, известного всем своей белизной и громкой тишиной, – любой чих в нём, если он чихается в кабинете министра финансов, насморком отдаётся во всём мире, – до последнего шага и наименования комнат знала весь свой путь к нужному кабинету, она всё же не стала проявлять самодеятельность, и сейчас ждала на этот раз чётких и, исходя из сложившихся обстоятельств – группа журналистов с кем она прибыла, начала своё движение по направлению зала для конференций – скорых указаний от Слоуна.

Ну а Слоун, как, в общем-то, и ожидалось Джейн, взялся за это дело слишком ретиво и с трудом её ушам выносимо – он всю жизнь только к этому и шёл, а как дошёл, так и впал неуёмную глупость и в неуправляемость даже самим собой. Хотя его понять можно. Вполне вероятно, что ему дома и слова сказать не дают и вечно рот затыкают, – немедленно захлопни хлебало! – а тут чуть ли не прислушиваются к каждому его слову. Да что там прислушиваются, когда его слова служат руководствам к действию, и не просто спецагента Джейн, а самой соблазнительной и привлекательной сотрудницы в их спецслужбе (настырно-веснушчатая, до чего же противная Скарлетт, единственная, кто мог бы ей создать конкуренцию на женском поле, не идёт ни в какое сравнение с ней).

Ну и Слоун, начал зарываться, что понятно в одном – власть вскружила голову, – а не понятно в другом, почему это не было предусмотрено никем, и к нему не был никто приставлен (та же Скарлетт).

– Чё, встала? – сразу же начал измываться над Джейн этот подлый Слоун. Как будто не знает почему. Но ему этого мало и он в следующем, полном язвительности вопросе, прибегает к косвенным оскорблениям. – Чё, уставилась, как баран на новые ворота? – И, конечно, такое слышать в свой адрес, ни одна уважающая себя девушка не стерпит (какой она баран, а за овцу, ух как ответишь), и обязательно среагирует. Но так как обстоятельства нахождения Джейн здесь, в проходной гостиной этого дома, полного людей специального назначения, которые совсем не спят, а проявляют повышенное внимание ко всему окружающему, можно назвать более чем стеснёнными присутствием этих людей и правилами поведения допущенных сюда людей, то она только и смогла сделать, что стать нервно-пунцовой (в этом доме все области жизни классифицированы по своим специализациям, и здесь всё больше находятся, а местами и присутствуют, только специально допущенные сюда люди).

И если сидящему на своём краю, за пределами видимости Джейн и самого этого дома, а для себя в безопасности Слоун, мог только догадываться, к чему привели его слова, – надеюсь, что до слёз, – то находящийся по долгу своей службы на посту человек великанской наружности, в чьём ухе, судя по косвенным фактам, исходящей оттуда пружинки, тоже находился наушник, – а это так сказать, сближает, если поставленные перед вами цели не противоречат друг другу, – быстро приметил стоящую в растерянности Джейн и подошёл к ней поинтересоваться о причинах её задержки.

– С вами всё в порядке, мисс? – спросил Джейн сотрудник дружественных спецслужб, но только не в данном случае (Стэн проявил неповоротливость и подзадержался).

– Да вот, что-то в глаз попало. – Быстро находит выход из создавшегося положения Джейн, посмотрев в упор в глаза подошедшему сотруднику службы безопасности. Ну а эти глаза и с дальнего расстояния отлично себя зарекомендовали по части повышения сердечного ритма и пульса у людей склонных заглядывать в глаза незнакомок, а что уж говорить о том, что они с такого ближайшего расстояния не смогли не оказать своего завораживающего действия на этого сотрудника, непривычного к такого рода взглядам на себя. Теперь готового на всё (даже нарушить протокол или регламент – всё равно он не знает, что это такое), чтобы угодить этой прекрасной мисс.

– Провожать не надо. Дальше я сама. – Отпустила от себя Джейн этого сотрудника, готового, как говорилось выше, пойти на некоторые нарушения. После чего она, быстро скрывается за первым угловым поворотом, и пока вроде никого не видно, начинает возмущаться на действия Слоуна, которые ведут к провалу всей операции. – Ты что, сволочь, делаешь?!

Но Слоуну легко рассуждать, он находится где-то там далеко и в безопасности. И если раньше Джейн всегда выходила победительницей из споров, то сейчас Слоун, всю используя свой технический ресурс, умело одерживает верх в этом споре. – Он тебя чем-то от всех остальных отличил и вёл за тобой пристальное наблюдение. И другого способа, как спрово-

цировать тебя на красоту и как результат, отвадить этого обалдуя, не было. – Сказал Слоун, и Джейн даже осталась довольна, что о ней так было замечено. При этом она не стала задумываться о том, каким образом Слоун смог увидеть всё то, что происходило у парадного входа в этот дом.

Что, в общем, лишне. Ведь если ты так скрытно начинён спецтехникой, способной передавать звуковой сигнал на огромные расстояния, то уж видеть сквозь стены, не такая уж не решаемая задача. Правда, никогда не будет лишним забывать и о том, что если в одной ушной раковине появляется такое специальное средство, то это всегда ведёт к тому, что и в других ушах появляются такие же точно средства доставки звуков. И при этом это не предел. И кроме этого спецоборудования, стоящего на вооружения спецслужб, у этих спецслужб имеется масса и другого оборудования, способного не только вести приём сигналов, но и при случае их заглушать, распознавать и по своему желанию вмешиваться. Но такие знания или всего лишь догадки, не способствуют уравновешенности и спокойному дыханию. А оно ещё понадобится Джейн.

– Больше так не делай. Ты слышал. – Отвечает Слоуну Джейн.

– Только по обстоятельствам. – Послышался ответ Слоуна, который мог бы перебиться другим ответом. – Прекрасно слышал. – Усмехнулся про себя агент Смит, подмигнув своему напарнику, агенту Вольфу. При этом представитель этой спецслужбы, со своей секретной стороны ведущей свою скрытную прослушку всех вокруг и в частности их переговоров, агент Смит, не допустил такой оплошности, пока работая только на приём сигналов и, занимаясь вычислением местонахождения этих сигналов (если ты работаешь в таком засекреченном месте, где всё находится под грифом секретно, то будь готов к тому, что не только ты, но и тебя будут прослушивать и вести за тобой наблюдение).

Что до Джейн, то она хоть и догадывалась, что Слоун определённо что-то насчёт этих обстоятельств не договаривает – он их сам вполне может создать – она ничего не сказала по этому поводу, а лишь спросила, что дальше?

– Сейчас тебя ждёт путь через длинную колоннаду. Ты там будешь у всех на виду со всех сторон. Старайся действовать без оглядки. И смотри, не столкнись с кем не надо. – Предупредительно сказал Слоун.

– А с кем не надо? И кого причислять к тем, кто эти не надо? – в растерянности спрашивает Джейн, для которой это предупреждение Слоуна было полной неожиданностью. И хотя её ко всяким нестандартным, всё больше критическим ситуациям готовили, в том числе и к встречам со слишком любопытными сотрудниками службы безопасности, для которых у неё было приготовлено масса заготовок – от настоящих пропусков, до микрошприца с убийной дозой снотворного – всё же она не могла припомнить, чтобы речь велась о такого рода встречах. А ведь этот маршрут к конечному пункту назначения – кабинету вице-президента – не один раз, с разных и в том числе опасных сторон рассматривался и обсуждался, и при этом ни разу, почему-то не затрагивался момент с этими, пока что незнакомыми для Джейн людьми.

– Да с тем же президентом. – Нетерпеливо, так, чтобы отвязалась, сказал Слоун, уже начавший выдыхаться от столь близких отношений с Джейн. Ведь ему приходится не только слышать звук её голоса, но и весь комплект исходящих от неё звуков, от учащённого сердцебиения до переполненного возбуждением дыхания. А это такое, соперезживающего характера действие, что только природы со стальной выдержкой, к которым Слоун ни каким боком не подходил, или полные пофигисты, а это в самый раз, и могли выдержать. Так что то, что Слоун так себя бесцеремонно вёл по отношению к Джейн, имело под собой сугубо практические основы.

– Ну, это вряд ли. – Усмехнулась в ответ Джейн. – Он в одиночестве, без сопровождения между зданиями не ходит. – На что Слоун хотел было сказать пару грязных и оттого теплотой отдающих словечек, но из уважения к президенту, умолчал их до следующих президентских выборов, которые уже опять не за горами. Правда у него в запасе есть и другого рода слова.

И хоть они и не такие грязные и тёплые – и почему так всегда получается, что если холод, то чистота, а если тепло, то и говорить об этом без ощущения неловкости не получается – они тем не менее действуют на Джейн будоражаще.

– А если тебе сейчас на твоём пути, под этими колоннами встретится твой любовник... Ну ты сама знаешь, кто это такой? – задался вопросом Слоун, так крепко-накрепко прижавшись ухом к наушнику, чтобы по звуку её сердцебиения понять, правда ли всё то, что ему в комнате для обстоятельных разговоров, курилке, ставя зуб в заклад, рассказали о неподобающем поведении по отношению к своим подчинённым, а в частности к Джейн, со стороны их начальника спецслужбы, генерала Кленси.

– Хватит уже морочить мне голову. – Обрывает на этом разговор Джейн и, следуя рекомендациям Слоуна, решительным шагом, без оглядки назад, направляется в этот переходной портик, где из-за угла за ней ведёт наблюдение, проявивший, наконец, поворотливость, Стэн.

Но действующая по принципу без оглядки Джейн, его не видит и, стараясь не смотреть по сторонам, напрямик идёт вдоль этой колоннады. И пока что на её пути не встречаются самые опасные из всех возможных препятствий, препятствия в виде людей, облечённых властью. Ну а то, что каблуки её туфель, с непривычки несут свои неудобства, а ветер как всегда пользуется тем, что ты зажат обстоятельствами своего нахождения здесь, – они не соответствуют заявленным, что в этих стенах тянет на преступление, – и через спадающие на глаза волосы треплет тебе нервы и старается открыть самые укромные уголки твоего тела, поддувая под юбку, то с этим Джейн кое-как справляется, пуская время от времени в ход руки. Чего не скажешь о засмотревшемся на эти её открытости садовнике, которому не мешало бы вспомнить о поливочном шланге в руках. А то он уже начал заливать спрятавшегося в кустах сотрудника службы безопасности, отвечающего за безопасность внешнего периметра здания этого дома.

Но вот первая часть этого открытого пути пройдена, и Джейн, вдохновлённая проделанным без осложнений путём, поворачивает налево, где перед ней стоит точно такой же путь, с колоннами вдоль него. – Их вроде бы десять. – На мгновение задумалась Джейн, взяв и невольно обернувшись назад, чтобы посмотреть на те колонны, которые она уже миновала. А ведь ей же было сказано, действовать без оглядки, а она взяла и оглянулась (а в их деле ничем нельзя пренебрегать, в том числе приметами и суевериями – и только не надо говорить, что всё это чушь, наверняка у каждого в глубине ботинка спрятан талисман наудачу).

Что тут же и аукнулось ей, когда она развернулась обратно, где и наткнулась на смотрящее на неё лицо уж очень представительного вида господина, который вдоль этой колоннады, напрямик следовал навстречу к ней.

– Вот чёрт. – Не сдержалась Джейн при виде этого неумолимо на неё надвигающегося господина, чья не сходящая с лица хищная улыбка, несла в себе не только улыбку.

– Что там? – в едином волнительном порыве задалась вопросом, Слоун и представитель недружественных спецслужб Смит. Правда первый задался вопросом вслух, тогда как второй, чтобы не выдать себя, всё это проделал про себя. Но его напарник Вольф всё отлично понял, видя как Смит всполошился.

– Кто-то идёт навстречу. – Проговорила Джейн, принявшись рыться в сумочке, таким способом объясняя свою задержку на месте. Ну а там, на той стороне связи, могли бы проявить и большее благоразумие, и не задаваться глупыми вопросами в ответ. Но нет. И они ими задаются. – Кто? – в той же синхронности задаются вопросом Слоун и Смит. И на этот раз они оба получают заслуживающий их глупости ответ.

Так напарник Смита, Вольф, невозможно неприятно покрутил пальцем у виска Смита, тем самым показывая ему, чем нужно думать, когда собираешься задавать вопросы. Тогда как Джейн, не имея такой прямой возможности воздействовать на Слоуна, своим отважным поведением решает того напугать. – А вот сейчас я это и выясню. – Проговорила Джейн, крепко сжав губы и, заодно уронив сердце Слоуна на самое дно – в его пятки, которые утяжелившись,

начали его тянуть вниз, с табурета. И не удержишься Слоун руками за стол, то у него были все шансы оказаться под столом или на полу, в общем, как его заду или голове будет удобнее обозначать своё местонахождение.

Джейн между тем, как сказала, так и сделала. И она, решительно вскинув свою голову, направила её по направлению этого бесцеремонного к чужим мнениям господина – он идёт строго по центру дорожки и его обойти, не задев себя об него, невозможно – и с тем же, что и у этого господина взглядами на своё место на этом жизненном пути, строго посередине дорожки, целенаправленно глядя на него, выдвинулась навстречу ему.

Ну а как только Джейн вступила на этот путь противостояния, то её противник, явно не ожидая того, что кто-то ещё посмеет встать на его пути, как увиделось Джейн, тут же на ходу передёрнувшись от волнения, сглотнул набежавшую слюну, и его лицо, через накрахмаленный стилистами рафинад, даже пробила бледность. Но Джейн, ради своей прямолинейной позиции, готова свой лоб расшибить об этот надвигающийся массивный подбородок, и она ни на сантиметр не отойдёт от неё. И такая её самоуверенность взглядов на себя и на этого господина с массивным подбородком, шаг за шагом, звучно поддерживаемая стуком её каблучков, начала вслед за этим стуком её шагов расшатывать занимаемую позицию этого господина. И он теперь, уже скорее по инерции, придерживался своей бывшей центральной позиции, чем на этом его принципы настаивали.

И вот когда их пути должны были совсем скоро буквально пересечься, то к полной неожиданности Джейн, у этого господина с массивным подбородком находится союзник – всё тот же неугомонный ветер, который, в общем-то, всегда подыгрывал тем, кто был в брюках. И этот ветер, на этот раз берёт и одновременно действует в нескольких местах и направлениях. Так он своим порывом приподымает у неё юбку, тем самым раскрывая все её секреты перед этим господином с массивным подбородком, явно не прочь знать лишнего, и заодно сметает с головы Джейн всю её причёску, да так хитро и умело, что она теперь, когда волосы застелили её глаза, мало что видит. А ведь ей именно сейчас, так крайне необходимо что-то видеть, ведь господин с массивным подбородком чуть ли уже не надвигался на неё.

Но видимо этот господин был не из храброго десятка, раз он не сумел использовать предоставленный ветром шанс и задвинуть на боковые, к стеночке позиции Джейн. И как только Джейн сумела справиться со своими волосами и убрать их с глаз долой, то к своему удивлению, перед ней уже никого не было. Что заставляет Джейн обернуться назад. Где она и видит, слишком уж сильно спешащего господина с массивным и крепким задом, единственное что, как сейчас выяснилось, у него и было крепкое.

На что, на то единственное, что ото дня крепнет, и на что только могут опереться некоторые принципиальные господа, Джейн противно смотреть, и она было уже собралась вернуться к тому, куда шла, но тут этот господин с крепкими задними принципами, вдруг оборачивается назад и, видимо не ожидав наткнуться на обращённый на него взгляд Джейн, в ужасе на мгновение замирает, а затем, хоть и не слышно для Джейн, но она разобрала, что он говорил, истерично клокочет: «Я ничего не видел и не смотрел!».

Джейн сразу и не поняла о чём это он, но стоило ей спроецировать обращённый на неё взгляд этого господина, когда он говорил, что не смотрел, то она начинает догадываться, и эта её догадка приводит её взгляд вниз. Где на неё смотрит задранная юбка. Что вызывает у неё улыбку, с которой она поправляет юбку. А когда она обратно приподымает уже голову, то господина с его массивным задом и нарывающимся на неприятности взглядом, уже не было.

– Вот же брехун. – Усмехнулась Джейн. – Всё-таки смотрел и видел. – И вновь звуковой эфир вокруг неё, после таких её слов заполняется волнением, со своими вопросами. – Что за брехун? Чего он там видел? Что ты там ему показывала? – начинают сыпаться вопросы, вслух от Слоуна и про себя, в головах представителей недружественной спецслужбы, Смита и Вольфа.

– Не важно. – В одно слово Джейн ставит всех этих интересантов в одну скрюченную позицию в виде вопросительного недоумения. Правда совсем ненадолго, а как только она преодолевает эту колоннаду, то теперь ей требуется помощь в выборе дальнейшего пути и значит, будут вопросы.

А на этот раз, ей нужно выбрать не между двумя малозначащими направлениями пути, влево или право, хотя эти векторы направления и присутствуют в каждом из рассматриваемых вариантов, а нужно выбрать между двумя очень для неё важными вещами – своим благоразумием, не предусматривающим храбрость, и бессмысленной отвагой, которая может привести и к провалу всей операции.

Так вот, дело в том, что один из путей предусматривал крайней степени опасность – придётся пройти мимо окон фигурально правильно выдержанного кабинета, где может быть, как раз в этот момент, прижавшись носом к окну, в него смотрит сам президент – а для этого потребуется крайней степени отвага и решимость – не всякий выдержит прямого на себя взгляда президента. Да и ты с первого шага в этом направлении будешь под прицелом бесчисленного множества снайперских винтовок, и попробуй только оступить на своих каблуках, то это будет для тебя последний шаг. Ну а если ты свернёшь чуть раньше, то ты можешь там очень быстро затеряться в коридорах здания.

– Ну, что встала? – полным язвительности голосом сказал Слоун, решив не спускать с рук такое хамское поведение Джейн. – Никак к президенту в окошко заглянуть захотела. Думаешь, что сможешь приглядеться ему. – Так невыносимо язвительно всё это произнёс Слоун, что сидящие на «прослушке» их разговора сотрудники параллельной спецструктуры, прямо-таки почувствовали, что тут что-то не так. Как с этим вечно чем-то недовольным типом, который от одного своего присутствия в ушке этой девушки должен быть счастлив, так и с самой ведомой девушкой, которая явно обладает такими внешними талантами и достоинствами, что у того недовольного типа и возникли сомнения насчёт президента.

А ведь президент, между прочим, совсем не обделён вниманием со стороны женского пола, и можно даже сказать, что он несколько пресыщен этим вниманием, и со времён своего избрания, вполне вероятно, что стал ещё более чем избирателен (но это всем президентам присуще, ведь они демократически избраны и так сказать, так сказуемы). И, пожалуй, для того чтобы завоевать его внимание, то нужно обладать нечто большим, чем красотой. И судя по косвенным фактам, невыносимого поведения того типа на параллельной линии, то у этой девушки есть всё из того, что может заинтересовать уже пресытившегося президента.

И сидящий на «прослушке» Смит, видя в таком непревзойдённом качестве и образе, ведомую этим придиричивым типом нарушительницу находящегося под их спецконтролем информационного пространства, на этот раз не сдерживается, и из него вырывается всё то, что он насчёт этого типа надумал. – Вот же козёл. – И вот тут-то Смит оказался в полушаге от своего обнаружения. Но тут сказались ряд ситуативных факторов и Смит, так сказать, повезло. А всё потому, что скорей всего и сама Джейн, в этот момент точно такими же словами о Слоуне подумала, и как результат, прозвучавшие слова Смита в эфире, ею были приняты за свои.

Что же касается Слоуна, то и он был сбит с толку психологической составляющей, которой была наполнена эта вырвавшаяся вслух эмоция Смита – он тоже решил, что это Джейн так по нему прошла. И только напарник Смита, Вольф, не впал насчёт него в заблуждение, и погрозил тому кулаком. А мог бы и врезать. Но не стал, а всё потому, что и сам находился на взводе из-за не оперативности их локационного отдела, который так и не смог ещё вычислить, откуда и куда шёл этот сигнал. И если откуда, мало волновало Вольфа – это была не его зона ответственности – то вот то, что эта нарушительница его информационной зоны ответственности, так до сих пор не обнаружена, то это его заставляло нервничать – президент находится в крайней степени опасности, если вдруг она его заинтересует (а этот косвенный намёк на её местонахождение, почему-то не привлёк внимание Вольфа).

– Что встала? – в нервном запале повторяется Слоун. – Дверь направо. – Поспешно добавляет Слоун, пока Джейн из духа своего противоречия не стала действовать ему вопреки.

– Если ты, дорогой, мне так «доверяешь», то мне прямая дорога в кабинет президента. И ты попробуй, теперь меня остановить. – Вполне бы могла срезать Слоуна Джейн. И её бы ничто, ни здравомыслие, ни благоразумие, не остановили, а всё потому, что Слоун их вывел их из неё, и вслед за ними и саму Джейн. Но Джейн та ещё... Ну та, кто признаёт чужие ошибки и отдаёт должное тем, кто их совершает. Да и к тому же она никогда не идёт прямым путём. Так что её ответ Слоуну, не мог быть просто содержащим прямые послы Слоуна в баню (скорей для того, чтобы он очистился от своих грязных мыслей), а они несут в себе иносказательность и многосказуемость.

– Сейчас всё брошу и пойду. – Резко вздёрнув вверх голову, с не меньшей резкостью заявила в ответ Джейн. И, пожалуй, Слоуну ещё повезло, что он не видел всю эту её демонстрацию ярости, а иначе бы у него вслед за её шеей, уже свою голову в сторону снесло.

Впрочем, ему и этого её ответа хватило, чтобы испугаться того, что её слова не разойдутся с делом, и она прямо сейчас всё с себя сбросит, а он, будучи так далеко, всего этого не увидит. Зато отлично всё это увидят те, кем напичканы все углы и пространства этого дома – сотрудники службы безопасности. И ладно бы только они одни. А вдруг в этот момент в окно из-за угла здания выглянет сам президент, и что тогда спрашивается, все увидят на лице президента. Испуг? Конфуз? Живот свело? Или что пожеланней для жёлтой прессы, заинтересованность?

И, конечно, Слоун, перед глазами которого в одно мгновение пролетели все возможные варианты поведения лица президента, где некоторые из них, при всём его уважении к личности президента, были прямо-таки недопустимые, закипел. И уж если на то пошло, то если президент не возьмёт в себя в руки и продолжит отпускать собой такие взгляды на Джейн, то пусть он не обижается, но Слоун обо всех этих его взглядах расскажет его супруге. А там уж он пусть сам перед ней отбреживается, какие, мол, у него взгляды на современную политику, и какую занимательную роль должны играть в ней женщины.

Но ещё до этого, вроде бы не дошло, а всё это пока что только плод фантазии закипевших мозгов Слоуна. И Слоун всё же с собой собирается и, несмотря на своё огромное желание, высказать Джейн всё то, что он думает насчёт их отношений с президентом, сдерживается и даёт ей наполненный ядом ответ. – Лифчик хоть оставь. – Говорит Слоун, вызывая на себя огонь ярости глаз Джейн и представителей параллельной спецслужбы, Смита и Вольфа. Правда, ярость Смита и Вольфа была другого качества и свойства, нежели у Джейн – им претила такая предупредительность Слоуна.

– Если девушка сказала, что всё бросит, то пусть бросает. Она имеет полное право поступать так, как хочет. – Насупившись в сторону одного из экранов, на который шла картинка из одной из установленных по периметру здания президентского дома камер, так, и ещё очень нехорошо подумали Смит и Вольф по поводу этого зловредного типа, который плюс ко всем своим отрицательным качествам, к тому же оказался большим собственником.

– Бьюсь об заклад, что он ей даже не муж. – Опять не сдержался от переполняющих его чувств, Смит. Но Вольф не стал с ним биться об заклад, хотя прибить его был бы не прочь. А всё потому, что он в отличие от Смита, не имеющего таких скреплённых клятвами верности обязательств ни перед кем, имел их, и поэтому не мог ручаться за то, что именно это обстоятельство обосновывает независимость поведения той мисс. Ведь попробуй он только, перед лицом своей супруги, этим безмужним положением обосновать, по его неупомянтому нигде мнению, крикливое поведение всех этих лидерш женских движений, а вслух им высказанному мнению, проявление ими независимости своей женской позиции, то она ему быстро покажет, где она видела эту его позицию – сегодня спишь на диване, в прихожей!

И поэтому Вольф не стал так категорично спорить, а только спросил Смита. – А что муж, не человек? И он что, не может поступать так, как ему заблагорассудится? – Что вызвало у Смита скол в его сознании и он, ничего не сумел ответить, только внимательно уперевшись взглядом в Вольфа. И так бы они, наверное, всё упустили, если бы из наушников до них не донёлся полный грубости голос Слоуна. – Стой, дура! – Услышав такое, Смит и Вольф мгновенно забывают о своих разногласиях или недоговорённостях, в общем, как кого больше устраивает и, быстро прикипают к наушникам, пытаются разобраться, что там такого случилось, что тот гад, позволил такие крайности в адрес своей подопечной.

Что между тем очень затруднительно сделать, когда ты в своих воззрениях на происходящее, опираешься только на одни слова, и то, которые служат не для того, чтобы им всё объяснить, что там происходит, а они лишь эмоциональным фоном оформляют происходящее. Тогда как Джейн, куда как легче понять, почему этот Слоун такой ругатель, а не козёл, кем она его хотела на ответных эмоциях назвать. Ведь она находится на месте и всё видит, что перед ней происходит и что вызвало такую реакцию Слоуна.

А происходило перед ней то, что скажем так, не входило в планы её беспрепятственного прохождения этого места – там, через холл, соединяющий два ответвления коридоров, из одного в другой сейчас проходила представительная масса людей. И вот на них-то Джейн, чуть было не наткнулась. И не успей её об этом так основательно предупредить Слоун, то она могла бы нарваться на лишние вопросы со стороны проходящих по этому коридору генералов.

А зная, какую всё больше инициативу проявляют генералы по отношению к симпатичным мисс, и на какой они способны юмор, то уж путь лучше Слоун ругает её последними словами, чем она будет потом ругать себя всё теми же словами за то, что она проявила профессионализм и не врезала тому ржачному генералу, который умудрился всех остальных ржачных генералов пересмеять, ржа над своей же плоской шуткой, отпущенной в её адрес.

В общем, Джейн, благодаря усилиям и расторопности Слоуна, вовремя спрятавшись за одну из колонн, сумела избежать этой совсем не нужной встречи с мимо проходящими генералами. И пока они там распинаются между собой, меряясь своим специфическим чувством юмором, – узнай о содержании их шуток, то содрогнулись бы сердца многих политиков, немедленно ринувшихся к телефону заказывать бомбоубежище, – Джейн начинает нервно перебирать пуговицы на своём жакете, пытается понять, как так Слоун сумел раньше неё обнаружить этих генералов.

И Джейн, приглядевшись к одной весьма выразительно выглядящей пуговице, поняла, как так могло случиться – вооружённым глазом всегда всё лучше видится. Правда теперь у неё возникли вопросы к службе безопасности этого здания. Как так могло случиться, что она просмотрела на ней эту с двойным дном пуговицу? – Ведь это так очевидно. – Сделала вывод Джейн, не уточняя, что для неё всё-таки очевидно. То, что ей это позволили это сделать, или то, что сейчас в этот микроглазок на неё смотрит Слоун. А если Слоун пока ещё не догадался о том, что она обо всём догадалась, то почему бы его немного не привести в чувство крайней степени волнения.

Для чего собственно многого и не надо делать, а всего лишь нужно начать расстёгивать свой жакет так этой пуговицей внутрь целеустремлённо, чтобы этот Слоун, частично видя, какое наполнение природных богатств там скрывается от любопытных глаз, с придыханием понял, чего можно больше и не увидеть. И судя по тяжёлому молчанию в эфире, Слоун всё это отлично увидел и очень даже себя и о себе всё понял – какой я придурок – и возможно, что даже осушил весь запас воды у себя в кабинете.

Между тем, там, за колонной, всё затихло и, Джейн, выглянув из-за колонны, обнаружила, что путь дальше по коридору, пока что свободен. И она на этот раз не стала спрашивать разрешения у Слоуна идти, а встряхнув голову Слоуна застёгнутой обратно пуговицей, вышла из-за колонны и направилась напрямик через этот холл (он, как узловая станция, соеди-

нял в себе множество дорог, где одна из них вела к кабинету президента) в сторону одного из коридоров, в конце которого и находился конечный пункт её назначения – кабинет вице-президента.

Правда стоило только ей выйти из-за своего укрытия и встать лицом к лицу к этому предстоящему ей пути, как ей почему-то вспомнились слова своих родителей. – Смотри, не встань на скользкую дорожку. – Что было совсем некстати и не к месту, и Джейн даже пришлось их одёрнуть спустя столько лет. – Вы забыли напомнить о существовании наклонной дороги. – И как только Джейн так им напомнила, как вдруг у неё заскользило под ногами и её одновременно понесло вперёд; и хорошо, что только в ногах.

И Джейн, таким образом следуя по этому просторному холлу, с большим трудом удерживалась на своих ногах. При этом она, чтобы не отвлекаться на своём пути, старалась не смотреть по сторонам, и лишь только раз, мельком бросила свой взгляд в сторону кабинета президента, где сразу наткнулась на настороженный взгляд охраны, – она всегда такая, ни одного мимо себя взгляда не пропустит. Чего ей хватило и даже придало импульс её движению вперёд. Где впереди её ждут кабинеты ... Хотя скорее не ждут, и с какой стати ждут, она что какая-то их руководительница, а так, всего лишь встречаются. Ну и плюс к ним, межкабинетные, стеночные пространства.

Ну а каждый из этих встреченных на её пути кабинетов, по своему интересен и имеет свою интригующую, а иногда и дух захватывающую историю. Как, например, первый по ходу от фигурально правильно выдержанного кабинета, другой президентский кабинет, о котором такие истории ходят, что их бы хватило для объявления импичмента ни одному президенту. И хотя Джейн так и тянет к этому кабинету, ну хотя бы только прислушаться, она знает, как это опасно, – духи президентского кабинета, не скреплённые обязательствами держать в тайне местные секреты, и то, что там, за дверями вечерами происходит, всё в один момент ей выболтают, и Джейн вполне может потерять веру в президентство, и как итог, на следующие выборы не пойдёт голосовать, – и поэтому она только пальчиком руки притрагивается к ручке его двери.

А как только его лёгким разрядом спохватило и частично президентской энергией от двери зарядило, то она сразу же выдвинулась дальше к следующему кабинету. Где как раз в себя пришёл Слоун после удара разрядом в ухо, который ему передался от заряженной энергией Джейн.

– Ты где? – спросил Слоун Джейн, с трудом различая, что делается вокруг Джейн. Теперь, после того как глазок камеры побывал в руках Джейн, он не то чтобы запотел исходящим от её груди жаром, а видимо, она взявшись руками за глазок, затуманила его.

– Приближаюсь к цели. – Совсем тихо проговорила Джейн, до которой стали доноситься шумы присутствия в этой части здания других людей. К тому же когда Слоун через этот свой вопрос косвенно указал ей о частичной потере визуальной связи, то она вдруг почувствовала себя, хоть и не совсем покинутой, но вроде как больше беззащитной. Отчего ей вдруг стало так зябко и холодно, что она поёжилась. Да так некстати это всё с ней случилось, что она на мгновение потеряла дар речи, когда вышедший из поворота какой-то чиновник, наткнулся на неё как раз тогда, когда она поёжилась.

И понятно, что этот господин, не обязательно хороший, а вот то, что он влиятельный и обладает какими ни какими, а властными полномочиями, то это вполне обязательно, увидев всё то, что продемонстрировала ему Джейн при его виде, всё это принял на свой счёт. Мол, вон какой вы грозный и ничуть не страшный, что только при одном вашем виде подкашиваются коленки, стыннут жилы и зябнут плечи. Впрочем, такая реакция на себя грозного, вполне устраивает и даже вызывает довольство на лицах облачённых властью людей, и чем же хуже их, повстречавшийся на пути Джейн господин. Да ничем не хуже, а много раз хуже и страшней, оттого он и принимает так снисходительно Джейн, и, усмехнувшись, идёт дальше.

Ну а Джейн в свою очередь, минуя расстояние, оставшееся до двери, ведущей в кабинет вице-президента, где как сейчас ею выясняется, было пусто. И она, остановившись напротив неё, даёт Слоуну знать о своём прибытии. – Я на месте. – Тихо-тихо произносит Джейн, вглядываясь в эту ничем не примечательную дверь, за которой её и того, кто там сейчас за ней находится, – а ожидалось, как планировалось, что там сейчас занимает своё вице-президентское место вице-президент Шиллинг, – ждёт такое событие, которое перевернёт их жизнь с ног на голову; и не только в том плане, который всегда приходит на ум, когда речь не просто заходит, а касается взаимоотношений между мужчиной и женщиной.

– Ну что? – в нервном волнении переспрашивает Джейн Слоуна, который и сам боится дать ей эту страшную команду, идти напролом, и главное, наперекор всему тому, что ты считал своим и за свои принципы. Ведь после этой, собственноручно произнесённой им команды, обратного пути и вполне возможно, что и к нему, не будет – он не сможет её и себя простить. И в Слоуне начинается борьба между ... Да все против всех в нём борются, пока кто-то там в нём не берёт даже не верх, а всего лишь слово, и с тяжёлым вздохом отдаёт команду: Иди.

Впрочем, эта команда уже запоздала и Джейн уже открыла дверь и в полкорпуса вошла в дверь кабинета. И она бы и дальше прошла, но ей не дали этого сделать. А всё потому, что так резво обернувшийся от своих дел, присутствующий здесь в кабинете и за рабочим столом господин, что указывает на то, что этот господин со злобным взглядом и есть тот самый вице-президент Шиллинг, к тому же смотрящий на Джейн с фоторамки, стоящей на полке шкафа, портрет улыбающегося господина, точь-в-точь, окромя только улыбки, похож на этого грозного господина, своим резким окриком: «Что надо?!», – сбил с хода Джейн и тем самым остановил её на полпути к нему. И теперь Джейн в растерянности стоит и потерянным взглядом смотрит на этого столь грозного господина.

Что, видимо, смягчает его, и господин вице-президент становится похожим на самого себя улыбочивого с рамки. – Не стоит так стоять в дверях, а то начинает сквозить слухами. Вы, я надеюсь, понимаете, о чём это я? – искоса посмотрев на Джейн, сказал вице-президент Шиллинг.

– Угу. – Кивнула в ответ Джейн, закрывая за собой дверь.

– А теперь спокойно скажите, с чем вы ко мне пришли. – Плотно посмотрев на Джейн, после того как она закрыла за собой дверь, обратился к ней Шиллинг.

– Я бедная овечка, заблудившаяся в этом вместилище хищников. – Поглядывая на Шиллинга исподлобья, проговорила Джейн. Что вызвало замешательство на его лице, и как казалось, то он принялся прислушиваться к тому, что происходило за закрытой Джейн дверью, которая по его же оплошности, к огромному сожалению оказалась закрытой. И что теперь ему делать, когда ситуация, в которой он сейчас оказался, – заперт в своём же кабинете, – не просто неоднозначная, а грозит ему такими последствиями, что, как минимум, он из неё сухим не выйдет.

– Ведь я же её сам спровоцировал на действия, и спроси меня затем под присягой судья: «Кто был инициатором закрытия двери для создания обстановки невероятной близости?», – то что мне останется сказать, как только признаться в содеянном. А если я попытаюсь отнекиваться, заявляя, что её никто не принуждал, то стоит ей сказать: «Разве я могла посметь отказать вице-президенту», – то приставка —экс, мне до конца тюремного срока обеспечена. – Накалился мозг Шиллинга от всех этих мыслей, что и привело его к срыву своих обязательств перед своим вице-президентством.

– Иди же ко мне, папочка тебя утешит. – Протянув руки навстречу Джейн, этой фразой из кино, которую всегда используют скользкие и грязные типы для достижения своих гнусных целей, пригласил Джейн к себе Шиллинг. На что следует совсем уж неожиданное при данных обстоятельствах действие.

– Стоп! – вдруг истошно заорал режиссёр, с полным ярости лицом выскочив из-за своего режиссёрского пульта, который, как и многое другое, что и кто участвует в съёмках кино – от кинокамеры до последнего ассистента – на этой съёмочной площадке располагался в эпицентре съёмочных событий, на переднем крае сцены. – Это что за самодеятельность? – подскочив теперь уже и непонятно к кому, к настоящему вице-президенту или отлично на него похожего или загримированного под него актёра, типа Тута Недотута, упервшись в него взглядом полным изничтожества, призвал его к немедленному ответу этот нервный режиссёр.

Но этот Тут Недотут (всё-таки это был не вице-президент, а иначе бы он и не стал слушать это ничтожество, режиссёра, и сразу же ему все его ноги отдалил своими же ногами), то ли заигрался в вице-президента, так вжившись в эту роль, то ли он, как все первой величины актёры, начал слегка «звездить», а может то и другое вместе взятые, что не важно, когда этот Тут Недотут, вместо того чтобы во всём согласиться с режиссёром, берёт и начинает оспаривать его решения. Мол, я импровизировал, говорит этот зазвездившийся актёр.

И, конечно, режиссёр закипает и не сдерживает себя в знании нехороших слов и всех тех подробностей из личной и до актёрской жизни этого Тута Батута (это его так режиссёр псевдонимом пригвоздил), который должен быть ему по гроб жизни обязан за то, что он его из грязи вытащил, отмыл и пристроил в киноиндустрию. И всё это уместилось в одном вопросительном слове режиссёра. – Что за на хрен импровизация?! – И видимо этот Тут Батут, прямо сейчас решил показать этому недалёкому режиссёру, который ни на шаг не отходит от прописанного сценария, что такое есть импровизация, раз он начал выдавливать на своём лице такие удивительные выражения.

И как это обычно бывает в актёрской среде, Тут Батут был недооценён и даже может быть недопонят, и не просто зрителем, а близким ему по духу человеком, режиссёром, который так возмутительно отворачивается от Тута Батута в сторону Джейн и говорит ей: «Вера, к тебе претензий нет. Ты можешь быть свободна». После чего резко так поворачивается к Туту Батуту, что тот опять с импровизировал на лице, но уже испуг и, схватив его за отворот пиджака, со словами: «А к тебе у меня есть отдельный разговор», – отводит того для обстоятельного разговора в сторону, подальше от находящихся среди съёмочной группы... Хотя, конечно, не совсем так, ведь это только так образно говорится, а так, находящихся в некоторой отдалённости от всех остальных прямых участников этого кинопроцесса, очень важных господ, которые может и не имеют прямого отношения к процессу производства кино, но это только так сказать. Когда без их финансовых вложений, его и запустить нет никакой возможности.

– Опять переигрываешь? – крепко вопросив и, также схватившись за грудки, начал крепко трясти Тута Батута и сам затрясшийся режиссёр. При этом глядя на них, и не поймёшь, кто из них является проводником своих потрясающих идей – так у них всё это происходит синхронно. Хотя всё же Тут Батут подыгрывает режиссёру, ведь он как никак актёр.

– Смотри, доиграешься. – Режиссёр всё не успокаивается и уже переходит на угрозы. Да так хитро, что Тут Батут даже не знает, как на них реагировать. Смотреть, и тем самым себя подвергать опасности быть снятым с главной роли (опять двусмысленность какая-то выходит), либо же не смотреть, и тем самым давать повод режиссеру думать, что он плевать хотел на него и на всё, что он скажет. И режиссёр, как будто читает эти его думающие поветрия – такое создаётся впечатление после его первых слов.

– Ты что думаешь, – резко напрягает Тута Батута режиссёр этим своим заявлением. Правда, спустя мгновение он успокаивается. Режиссёр, как оказывается, не столь дальновиден и имел в виду совсем другое, говоря так. – Раз перешли на цифру, то можно срывать график съёмок! – Начал искрить в глазах режиссёр. – Не беспокойся, я найду способ, с тебя взыскать за мою переработку. – Тут режиссёр делает небольшую паузу, чтобы подумать над тем, как ему взыскать с Тута Батута всю эту свою переработку. И видимо ему сейчас ничего в голову не приходит, раз он вновь принимается цеплять актёра.

– Ты что себе позволяешь. – Яростно возмутился режиссёр. – Думаешь, надел на себя дорогой костюм и он тебя от твоего безобразного поведения прикроет. Нет, у тебя ничего не получится. – Чуть было не сунул кулак в нос Туту Бутату режиссёр. – Привык играть супергероев и думает, что это его спасёт от сглаза (режиссёр видимо был в крайней степени раздражения, раз стал заговариваться). А ты разве не знаешь, почему все супергерои так нейтрально, в обтягивающее трико одеты. А чтобы не выделяться, выставляя напоказ свой харасмент. А ты надел на себя широкие штаны вице-президента и решил, что теперь ты свободен от обвинений в неподобающем поведении, ведь не видно. Ошибаешься дорогой, всё отлично, вот здесь видно. – Режиссёр указательными пальцем знаково постучал себе по лбу.

Но это всё осталось между ними, а вот что привлекло внимание одного из присутствующих здесь важных господ, так это произнесённое режиссёром имя Вера.

– Вера? Что это ещё за имя? – услышав произнесённое режиссёром имя, задался вопросом один из этих имеющих большой вес представительных господ, с несколько необычным именем Атнонта (за его спиной все его звали Антантой, а в лицо только так).

– Русское. – Совсем, совсем спокойно, даёт ответ Атнонте его сосед по месту, конгрессмен Альцгеймер. И Атнонта, как человек при обязанностях и немалых обязательствах перед законопослушными гражданами, – он по воле обстоятельств, прокурор, – не может не посмотреть на Альцгеймера, чтобы убедиться в том, что тот не шутит. Но тот даже и не думает шутить. Что не может успокоить Атнонте, и он его переспрашивает. – Русская?

– А что вас так удивляет, господин прокурор. – Теперь уже конгрессмен Альцгеймер удивлён такой непонятливостью Атнонте. – Сегодня ни одна уважающая себя организация, если она, конечно, хочет, чтобы её воспринимали всерьёз, не может обойтись без фактора русского присутствия. Тем более в нашем деле. – Добавил Альцгеймер.

– Да кстати, что за дело, ради которого вы меня сюда позвали? – спросил Атнонта.

– Скажем так, шпионские игры. – Посмотрев по сторонам, после чего придвинувшись к Атнонте, тихо проговорил Альцгеймер. Атнонта может и не прочь, быть более близким с властью имущими, но не так буквально, когда дышат прямо в лицо одеколоном. Отчего он не может конструктивно думать, и ему в голову лезут не относящиеся к делу мысли вопросительного характера. – Он что, его пил?

Альцгеймер же не обращает никакого внимания на то, как опасно себя выражает лицо Атнонты, – отчего складывается такое впечатление, что когда он готовился к этой встрече с Атнонте, брызгаясь дорогим одеколоном, то немного одеколона всё же перепало и ему внутрь, – и переходит к конкретике. Правда, когда дело касается таких секретных сфер, как шпионские игры, то и конкретика выглядит совсем по-другому, больше смахивая на вымысел и сценарий для высокобюджетного шпионского фильма, типа ноль в квадрате и всё один за всех семерых делает.

– С самого верха произойдёт выборочно дозированная утечка информации. Из которой каждая из заинтересованных сторон, в зависимости оттого, какая именно часть информации до них была донесена, узнает, что запланирована операция по дискредитации одного из высших чиновников президентского аппарата, а вот насчёт всего остального, то им остаётся только догадываться, уже исходя из имеющихся у них данных. Кто это высшее должностное лицо, кто её инициировал и кто будет её исполнителем, то об этих три Кто, никто ничего не знает. И что только все знают, так это те вероятные фигуры, по отношению к которым будет проведена эта спецоперация, и та причина, которая привела к этой крайней необходимости по отношению к выбранному лицу. – Альцгеймер опять посмотрел по сторонам и после этого, только что родившегося ритуала, вернувшись к Атнонте, продолжил говорить.

– Он потерял доверие в лице, понятно кого, – многозначительно сказал Альцгеймер, – но сложившаяся обстановка внутри администрации, на которую нападают со всех сторон, не позволяет этому, понятно кто, делать резкие шаги. И поэтому он создаёт для своих против-

ников подходящие условия для таких шагов. Пусть они сами оступаются. – Альцгеймер замолчал, ожидая ответной реакции Атанте. И она последовала в точно таком же туманном ключе.

– Мне, чтобы понять, о чём идёт речь, нужно хотя бы одно имя. – С не менее загадочным посылом сказал Атанта.

– Да хотя бы тот же господин вице-президент. – Усмехнулся, неожиданно для Атанты преобразившийся в самую простоту Альцгеймер, кивнув в сторону играющего роль вице-президента актёра, с которым там, в углу кабинета, разбирался режиссёр. – Чем не подходящая кандидатура. – И вновь Альцгеймер удивляет Атанте своим резким переходом из одного состояния в другое. И тут Альцгеймер, вдруг так резко, да так близко приближается к нему, что не продохнуть, и вслед за этим начинает глаза в глаза говорить. – А вся эта постановка, на самом деле, с двойным дном постановка. И мы не просто кино снимаем, а мы моделируем ситуацию с проникновением агента внутрь этого здания, и вслед за этим и ситуацию с самим вице-президентом.

– Но зачем так рисковать? – так и не поняв всей глубины задумки стратегического гения Альцгеймера, спросил его Атанта. – Когда этого вице-президента можно поймать на проступке в каком-нибудь другом, более доступном общественном месте. – И, наверное, не мысли Альцгеймер стратегическими дисциплинами, а всего лишь сиюминутными тактическими инициативами, то он бы сейчас вспылит, назвав Атанте так, как тому и не снилось, и как никто его не называл при его-то должности, – ваша честь, не делает вам честь.

Но Альцгеймер тот ещё игрок на такого рода поле битвы и он один из последних Могикан, кто ещё мыслит общими категориями, а не категориями себя. В общем, скажем так, его это мыслит, значит, думает. Тогда как все другие, мыслят в таком только плане – они не мыслят современным мир политики без своей фигуры или же мыслят категориями последствий, ища причину в следствиях. Это-то случилось не по причине такой-то, а вследствие такого-то вашего нескончаемого недоговороспособного поведения.

В общем, Альцгеймер не стал указывать Атанте на то, что он причина возникновения беспорядка в своей голове, – я отупел не потому, что рухнул в детстве с дуба, а лишь в следствии общения с тобой, – а сдерживая себя, принялся объяснять ему, почему был выбран этот столь сложный вариант.

– Место месту рознь. И если в одном месте ором кричи во всю глотку о помощи, то ты всё равно не будешь услышан, тогда как в другом, стоит тебе только полущёпотом о том же самом сказать, то об этом весь мир в тот же миг услышит. – Очень тихо всё это сказал Альцгеймер и на этот раз он был не только услышан, но и понят Атанте. Что позволяет Альцгеймеру продвинуться дальше.

– А вот что весь мир услышит, то право выбора предоставляется господину вице-президенту. Может за всем тем, что с ним случилось, стоят козни его предприимчивой супруги. Которой с недавних в голову ударили радикальные идеи непримиримости по отношению к своему супругу, который всю их совместную жизнь занимал самое большое место в её жизни, и теперь пришло время ему подвинуться; и не только с дивана, где он вечно храпит и так разляжется, что не повернуться. И она решила, не просто оставить вице-президента, а в квадрате его оставить – его самого и его самого без средств к своему существованию. – Конгрессмен Альцгеймер сделал лёгкий передых. Всё-таки затрагиваемая им тема была не из лёгких. А как только успокоил себя – не стоит зарекаться от массового психоза – то озвучил вторую версию объяснения того, что могло стоять за всем случившемся с вице-президентом.

– Политическая мотивация. – Коротко сказал Альцгеймер. Чего вполне достаточно Атанте, отлично знающего, что этого универсального объяснения всегда достаточно для вынесения любого приговора.

Альцгеймер между тем дополняет себя. – Для подтверждения этой версии, собственно и нужен этот наушник. И как понимаете, основная цель всей операции, это его пронос в каби-

нет вице-президента. Ну а то, что этот наушник оказался в ушах, ни у кого-нибудь, а у русской, то этого с лихвой хватит ... – Но здесь Альцгеймер резко себя обрывает и, приложив палец к губам, таким образом, даёт понять Атнанте, чего там и сейчас здесь хватит. Что может и не устраивает Атнанте, желающего знать побольше секретов. Но он ничего не может поделать, и если Альцгеймер сам не захочет сказать, то не скажет. Хотя вроде бы он что-то хочет сказать, и говорит.

– Но всё это только один из вариантов того, что запланировано, и то лишь в той версии, которую мне озвучили, а я её по-своему интерпретирую. Что может быть так и задумано, а может и часть чего-то большего, и кто знает, может и я, сам того не осознавая, кем-то по своему пользуюсь. А затем вы, и так далее, по своей цепочке. – Сказал Альцгеймер.

– М-да. Чёрт ногу сломит в этом деле. – В ответ выдохнул Атнанта.

– Вот поэтому вы нам и нужны. Кто как не вы, умеет отделить зёрна от плевел. И только вы умеете посмотреть на дело с любой из сторон и прочесть его одинаково, так, как вас это устраивает. – Посмотрев через прищур взгляда на Атнанте, сказал Альцгеймер.

– Интересное предложение. – Потерев перчатки на руках, более чем понятно для Альцгеймера, сказал Атнанта. – И я бы его назвал «Залапанные». Без обоюдности ничего и никогда не обходится. – Добавил Атнанта, и Альцгеймер не стал возражать против этого. А вот насчёт главной героини, Джейн, то тут у него имелись свои возражения. – В этой роли я вижу только Киру. – Невзирая на режиссёрские решения, пришёл к однозначному для себя выводу Альцгеймер, вдруг вспомнив, что совсем забыл, когда в последний раз видел Киру. А как вспомнил, то его рука сама невольно потянулась в сторону его внутреннего кармана, где лежал телефон.

– Я должен её немедленно увидеть. – Набирая номер Кирино телефона, всё за всех решил этот так спешащий жить конгрессмен.

Глава 2

Достали

«Достали», наверное, самое наиболее частое, если не звучащее, то так и напрашивающееся высказаться выражение, правда только после столь великолепного, такого многозначительного высказывания, как «обеспокоен» (и он, тот, кто так выразительно, весь из себя обеспокоен, действительно обеспокоен, если не сказать больше, крайне озабочен из-за этой революции, происходящей в его животе, или же раздумыванием над тем, как ему дома объяснить свой сегодняшний поздний приход, который что-то ему подсказывает, сегодня непременно случится), которое так и вырывается из твоего нутра при виде всего этого, того, и того тоже, даже не лица, а физиогномического представительства современного политика.

И если насчёт этого туманного «обеспокоен», несмотря на всю его дипломатическую не детализированность, своего рода расплывчатость, по большому счёту всё ясно – каждого волнует только своё я – то вот насчёт этого «достали», то тут бывает так по разному, что сразу и не разберёшь что к чему. И чтобы хоть как-то понять, что всё-таки достали или чего туда сперва клали, чтобы потом достать, то будет нужно подойти к этому вопросу более внимательно и местами пристально.

– Достали! – так первое, что вырывается из горла рядового человека при виде лиц современной политики, которые на тебя так пристально смотрят со всех информационных полос различных СМИ, экранов монитора компьютера или телевизора, как будто ты им чего-то и за что-то там должен – да хотя бы избрать их. А за что или зачем, то этот вопрос для них совсем не сложный. Да хотя бы за то, что они так за тебя стараются. Да и ты, в общем, не останешься в накладе – избрал, затем из головы и сердца вон, и как бы уже легче. А что б ты об этом не забывал, они так и тычут пальцем в твою сторону – если ты забыл, то я тебе напомню о твоих обязанностях быть обязанным, или вечно кивают головой в ту же сторону – так и так, а я всего лишь лицо, представляющее его волю и интересы, и с него, в общем-то, и спрос.

Впрочем, рядовой избиратель не одинок в своих воззрениях на все эти лица политиков. И даже самих политиков, нет, нет, да передёрнет при виде сующего свой длинный нос в его дела, сразу и не поймёшь кого, политического шута или шута с наполеоновскими амбициями. Правда политик это вам не рядовой избиратель, который может на кухне нести всё, что ему вздумается и взбрёт в голову, а он всё-таки на службе (радеет за тебя), и не может так поспешно и недальновидно поступать, и должен стратегически, на будущее мыслить (а то бы он давно всех своих партнёров по коалиции послал известно куда – переизбираться, и всё, что тут происходит и каждого в отдельности, обозвал бы своими именами). И поэтому он вынужден сдерживать свои эмоции, и ради всего самого хорошего и доброго, а также сохранения стабильности во всём мире, ему приходится терпеть все эти выходки и демарши своих политических партнёров, которые по прямому счёту и не партнёры вовсе, а самые что ни на есть наипервейшие враги.

И здесь даже сразу и не разберёшь в чём тут дело. То ли дела в политической сфере так идут поганно, что погрязшие в них политики, так сказать, поднаторели, тьфу, поохерели ... Мм. Да нет, хотя да. В общем, поднабрались от этих нехороших дел всего того, что они и несут в себе – лицемерия и ханжества, а по современному, двойной стандартизации (сейчас всё имеет двойное назначение) – либо сами политики, подстраиваясь под современные стандарты качества, сообразно им так измельчали. А что поделать, когда высоких идей давно нет, а всё то, что лежит на повестке дня, так только брэнное, которое согласно закону всемирного тяготения, прибывает к земле, понижая значимость всего высокого и повышая значение условно низкого,

то есть того, что нам ближе – бытия живота своего. Отчего всем стало так близко, что не продохнуть от жара желаний политиков сделать всех нас счастливыми.

И вот это «Достали!», нет, нет, да прорвав все дипломатические препоны в виде предсказуемости мышления и заикленности на чём-то одном, вырывается из груди, даже у самых отпетых политиков (из бывших ди-джеев), привыкших себя только в таких вещах сдерживать. И они вдруг вспоминают, что и они тоже люди, а не агрегаты проводимых в жизнь решений. И все эти прорывы в мышлении у них происходят так неожиданно, что они сами того не ожидая и не осознавая, сразу напрямую, прямо в лицо этой доставшей уже сил нет, сволочи, говорят, что у них внутри накипело. – Видеть твою рожу протокольную, больше не могу и не буду. Тьфу, на тебя.

Ну а той хоть бы хны, и она, эта рожа протокольная, только улыбается в ответ – а переводчик перевести всё то, что ты так красочно сказал по поводу её предложений, не то чтобы не смеет, а ему его словарный запас, состоящий из одних приличных слов, не позволяет этого сделать (вот если бы он начал свой путь наверх оттуда, откуда начал его этот политик, то он бы знал, что и как переводить). Да и уж больно это предложение звучит замысловато и двусмысленно, что лучше не стоит его делать по отношению человеку не обременённому брачными отношениями (вдруг скажет да), да и нарушать протокол неизвестными словами переводчик не может по тому же протоколу. Вот когда в него внесут соответствующие изменения и в рамках приличий будет разрешено матерными словами перекидываться друг с другом и по другому никак, то тогда он так и быть, возможно, сумеет передать госпоже премьеру все эти ваши пожелания ей здоровья.

Но это так легко решается только на дипломатическом уровне, где все друг друга и с переводчиком с трудом понимают, а что уж говорить о том, чтобы понимать без него. Чем многие и пользуются, отпуская в адрес своих оппонентов непереводаемые словосочетания, тем самым создавая особые красные проблемы на лицах переводчиков своих партнёров по той же коалиции, связанных не просто словом (если быть честным, то на слово в таких коалициях никто никому не верит), а словом подписанным под обязательствами.

Чего так не скажешь, если твои партнёры по коалиции или по чему-то такому близкому к власти, разговаривают с тобой на одном языке, хоть и матерном. И если ты вспылел в адрес той сволочи, которая всё отлично понимает и тебя видит в таком же точно свете, то она, эта сволочь, а формально вроде как партнёр, будет потрясена даже не тем, что вы так отлично осведомлены о её внутренней мотивации при ведении переговоров и вообще о том, как у неё дома складываются из скандалов дела, а она будет ошеломлена новым трендом в политике, который вы сейчас на её примере ввели в обращение – прямолинейность во всём.

– Всех уж достало это лицемерие и враньё. Отныне всё будем называть своими именами. И если ты подлец, подлец, то и называться ты будешь так, а не как раньше, сукиным сыном. – Как врежет кулаком по столу, а ярким словом по головам всякого рода политиков, сидящих здесь на заседании комиссии по этике, не сдержанный на слова и поступки, новой формации политик, с ярким именем Демагог, который и стал таким популярным политиком, лишь благодаря своей несдержанности на слова. За что его и призвали к ответу товарищи по партии – понятно, что завидуют его популярности, а вот противопоставить ему ничего не могут, как не пытались быть ближе к народу, матерясь и уходя в запой (может для этого и вызвали его на эту комиссию по этике, чтобы выудить из него все эти секреты).

А ведь секрет на самом деле очень прост – не нужно было так поспешно демонстрировать на себе такое довольство жизнью. Ведь тебя в высокие выборные должности избрали не для того, чтобы ты довольствовался жизнью, а чтобы ты боролся и страдал за чаяния своих избирателей. И теперь что получается, ты довольствуешься, а избравший тебя народ мучается, глядя на то, как ты за их во всех смыслах счёт, удовольствуешься жизнью – у рожа самодовольная! Ведь такова правда жизни, которая складывается так, не просто потому, что так недоволь-

ным своей жизнью людям думается, а потому, что таковы законы природы, где один из них, закон сохранения энергии, напрямую говорит и указывает на все эти обстоятельства дел – если в одном месте убыло, то в другом месте обязательно будет прибыль. И если его подвести к нашим сложившимся обстоятельствам, то если прибыль на лице и на боках избранника появился, то уж точно не от хорошей жизни его избирателя (хотя как сказать).

Но о таких вещах, прибывающий в своём самодовольстве народный избранник, не спешит распространяться, – физику в школе все изучали, так зачем повторяться, – и быстро хватается за что-нибудь не касающееся его напрямую – за дело своего же соратника по партии.

– А как же политическая целесообразность? – возмутится слишком всё близко и напрямую к сердцу принимающий, представитель комитета по стратегическому планированию, да тот же генерал Сканнет. Которому для своих действий почему-то всегда нужны какие-то оправдания, да ещё возможно, что и правомерные. Вот генерал Браслав другое дело. Ему дай координаты цели, и всё, остались одни только координаты утюженника (Атлантиды, так любил называть результаты своего вмешательства Браслав).

– Да ты, как я посмотрю, тоже подлец. И проводишь политику протекционизма. Корешей защищаешь. – Мгновенно его срежет конгрессмен Демагог.

– Ну, таким макаром, мы до уличного образа жизни опустимся. Будем по улицам пешком ходить, а не на автомобилях перемещаться. – Возмутится в ответ мистер Биркин, представитель службы внешних сношений, а не как пять минут назад называлась эта служба, департамент по международным связям (он отвечал за то, чтобы эти связи были безопасными, вот, наверное, почему, они были такими закрытыми).

– Вот и хватит всё по подворотням людей пугать. Пора бы выйти лицом к лицу к людям. – Ещё раз по столу кулаком добавил от себя Демагог. И решено было, что раз он такой умный, то пусть и покажет пример и без охраны выйдет в люди.

– И выйду! – непонятно кому пригрозил Демагог. А все так испугались, что как только Демагог вышел из кабинета, как все и забыли, и не только о его угрозах, но и о том, по какому собственно поводу, его вызывали на комиссию по этике. И председатель комиссии, спустя время понадобившееся ему для того чтобы найти смятую бумажку, на которой была написана повестка дня, вынужден был признать, как конгрессмен Демагог ему близок. – Ну и ловкач же конгрессмен Демагог. Так голову нам сумел запудрить, что у него получилось избежать наказания за свою прямолинейность, которую он проявил по отношению к нашему пресс-секретарю, мисс Классинг.

– А что он сделал? – как будто очнувшись от глубокой дрёмы, толкнув в бок рядом сидящего и не пойми кого, но судя по мягким бокам, то мягкого человека, тихо спросил его конгрессмен Тук. Ну а мягкий человек, как оказывается, во всём мягок, и отвечает до чего же нежным, с привкусом земляники женским голосом. – Продемонстрировал, какие у него загибающие руки.

– Вот как. – Удивился конгрессмен Тук, невольно посмотрев на свои руки. Которые, как им посмотрелось, только отдалённо напоминали такие, безусловно необходимые для работы конгрессмена характеристики. После чего конгрессмен Тук переводит свой взгляд на рядом сидящую мисс и спрашивает её. – И что, много он там нагрёб?

– Столько, что теперь и не разгрёбёшь. – Стальным голосом проговорила эта мисс. И похолодевший в спине конгрессмен Тук, догадался с кем Демагог так опрометчиво связался.

Но всё это только производственные моменты, которые хоть и придают многому из происходящего своё значение, но в виду того, что они существуют, как элементы связи, так необходимые для выполнения ещё одного из основополагающего закона жизни, закона трения, то их значимость выражается во влиянии на внешнее выражение любой политики, лицом которой становятся именно те, кто нашёл способ, если не обойти этот закон взаимности, то, как минимум, минимизировать его влияние на себя. Вот, наверное, почему, возникает ощущение

скользкости, когда слышишь и видишь эти обращённые к тебе речи этих лиц политики смягчения.

Но ладно со всеми этими производственными моментами, когда моменты с этой эмоциональной невоздержанностью: «Достали!», – порой настаивают таких важных и влиятельных людей, что и не подойти к ним без соответствующего разрешения, что с трудом можно подумывать, как так вообще может быть. Все-то на их счёт думают, что они как скала, не поддаются, ни чувствам, ни эмоциям не по делу, – и даже возможно, что и всё человеческое им чуждо, их естество живёт по иным законам, – а как оказывается, что всё совсем не так.

И эти окружённые мифологической дымкой загадочности люди, а по простому избирательному праву, избранные президенты, также как и самый простой человек, дышат, пьют, как собаки, сопереживают любимой команде и даже способны на такие матерные произведения искусства, что уши у некоторых чувствительных людей могут завянуть, услышь они, как избранный ими президент, презентует своего, конечно, не такого как он демократически избранного, но всё же президента, вдруг ни с того ни с сего покотившегося по авторитарной наклонной.

– Дать бы ему по рукам. – И только так о нём подумает вслух Мистер президент, как уже в его кабинет спешит начальник всех его штабов, неутомимый Данфорт, чтобы положить ему на стол, прямо сейчас на коленке разработанный им план того, как можно ударить этому зарвавшемуся президенту по рукам. – Превентивный удар. По мне так, достаточно эффективный и что главное, очень болезненный способ напомнить той неблагодарной сволочи, на чём зиждиться его избранность. Напрочь отбивает охоту пользоваться руками. Их у него попросту оторвёт. – С наисерьёзнейшим лицом, а по-другому он и не умел смотреть на мир полный целей, генерал Данфорт высказал Мистеру президенту всё то, что он думал на счёт отбившегося от рук президента.

Но у Мистера президента ничего такого не было в мыслях и планах, – этим генералам только дай повод подумать, что ты уже подумал, как развязать им руки (они почему-то считают, что они у них связаны), как они уже готовы вести себя развязно, – и он осаживает генерала умелой контраргументацией. – Так если ему оторвёт руки, то как он будет подписывать свою капитуляцию. – Сказал Мистер президент и, не давая возможности генералу Данфорту возразить: «Хоть ногой, у него их две», – выпроваживает его из кабинета, давая ему время подумать и разработать более стратегический план.

– Этот, сами говорили, на коленке состряпан. А мне нужны выдающиеся решения. – Закрывая дверь за этим поспешным на решения генералом, спровадил его словом Мистер президент. – А пока эти его предложения выдают в нём, а значит и в нас, если мы его соображения примем за план реализации, за тех, за кого бы мы не хотели, чтобы нас принимали. – И только Мистер президент так подумал и начал разбирать в уме, за кого бы он не хотел, а все остальные, в основном противники, хотели бы его и всю его администрацию считать, – за сборище полных, а местами откровенных идиотов. Но это уже данность и многие так и считают, даже если я так не считаю, – как ему уже начинают мешать так считать (а это уже о многом говорит – они не считаются с мнением президента).

Так к нему в кабинет спешат уже другие представительные, представляющие собой другие ветви исполнительной власти люди – главы секретных служб, глава департамента внешних сношений (раньше этот департамент назывался коммуникаций, но сегодняшние отношения между этими представительствами стран опустились до такого низкого уровня, что пришлось внести эти, более отвечающие духу времени поправки), разного рода и звания генералы, и куда уж без них, без советников по безопасности, которые чуть слюной не подавились, когда услышали, что Мистер президент посмел без их совета и даже ведома, продемонстрировать самостоятельность, и позвал к себе начальника всех штабов (а его без веской причины не зовут).

И тут ничего не поделаешь, и сколько не шифруйся и не секретничай, заигрывая со спецслужбами, всё равно вскоре, всё то, что случилось у тебя в кабинете или где-нибудь рядом, в зависимости от твоей занимаемой должности, в той только части, которая будет соответствовать уровню твоего допуска до секретов и тайн, будет известно всем остальным людям. Ведь президентский дом, как одна большая, но только запертая под одним настилом деревня. И если на одном краю у кого-то чихнётся, то об этом вскоре будут знать и все остальные жители этой фигуральной деревни.

Да вот, к примеру, главы двух самых секретных правительственных спецслужб, Гилмор, возглавляющий центральное управление разведки и новый глава агентства безопасности, Спарк, которые стояли в курилке и, делясь секретами, естественно, чужих разведок – кто с кем, когда и зачем – одновременно с этим, по выражению лица своего визави (косясь боковым зрением на подвешенное сбоку зеркало) анализировали насколько сказанное собеседником, соответствует действительности или простыми словами, насколько далеко может зайти в своём трёпе его соперник, приписывая его заслуги себе и наоборот (не секрет, что все спецслужбы яростно конкурируют между собой и так сказать, ревностно смотрят на чужие успехи – это единственный не секрет, который существует).

И, конечно, при этом каждый из них не может без того, чтобы не пустить дым в глаза своему сопернику. Ну а чтобы соперника, как следует, пробрало, то они идут на определённые жертвы, выбирая для себя самые крепкие сорта сигарет, да с таким едким дымом, что сам почернеешь, затягиваясь ими. И хотя каждый из них и крепится, но слёзы из режущихся глаз не спрятать и это выдаёт в них натуры чувствительные, а не как они, не раз занимаясь мифотворчеством, в своих резюме писали – я тот ещё за кремень.

И вот когда обстановка вокруг них особенно раскалилась – сигареты во рту подходили к своему логическому концу, к фильтру – и нужно было искать новые источники вдохновения или же пути отхода, как вдруг в помещение туалета, в котором находились эти господа и которое они приспособили под такого рода дымное дело (с этим людьми из секретных служб, всегда так), заходит вечно не отдающий своим действиям отчёт, а всё потому, что он крайне занят тем, что составляет отчёты на всех остальных, даже на один раз мимоходом им встреченных людей, самый информированный человек на свете (это он сам себя так называет), пресс-секретарь президента, мистер Спит.

И, понятно, что к таким людям стоит прислушаться, даже если они ничего пока не сказали (и даже если они порят чушь – но это личное, а не должностное мнение Гилмора), тем более когда ты по роду своей деятельности только тем и занимаешься, как прислушиваешься к другим людям. И эти господа, мистер Гилмор и Спарк, ещё буквально одно мгновение назад, столь яростно оспаривавшие между собой право иметь свою точку зрения, и анализировать окружающее и друг друга беспрепятственно и без дымных примесей субъективизма, что у них не очень-то и получалось, теперь в один момент оставили взаимные кривотолки – даже сквозь эту дымовую завесу на их лицах проглядывалась вся степень их понимания друг друга, и при этом в том самом качестве, когда человека мало кто понимает, и совершенно не разберёшь, что он там мычит с перепоя. И они, бросив друг на друга откровенно враждебные взгляды: «Мол, не задымляй своим присутствием окружающую обстановку», – покосились в сторону весело посвистывающего господина Спита.

А из-за такого посвистывающего отношения к жизни господина Спита, можно было, конечно, сделать поспешные выводы – на рынке облигаций ожидается значительная коррективка – но у Гилмора и Спарка на данный момент не было в наличие свободных средств и они так уж и быть, записали эту информацию в ячейку своей памяти, предназначенную для своих не бедных родственников.

Сам же Спит тем временем, как обычно не утруждает себя соблюдением правил приличий, и он, совершенно не обращая внимания на притихших господ Гилмора и Спарка, занят

только самим собой – так он, заняв наблюдательную позицию у зеркала, принялся там, у себя на носу, что-то давить. Что постепенно начинает бесить и выводить из себя Гилмора и Спарка, у которых даже во рту стало жечь оттого, что им тошно было видеть это неприкрытое самолюбование этого красавчика Спита.

– Ещё лицом президента называется. А сам весь в прыщах. – В единодушии переглянулись Гилмор и Спарк. – Да он тем самым компрометирует президента. – Углубились дальше в свои мысли эти господа. – Теперь любой может сказать, что политика президента, прыщавая и сопливая. И у него ещё и молоко на губах не обсохло, чтобы нам что-либо советовать. Подрасти вначале. – И кто знает, куда эти господа Гилмор и Спарк могли бы зайти в своих рассуждениях, если бы этот Спит, так за между прочим, как он всегда делал на пресс-конференциях, где он самое главное лицо, и поэтому не собирается спрашивать ни у кого разрешения говорить и его желания слушать – ты в любом случае будешь его слушать, с желанием или без – как кость собаке кидает им многозначительную фразу.

– И куда это люди так вечно спешат? – многозначительно так, задался вопросом Спит (это не та кость, а всего лишь прикормка в виде предисловия). На что ему нашли бы что ответить эти ненавидящие его всеми своим обгоревшими губами господа, – в твоём случае проявлена непростительная небрежность, и почему-то ещё никто не поспешил кулаком заткнуть твой поганый рот.

– А уж если ты генерал, то вообще спешить преступно. – Кинул свою кость Спит этим господам, у которых одновременно выпали из онемевших ртов сигаретки, и они, округлившись в глазах, принялись высматривать в Спите хоть каких-то уточнений об этом спешащем генерале. Ну а Спит, скорей всего, смотрел на всю эту историю со спешащим генералом, со своих просветительских позиций – этот козёл, его чуть с ног не сбил – и он не спешит задуматься над тем, что могло послужить причиной этой спешки. А не мешало бы. Ведь он сам же знает, что в стенах этого дома, ничего без веской причины не делается и не происходит. Хотя то, что он прибытию сюда, в это общественное место, куда хоть раз в жизни да спешишь, попытался заглянуть под низ кабинок, говорило о нём, как не о таком уж и несмышлёном человеке.

– Не бывает правил без исключений. – Вдруг сказал мистер Гилмор, чем перевёл всё внимание Спита и Спарка на себя.

– И что же это за исключение такое? – спросил его пресс-секретарь.

– Если тебя, к примеру, ждёт не дождётся награда, в виде звезды на погонах. – Многозначительно сказал Гилмор. И ответ Спита неожиданно удивил всех. – К этому генералу это не относится. У него погоны под завязку полны звёзд. – С какой-то прямо досадой, и не пойми на кого, на того ли неизвестного генерала, за то, что он не оправдал возложенных на него надежд и рано получил все эти звёзды, или на Гилмора, за то, что он ничего поинтереснее не мог придумать, сказал Спит и, махнув рукой, выдвинулся в сторону выхода. Тогда как соперник и конкурент Гилмора на поле секретной деятельности, Спарк, прямо с восхищением посмотрел на него. – Как ты ловко сумел из него вытянуть эту информацию о спешащем генерале. – Так и говорил взгляд Спарка. – Теперь круг подозреваемых в спешке генералов, значительно сужается.

Ну а на Гилмора видимо снизошло вдохновение и он прямо-таки вынуждает этого пресс-секретаря раскрыть имя этого спешащего генерала. – Много я знавал генералов, которые спешили успеть... – Резко оборвав себя на полуслове, в задумчивости замолчал Гилмор, из под прищура своих глаз поглядывая на вдруг остановившегося и обернувшегося в его сторону Спита. Но Гилмор не тот спешащий генерал и он умеет держать паузу. И только тогда, когда Спит хотел было махнуть рукой уже на своё любопытство, он говорит. – Избежать на свой счёт поспешных решений руководства. А как можно бегством что-то избежать. Нет, только наступление спасает от всех этих казусов. Да, кстати, – вдруг обращается к Спиту Гилмор, – как звали вашего спешащего генерала?

– Данфорт. А что? – переспросив, так и не понял Спит, о чём его спросил Гилмор. А вот Спарк всё отлично понял, а как понял и узнал имя этого спешащего генерала, так в волнении вслед за Гилмором и потянулся за новой порцией дыма в карман. Ну а так как ответом на вопрос Спита послужил дымный выход из лёгких Гилмора, то он не стал дожидаться, когда тот соизволит надуматься, и покинул помещение туалета, оставив там этих господ в состоянии полнейшего погружения в созерцание кончика своей сигареты.

И вновь они погрузились в туманное состояние неопределённости – каждый из них был решительно настроен действовать, но не решался раскрывать эти свои намерения перед своим соперником (а вскрытие намерений своего противника первый шаг к победе) – и теперь они волнительно ждали и сами не знали чего. Но тут вид кончика горящей сигареты наводит каждого из них на одну и ту же мысль, и она приводит их к тому, что они начинают захлёбываться от горечи и дыма, пытаясь срочно закончить с этой вредной привычкой, ведущей только к одному – потере здоровья, с разориентацией в пространстве, слабости в ногах и приобретению нездорового вида лица, с которым они вскоре, после необходимых отговорок и устремились на выход.

– Всё. Мне пора. – Еле сдерживая себя от кашля, с хрипотцой в голове сказал Гилмор, откидывая полудымящуюся сигарету в умывальник. Дальше у него просто не было сил бросить – а показывать перед противником свою слабость, он не мог. Уж лучше продемонстрировать противнику свою беспринципность и отвязность.

– Мне, пожалуй, тоже. – С трудом, вначале разобрал в уме, а затем выдавил из себя осмысленные слова, переполненный дымом Спарк и, удерживая себя от попыток продемонстрировать, как ему тошно плохо, с непринуждённым видом забросил свой окурок не туда, куда хотел – в тот же умывальник (а я чем тебя хуже) – а куда-то там, в сторону одной из кабинок. И хорошо, что тот, кто оказался на месте того, кому попал окурок за вороток рубахи, оказался профессионалом своего дела, и он ни единым звуком не выдал, как он терпеть не может мусорящих окурками людей. А в один момент прислушавшиеся, вначале к полёту окурка, а затем к странному шипению Гилмор и Спарк, так и остались в заблуждении насчёт его присутствия там, в кабинке. – В бачок попал. – Подвёл итог этому шипению Спарк.

Ну а так как это был окурок Спарка, то и последнее на его счёт слово за ним, и Гилмор больше ничего не говорит, и сдержанным на эмоции шагом (а его так и шатало их проявить), выдвинулся на выход. Куда вслед за ним, со всё той же обстоятельностью хода, пошёл и Спарк. И так они шли до тех пор, пока не достигли первого перекрёстка пути.

– Ну, мне, к сожалению, направо. – Непонятно к чему так сказал Гилмор, глядя на Спарка. На что Спарк, немало озадаченный этим заявлением Гилмора, – что всё это значит? – всё же сумел удержаться от так и напрашивающихся вопросов по этому поводу. При этом ему не просто сдержалось, а он сумел по-своему поддеть своего соперника.

– А меня, как я понимаю, ждёт путь без сожалений. – Полувопросительно сказал Спарк. На что Гилмор внимательно на него посмотрел и с видом обречённости, сказал. – Но не без шишек.

– Ладно, ещё увидимся. – Кидает на прощание слово Спарк.

– Смотри не напророчь. – Усмехнулся в ответ Гилмор.

После чего каждый из них идёт своим путём. Ну а как только они расходятся, то вскоре теряют друг друга из вида. А как только они таким образом обрадовались, то только тогда они уже позволили себе прислониться к стеночке, чтобы привести себя в чувство, а уж вслед за этим, броситься наперегонки со всеми, кто был наслышан о спешащем генерале, и само собой, заинтересован в том, чтобы прибыть в кабинет президента первым.

И уж будет лучше оставить в покое и совсем не упоминать о том, какими путями и как добирались до кабинета президента все эти заинтересованные лица – часто спотыкаясь и отдавливая себе ноги вместе с языками и, при этом демонстрируя полную невозможность и не заин-

тересованность в том, что вокруг с ними и окружающими происходит (а это первый признак их нетерпения) – а лучше сразу пройти до самих дверей президентского кабинета, вслед за довольно странно идущим к этому кабинету Гилмором. И этот Гилмор, используя наработанные годами методы ведения скрытного наблюдения и другие секретные натоптыши, много кого на своём пути к кабинету президента попытался обмануть и насчёт себя ввести в заблуждение. Правда все они, те, кого он попытался ввести в заблуждение или обмануть, почему-то после встречи с ним, все до единого говорили одно и то же, – и кого он хочет в вести насчёт себя в заблуждение, я всегда знал, что он полный придурок.

Но Гилмор об этом не знал, да и считал по-другому. И он в зависимости от попавшего ему на пути лица, строя себя или из себя, то полную невменяемость, к которой склонны увлечённые одной мыслью люди-философы, то демонстрируя всем собой свою огромную значимость, со своей неприступностью лица, – тьфу на вас всех и лучше не подходи, – а в исключительных случаях и принципиальность – куда хочу, туда и буду смотреть, хоть на твои, хоть на свои ноги и грудь – таким образом и добрался до кабинета президента. Где и натывается, сейчас и уже и не поймёшь, на чьё пророчество, но вроде бы на Спарка. Который, конечно, на всё имеет свой взгляд, и он, заметив Гилмора, ясно говорил. – Накаркал.

Ну а как только все эти заинтересованные силы, собрались вместе с собой и с духом, то они и заявили к президенту с претензиями на вопросы. Где главный из этих вопросов стоял упреком в их лицах. – Почему, вы, Мистер президент, столь не предупредительны ко всем и в частности ко мне, когда как ко всяким генералам, не просто испытываете предубеждения, а вы их предпочитаете всем остальным?

Ну а Мистер президент, теперь вынужден оправдываться за то, что он и не делал. А ведь он сам президент и так сказать, отвечает за свои действия только перед избравшим его народом и больше не перед кем, и ему вдвойне сложнее себя сдерживать, видя эти, до чего же нервные, как хочется по ним пройтись правдой-маткой, лица, так не сдвигаемо с одной мысли ждущие от него объяснений. И, конечно, у Мистера президента в голове возникает одна другой хлеще фантазии, как поддеть этих великовозрастных, и вроде бы с виду не глупых господ, которые каждому слуху верят и по первому зову, сломя голову несутся сюда, чтобы узнать – верно ли всё то, что ему в курилке сказали.

– Обрадовать их что ли, войной или хотя бы бомбометанием. – Подумал Мистер президент, через прищур глаза посмотрев на ждущих его слова глав силовых ведомств и блоков. – Пожалуй, это их и вправду только обрадует. – Засуровил во взгляде Мистер президент, не собирающийся давать лишнего повода для радости всем этим дородным физиономиям, которые, судя по их наполненности, вполне были довольны своим занимаемым местом и самими собой. – А как можно добиться прорывных изменений, если отвечающие за эти изменения, итак всем довольны? – И тут Мистера президента при их виде посетила очень-очень здравая мысль.

– Будь голодным, говорил уже и не помню кто (президент, конечно, помнил, но так как он старался не помнить своих критиков, то он и не помнил). – Начал подводить итог своему наблюдению Мистер президент. – И только так можно достичь прорывных целей. И значит, мне придётся, как следует, их растряссти. А ничто так не мотивирует на действия, как неопределённость своего положения и недоговорённость. – Мистер президент остановился взглядом на Гилморе, главе Центрального управления, теперь уже одной из многих, и не такой известной спецслужбы, а когда-то она, ох, как гремела и вызывала оторопеть у врагов.

И обращённый на Гилмора взгляд Мистера президента, не прошёл мимо остальных находящихся в кабине глав служб и департаментов. А как не прошёл, так сразу же оправдал их предположения – затевается что-то действительно не шуточное, если президент в первую очередь посмотрел на главу этого ведомства, внушающего много чего и в том числе ужас. Почему так решили все эти глубокие умы, то не сложно понять, если столько раз заходишь к прези-

денту и видишь, с чего и что начинается. Так сказать, первый взгляд редко обманывает, а если этот взгляд принадлежит президенту, то он подводит к теме сегодняшней дискуссии.

Правда сейчас в кабинете нет отвечающего за финансы Брумберга, а значит, их предположение о том, что президентом действительно затевается что-то нешуточное, не имея соответствующей финансовой поддержки, как бы теряет всю свою основательность. И если под новый проект не заложена финансовая составляющая, то разве можно серьёзно об этом говорить. И тогда получается, что на этот раз все эти здравомыслящие люди ошиблись насчёт президента (а ведь они сколько раз про себя и в кругу своих единомышленников говорили, что так насчёт него ошибались, вот их мысли и материализовались – правда, они пока не спешили категоричничать, заявляя, что ошиблись, а это их ошибались, ни к чему не обязывало) и он собрал их здесь, хотя всё-таки это они по собственному почину собрались, не для серьёзного разговора, а так лишь, чтобы пошутить.

– Что-то я не помню, чтобы я вас вызывал. – Тяжеловесно так, и грозно сказал Мистер президент, оглядывая находящихся перед ним, первых во всём, лиц своего окружения. А этому окружению, как кажется, даже не страшно, и оно, это окружение, все эти слова президента воспринимает по-своему. – Президент уже начал забываться, а это что-то да значит. – Обнадежила многих глав ведомств, служб и так рядом постоять, эта, в один момент и в тоже время пролетевшая у них в головах, возможно, что преждевременная мысль.

И если главы служб и ведомств, не столь легкомысленны, как те, кто всегда приходит рядом постоять, и умеют ждать подходящего момента, когда кто-нибудь вообще забудется и укажет об этом президенту, то вот в рядах этих, кто рядом постоять (это в основном выскочки из конгресса, лоббисты), всегда найдутся такие, кто слишком поспешен и готов раньше времени «Ч», забыть и напомнить президенту о своём обещании, не забывать их и всё помнить.

– Тогда как он, стоило ему только занять своё президентское кресло в этом кабинете, все свои обещания забыл, и знать не знает, как меня и тебя звать. – Все и здесь находящиеся важных чиновников, в возмущении, а кто даже в негодовании на такую забывчивость президента, таким образом помыслил и даже посмотрел на президента.

Но так как среди всех них больших дураков нет, то вся эта их высказываемость насчёт президента, дальше выражения почтительности на их лицах не пошла – пусть подавится моим лицемерием – и президент вынужден был довольствоваться тем, что есть. В общем, никакими жилами на откровенность их не вытянешь, и приходится полагаться только на свою проницаемость. Которая, если кто не знал, всегда опирается на свои внутренние установки, крепящиеся на чувстве самосохранения, и так выходит, что смотрит на окружающих через прицел отрицания. Вот президент их всех и от себя отрицает, то есть без веской причины не поощряет. А если есть повод, как, например, сейчас, то мотивирует.

И так как ответа на этот его вопрос по поводу соблюдения регламента или протокола, что не столь важно, когда не видишь разницы между ними и вообще не знаешь, что это за галимаття, относящаяся по большому счёту к службе протокола, не прозвучало, то Мистер президент, как человек более всех из здесь присутствующих людей в этих вопросах разбирающийся, – а было бы не так, то, наверное, кто-нибудь ему возразил или ответил на заданный вопрос, – вновь берёт слово и даёт ответ на свой же вопрос.

– Ладно, понимаю, – с задумчивым видом говорит Мистер президент, – это вопрос сложный, да и не тот, ответ на который вы бы хотели услышать. – Бросил взгляд на главу агентства нацбезопасности Спарка Мистер президент, в результате чего напряг шеи некоторых глав управлений, среди которых особо выделялся Гилмор, чья шея вздулась от напряжения (она еле сдерживалась силой воли Гилмора от поворота) и крайне заволновал всех остальных глав служб, решивших, что Гилмор уже не настолько крепко стоит на ногах – что он и сам подтверждал, покачиваясь из стороны в сторону.

Мистер президент между тем на этом не останавливается, а задаёт новую задачку. – На повестке сегодняшнего дня стоят невозможно трудные задачи, – здесь следует тяжелейшая для многих пауза, во время которой Мистер президент начинает пристально смотреть куда-то за спины всех этих стоящих перед ним людей и при этом так захватывает дух, что не продохнуть – с невероятным любопытством к тому, что там делается – отчего каждому из находящихся перед его лицом людям, становится невтерпёж от желания обернуться назад, и посмотреть на то, что там увидел президент.

Может он там видит все эти невозможно трудные задачи, и значит, их просто обязывает обернуться. Но с другой стороны, кто знает, как на это посмотрит Мистер президент и не сочтёт ли он этот твой повёрнутый на себе поступок, – а так он только и будет им воспринят, – за твоё желание засунуть свой нос куда не просят, а самого тебя примет за беспардонного выскочку и неблагонадёжного человека, раз ты готов в любой момент повернуться спиной к президенту.

И как после этого президент сможет с таким человеком работать? И как спрашивается, он может отныне ему довериться, если он на такие недисциплинированные вещи способен, даже стоя лицом к лицу к президенту? И что он него можно ждать, только стоит президенту повернуться к нему спиной – как минимум и сам спиной обернётся или язык покажет.

В общем, все стоят и мучаются над загадкой взгляда президента, отчего они даже и позабыли о том, что их всех привело сюда. Чего не скажешь о президенте, и он, убедившись, то ли в том, что там за их спинами всё на месте (например, выходная дверь так и ждёт их выхода), то ли в том, что ещё есть люди, кому он может доверять (а в газетах такого о них понаписали, что в мерах предосторожности, приходится носить в кармане ножичек для резки бумаги), возвращается взглядом обратно и, посмотрев на эту свою опору, говорит.

– Предстоящая борьба потребует от нас мобилизации всех наших сил, начиная от интеллектуальных, – Мистер президент почему-то в этот момент посмотрел на госпожу госсекретаря Брань. Что совсем не польстило ей, а наоборот, привело в раздражение. И хотя госпожа госсекретарь Брань, слыла одной из тех немногих, кто обладал здравостью и ясностью ума, на который видимо и намекал взгляд президента, всё-таки, когда дело касалось таких прискорбных намёков в сторону её красоты, ей этой здравости явно не хватало – она темнела в мыслях. – Физических, – продолжил Мистер президент, переведя свой взгляд на два аршина в плечах, генерала Браслава (здесь президент мог бы и не сомневаться в том, что найдёт поддержку своим словам), – и всех остальных. – После небольшой заминки, которая произошла по причине того, что лица людей напротив были так маловыразительны, Мистер президент так фигурально махнул рукой на остальных присутствующих людей. После чего он набирает в грудь воздуха и обрушивает на всех долгожданную новость.

– О деталях в своё время, а сейчас идите и мобиливайтесь. – Говорит Мистер президент и на личном примере, конечно, сообразно своему положению, показывает, как надо мобилизоваться. Так он, оттянув на груди подтяжки, а их наличие на нём крайне редкое явление и это определённо что-то да должно значить, звучно и хлопотно для своей рубашки и груди под ней, отпускает их. После чего приободрившись лицом, уходит за свой рабочий стол, тем самым показывая всем, что время и их не ждёт.

И всем этим господам и мисс, столь влиятельным во многом, а в своих сферах и вовсе им слова лишнего не скажи, несмотря на всё их желание остаться здесь, наедине с президентом, к которому у них есть масса вопросов, молча поворачиваются назад и, ничего особенного не заметив там, куда до этого так волнительно для них смотрел президент, да и некогда – их всех занимал один вопрос: Что же значит эта мобилизация? – все вышли вон. В чём, в чём, а в этом деле Мистер президент не знает сбоев.

– Достали. – Тихо сказал Мистер президент, глядя на закрывшуюся за последним вышедшим из кабинета чиновником дверь.

Но это всего лишь ближайшее окружение президента. С ним по большому, да и по малому счёту, всё более, менее понятно. И его, если что не так пойдёт, то через отставку или в крайне запущенном случае, через спецслужбы, можно самому будет так достать, что никому и повадно не будет. Но вот как быть с теми, кто на международной арене достал, достаёт и не собирается отказываться от этой своей, всех достающих так, что и не развернуться спокойно эскадрой в чужих территориальных водах, политикой сдерживания. И тут одних тихих слов не хватит, когда волком хочется на всех смотреть, и не сдерживаешься, и смотришь, ором хочется орать, и не смолкаешь, и всем талдычишь, как далеко хотел бы их видеть, ну и много чего ещё хочется сделать, что не допускается на этих встречах на высших уровне.

А эти высшие уровни все такие, что и смотреть на них не можешь без желания их всех послать ко всем чертям, – а ведь на них между прочим, все держат равнение, – то уж что говорить обо всех остальных уровнях, являющихся бледным подобием всех этих высших уровней.

И вот ты, сам президент, на этот раз так крепко приготовился к этой встрече на высшем уровне, что вчера выпил, а сегодня только закусил чесноком, и теперь прямо в лицо этому и не пойми кому (вроде сказали, что тоже президенту, но только другой страны), дышишь всей своей сущностью и пониманием себя. И, конечно, Мистер президент, не просто так, так подготовился к этой встрече, а ему сразу же, чтобы не терять своё бесценное время на лишние разговоры и уточнения, захотелось узнать, что ему ждать от этой встречи – своего должного понимания или же опять, ничего незначащих слов, которыми будут обильно смазаны все эти речи.

И будь на месте того президента, кому так иносказательно, но при этом без прикрас и определённо сказал о нём и его малозначительной политике Мистер президент, человек умеющий смотреть в глаза опасности, то он бы не стал отводить свой нос от извергающего жар рта Мистера президента, и всё, что о нём думал, прямо сейчас и сказал.

– Вы, Мистер президент, как независимый ни от кого во мнениях президент суверенной страны, конечно в своём праве думать, говорить и даже действовать, как вам вздумается, но смею вас уверить, что и у меня есть своё мнение. И мы не поддадимся вашему давлению, и не снимем ограничения на поставки вашей сельхозпродукции и алкоголя. – Этот президент противной страны принял к Мистеру президенту и добавил. – Особенно Джек Дэниэлса. Если, конечно, у вас не будут встречные, удовлетворяющие нас предложения. – Сказал этот контрпродуктивный президент, демонстративно прочистив своё ухо пальцем. И хотя этот контрпродуктивный президент, в крайней степени взбесил и частично вывел из себя Мистера президента – одна из его рук, в кулаке замахнулась на этого контрпродуктивного президента – всё же в этом есть большой позитив. Мистер президент хоть знает, что от этого своего оппонента можно ожидать.

Но разве таких простодушных и независимых от всего не нужного, наносного, то есть мнения мирового сообщества, президентов сейчас встретишь, даже если ты сам их возвращаешь и приводишь к избранию. Вот то-то, что нет. И Мистер президент в ответ всё больше слышит. – Вы, Мистер президент, я прямо чувствую, не ровно дышите ко мне и ко всему тому, что я представляю. И я вас определённо заверяю в том, что вы можете не сомневаться в ответных чувствах. Они все ваши. – Скажет в ответ президенша какого-нибудь сборного кондоминиума, тыча под трибуной своим длинным пальцем в бок президенту.

Ну а Мистер президент и сам не сомневается в том, что эта полная фантазий президенша, уже много чего себе навоображала на его счёт. – И сейчас будет дурочку из себя строить, ни моргнув глазом выражая своё полнейшее непонимание того, что если она собралась что-то строить, да хотя бы отношения со мной, то придётся полагаться только на свой счёт. – Крепко придерживая свой карман, резюмировал свои с ней отношения Мистер президент, отодвинувшись в сторону от этой, до чего же нахальной президенши, которая очень уж не прочь залезть в чужой карман.

И тут и переводчика не нужно, когда на лице этой президенши прямо-таки читается, это непере译имое, – а потому что на всех языках это одинаково читается, – выражение бесконечной бессмысленности своего существования, без того чтобы ею не руководили. И потом все удивляются, как так случилось, что особых, то есть экономически обоснованных, что самое важное, предпосылок для начала войны не было, и даже казалось, что более близкого союзника у нас нет, а мы взяли и как по ним вдарили, что в один момент похоронили все их экономические обоснования для своего суверенного существования, как одного из центров экономического влияния.

А не надо было дышать так противно себе в нос и поглядывать на Мистера президента с таким подбострастием. Вот и пробудили в хищнике хищника – ведь первое правило при столкновении с хищником звучит: никогда не поворачивайся к нему спиной. А эта мисс президенша, да и кто другой, так низко перед президентом преклоняются, что у него хищные инстинкты и пробуждаются при виде их затылков, и начинают слюной капать на затылок этих, таких непреклонных у себя в стране деятелей, но каких доступных для носков ботинок Мистера президента лбов.

И вот спрашивается, как и на чём строить с таким людьми дальнейшие отношения? На том взаимном доверии, которым они отдышывают в ответ лицемерной улыбкой. Может и так, а может и эдак. Что, в общем, и рождает своё уже более громкое, с придыханием: «Достали».

Но что это «достали», по своей сути смогло в нём такого достать или затронуть, что у него, человека, в общем, не страдающего ностальгией по детству, изжившему в себе все сердечные волнения, и по большому счёту, бесчувственному типу, стало так тошно и в душе сложно. Ну а так как в этом вопросе на рабочем месте и не разберёшься, то его решение было перенесено на дом, со своим, во всё горло достали!

Глава 3

И дома достали

– Достали! – оглушив себя и всех тех, кто в данный момент находился в президентских апартаментах – вроде никого, кроме первой леди, – Мистер президент с разворота и куда уж без него, со взмаху захлопнул за собой дверь своего личного кабинета. Отчего стена, на которой крепилась дверь, тревожно вздрогнула, местами осыпалась чем-то таким блестящим, а висевший на боковой стенке портрет какого-то важного, с суровым взглядом мужика, покосился в бок и этот мужик ещё больше стал коситься своим взглядом на Мистера президента.

Ну а так как Мистер президент не был большим ценителем искусств, то он не придавал большого значения всем этим мужикам и бабам с картин, не обращая на них особого внимания. Правда, конечно, он виду не показывал, что ему до лампочки всё это искусство, и даже демонстрировал своё понимание всех этих художественных излишеств, лучше конечно недостатков, с умным видом нахмурившись, рассматривая какого-нибудь выдающегося своим носом мужика. Или, выкатив губу, зорко смотря на обнажённую натуру баб. Что Мистер президент и в данном случае продемонстрировал бы, повернувшись к нему спиной, но в случае с этим косящимся мужиком, всё не так просто было.

А как оказывается, то очень уж не просто приходится, когда на тебя день ото дня, не просто неуважительно смотрит, а вот так, как будто ты ему что-то должен, косится совершенно незнакомый мужик. И если на первых порах Мистер президент только посмеивался над причудами прежних президентов, которые поместили этот портрет неизвестного ему мужика в президентской гостиной, – он здесь специально помещён, чтобы присматривать за первой леди, что б, так сказать, ей не было так одиноко, – то по мере его президентского пребывания на своём посту и в этих президентских покоях, которые ему были предоставлены на время его президентства, он начал всё чаще задумываться над ролью этого портрета в его гостиной, и что его начало удручать, над его ролью в своей судьбе.

– Какого хрена он так на меня смотрит? – в последнее время начал всё больше возмущаться Мистер президент, вечером приходя к себе в покои, где он хотел отдохнуть от всех, а не получалось, и всё потому, что его по приходу сюда, постоянно встречал этот вечно чем-то недовольный и придирчивый мужик.

– Да не обращай внимания. – Махнув рукой на президента, на портрет и на всех остальных, сказала первая леди, и так грациозно, что президент и позабыл что так можно, ушла куда-то дальше, в глубину помещений. Что вместе взятое навело Мистера президента на не здоровые мысли насчёт этого глазастого мужика. – Вот же паскуда? – глядя и не пойми куда, может в самого себя, а так, в общем, на портрет этого мужика, и не пойми о ком, звучно заскрипел зубами Мистер президент, под давлением неоспоримых улик – слишком уж грациозно расходилась первая леди.

– Он видит больше чем нужно. – С задумчивым видом сделал вывод Мистер президент, продолжая смотреть на этого глазастого мужика. И видимо Мистер президент ещё не совсем осознал значение этого своего вывода, раз он так был потрясён сделанным уже из этого своего вывода подвыводом. – Да больше чем я! – ахнул Мистер президент, ревностно посмотрев в сторону президентских покоев, откуда доносился голос первой леди, напевающей какую-то песенку. А такая без видимой причины радость первой леди, не только не радует Мистера президента, а так сказать, наводит его на тёмные мысли и подозрения, с которыми он, переведя свой взгляд на этого хмурного мужика, начинает ответно на него коситься.

Так продолжается может с минуту, а может и с две, в общем, пока первая леди не позвала его: «Скоро ты там?». – Сейчас! – орёт раздражённым голосом в ответ Мистер президент.

Что вызывает соответствующую раздражённую реакцию со стороны первой леди. – Если через минуту тебя не будет, то я тебя не буду ждать! Понял?! – кричит в ответ первая леди.

– Понял! – не задерживается с ответом Мистер президент, громко огрызаясь. И только после своего ответа, до него доходит, что он вообще не понял, что он сейчас понял. И чем, чёрт возьми, ему грозит первая леди? – Как это понимать и что значит это её, я тебя не буду ждать? – в нервном волнении задался вопросом к себе Мистер президент. А так как ответ всё не идёт в голову, а отведённая ему первой леди минута, уже истекла – надо понимать, что Мистер президент не приемлет язык ультиматумов и значит, он ни за что бы не уложился в отведённую ему первой леди минуту (а она вполне возможно, что этим и пользовалась) – то Мистер президент вновь видит перед собой недовольную физиономию этого незнакомого ему мужика с картины (так он хоть и смотрел всё время на него, но будучи углублён в свои мысли, не видел его).

И на этот раз Мистер президент не выдерживает и взрывается. – Да кто ж ты такой?! – громко спросил этого мужика Мистер президент, подскочив в упор к нему. Ну а так как этот мужик, не только на него косится, но и косо висит вместе с картиной, на которой он изображён, то Мистер президент, как человек прямых взглядов, и сам наклоняет свою голову в ту сторону, в которую наклонена картина. Что между тем не даёт никакой ясности насчёт этого мужика, – кто он вообще такой, за какие такие заслуги здесь оказался и куда вообще косится? – и тогда Мистер президент решает посмотреть на всё это дело, а точнее на картину, с другой стороны – встать на место этого мужика и посмотреть на окружающее с его точки зрения.

Для чего Мистер президент, соблюдая меры предосторожности, – мало ли на что тот мужик сзади надумает посмотреть, – становится спиной к портрету и, покосив голову на бок, начинает смотреть на окружающее взглядом этого мужика. Ну а так как напротив него находится стена со встроенным в нём шкафом, то Мистеру президенту можно и успокоиться на этом – кроме стеклянным дверок этого шкафа, взгляду этого мужика больше ничего недоступно. Что он и хотел было сделать, не приглядишь он зачем-то к этим стеклянным дверкам, в отражении которых, ему и увиделось такое, что уже заставило его прикусить свой язык и покоситься своим взглядом – там отражалась самая интересная часть внутренних покоев президентских апартаментов, кровать.

Как такое оказалось возможным, то здесь нет ничего из ряда вон выходящего – чуть приоткрытая дверь шкафа, способствовала преломлению отражающей поверхности стекла, а если простыми словами, то на стеклянную дверку падало отражение висящего в коридорчике зеркала, которое в свою очередь отзеркаливало на себе исходящие из спальни все эти приятные виды спящей первой леди.

– Ах ты, подлец! – перевозбудившись и сразу не поймёшь от чего, от раскрывшихся видов спальни или от раскрытия подлой сущности этого глазастого мужика, Мистер президент в ярости сунул ему под нос кулак. И, понятно, что это не вразумило этого подлого мужика, и он как смотрел туда, куда хотел смотреть, так и продолжил туда смотреть. И Мистеру президенту ничего другого не оставалось сделать, как пойти назад на попятную, до самой двери. И только когда она была им прикрыта, то только тогда он сумел, и то только на время, успокоиться. Ведь мужик с портрета, всё по-прежнему, с претензией на что-то смотрит.

– А теперь-то что? – спрашивает его Мистер президент. И понятно, что тот и не собирается отвечать, мол, раз ты здесь самый важный, то тебе и отвечать на свои же вопросы. И Мистер президент ничего не может поделать и сам себе за него отвечает. – А, сомнениями терзаешься на мой счёт. Достоин ли я занимаемой должности и полностью ли отдаюсь своей работе. – Тут Мистер президент хотел так убедить кулаком в нос этого наглеца, посмеявшегося на его счёт выражать такие сомнения, но ему вдруг на глаза попала всё та же стеклянная дверь, через которую этот тип мог получить компрометирующую его информацию – он там предстал, не как человек, всегда исполняющий свои обещания перед тем, кому он их дал, а всё как раз

наоборот, человеком находчивым на отговорки и отсрочки по своим обязательствам – и это всё кардинально меняет.

И Мистер президент теперь краснеет не только от перевозбуждения, но и плюс к этому добавляется и его волнение по другому счёту, касающегося только его и этого наглеца. – А вот это ты видел. – Сунув этому мужику под нос фигу, таким способом решил образумить его Мистер президент. – Ничего ты не видел и точка. – На этом Мистер президент хотел бы закончить с этим мужиком, но уж как-то всё легко с этим мужиком разрешилось, а это подозрительно. И Мистер президент, пристально посмотрев ему глаза в глаза, пришёл к новому решению – посмотреть на картину с её задника.

Что, в общем-то, Мистер президент уже давно хотел сделать, да всё руки не доходили. Правда, его конечной целью в этом его желании заглянуть с обратной стороны на картину, было не обнаружение там каких-то скрытых от него причин ненавидеть этого мужика с косым взглядом – закреплённых на картине прослушивающих жучков – а ему уже давно хотелось поставить его лицом к стенке.

– Что б глаза мои его больше не видели. – Побудил себя к действию Мистер президент. – Пусть так постоит и хорошенько подумает над тем, как нужно смотреть на президентов. – Подойдя к картине, Мистер президент от этих своих мыслей даже повеселел. А как только он представил, какая метаморфоза произойдёт с лицом этого слишком много о себе думающего мужика, – он там извёсткой обчихается и стеной прохладой в насморке изойдёт, – и какой произведёт фурор его новый прибитый вид на всех тех, кто его раньше видел при своём дерзком взгляде на президентов, особенно на первую леди, которая вначале изойдётся в жалости к этому мужику, а затем в восхищении перед ним, то у него отпали последние причины и сомнения не делать этого (речь идёт о лени матушке).

И только Мистер президент протягивает руки к рамке картины, чтобы её приподнять и снять с того, на чём она там крепится, как вдруг, к его полной неожиданности, в нарушении всех правил этикета и приличий, в дверь его апартаментов берут и стучатся. Что неслыханно и возмутительно слышать в такой поздний час, когда и у президентов бывает случаются, не касающиеся работы желания.

И само собой Мистер президент удивился и растерялся, застыв в одном положении, с руками на рамке картины, где он сам был обращён лицом в сторону дверей. И Мистер президент, сам не понимая, как так случилось, взял и спросил эту дверь: Кто там?

Что служит для стучавшего сигналом для входа, а не как природы не дальновидные могли бы подумать, для ответа, да, мол, это я. И что спрашивается, должен делать после такого ответа Мистер президент, даже если ему с первого раза становится понятно, кто этот Я – это глава разведывательного управления Гилмор, который если уж привяжется, то не отстанет. А такого не пусти к себе на порог, то он начнёт не просто задаваться лишними вопросами: «Почему, да как?», – а, пожалуй, ещё и попытается пригреть своё ухо, приложившись к двери. А стоящая у дверей охрана ему ничего против не скажет, у него для них есть неоспоримые аргументы. – Это я вас сюда поставил. А меня сюда уже поставил сам президент. Для которого я, вторые уши.

И хорошо, что это оказался не Гилмор, а сэр Рейнджер, который, возможно, из-за своего старческого слабоумия, а может по причине того, что они сегодня уже виделись с президентом, даже не здоровается при входе, а лезет под руку президенту со своими замечаниями. – Снимать собственноручно президентов, нехорошая примета для снявших их. – Зайдя внутрь, сказал сэр Рейнджер.

– И к чему она приводит? – С напускной бравадой спросил Мистер президент.

– Как минимум к импичменту. – Как о самых простых вещах говорит сэр Рейнджер. Отчего Мистера президента нервно одёргивает от портрета этого не просто мужика с косым взглядом, а как оказывается, его собрата, тоже президента. – Вот почему я его сразу не поставил

лицом к стенке, а из последних сил терпел. Интуиция не давала мне совершить такое преступление к своему практически собрату. – Рассудив про себя, уже с других позиций посмотрел на этого мужика... тьфу, президента, Мистер президент. Правда новый взгляд мало что изменил, и этот президент по-прежнему виделся Мистеру президенту мужиком с косым взглядом на него.

– А всё потому, что сколько бы ты не рядился в президентские одежды, если ты был мужиком, то им и останешься. А если был бабой, то ...А к чему это я? – удивился Мистер президент тому, как он далеко зашёл в своём рассуждении. Тогда как сейчас для этого не время и нужно спросить этого запоздалого сэра Рейнджера, какого он ещё не спит.

– Хотя так спрашивать не стоит. – Посмотрев на сэра Рейнджера, решил Мистер президент. – У него тысяча настоящих причин для этого и много больше надуманных. И если он их сейчас начнёт озвучивать, то я вначале засну во время их перечисления, а затем, сидя на брифинге и не вспомню, когда проснулся и спал ли вообще. – Подведя итог своему размышлению, Мистер президент обращается к молча ожидающему от него вопросам, сэру Рейнджеру.

– Вы только за этим ко мне пришли? – с долей язвительности спрашивает его Мистер президент. И на такой вопрос, да ещё заданный таким тоном, как правило, следует отрицательный ответ, но сэр Рейнджер сегодня видимо решил окончательно удивить президента, если его качание из стороны в сторону головой, означает не отрицание, а нагнетание итак тревожной обстановки, которая складывается вокруг президентства президента. Где даже он сам, опрометчиво, против себя действует.

– Я по поводу того самого списка. – Тревожным голосом, соблюдая секретность, многозначительно сказал сэр Рейнджер. Ну а Мистер президент так сразу и не понял, о каком списке идёт речь, ведь у него на день по десятку списков для утверждения ложиться на стол – от санкционных, до поощрительных, в полёт на Марс. Правда он вслух это не высказывает, а упорно смотрит в ответ на сэра Рейнджера, взывая к его пониманию. И сэр Рейнджер, на своём долгом веку достаточно повидавший всех видов президентов, от прямо всё, как техасский сапог понимающих, до прямо-таки требующих понимания от своих партнёров, сообразно пониманию понимания Мистера президента, пальцем руки легонько постукивает себя в области груди, где находится внутренний карман и одними губами произносит знакомое слово: Записная книжка президента.

– Ах, вот о каком списке идёт речь! – пристукнув себя ладошкой по лбу, обрадовался Мистер президент. Но только он рано обрадовался и совсем не радостное лицо сэра Рейнджера говорит, конечно, не о том, что оно по-другому не может и ему в этой жизни осталась одна радость, видеть, как совсем не радуются его противники (и об этом тоже), а о том, что в этой новости нет ничего такого, что могло бы вызвать улыбку.

– К столу. Там всё скажите. – Сказал Мистер президент, кивнув в сторону боковой двери, ведущей в одну из комнат непонятого предназначения – Мистер президент из-за своей занятости, ещё с ней не определился. А так как он всегда сам принимал во всём решения и в том числе, под что приспособить ту или иную вещь и в том числе эту комнату, то как бы за ней не были закреплены свои обязанности, например, быть столовой. И пока он сам это не утвердит за ней, то это помещение будет хоть чем, но только не столовой.

– Я слушаю. – Сказал мистер президент, когда сэр Рейнджер сел на кресло напротив него за журнальным столом. – Будет переговорной и курительной в одном лице. – Чуть ранее обозначил предназначение этой комнаты Мистер президент. И хотя он с некоторых избирательных пор был приверженцем здорового образа жизни, всё же для такого важного дела, он готов был раскурить трубку мира.

Ну а сэр Рейнджер, этот старый лис, чтобы придать веса своей новости, начинает поправлять себя, ёрзая на кресле, собираться в складках лица, для чего он использует руки, которыми он действует волнительно, начиная от щёк, заканчивая подбородком. И только после того как

он покашливанием поправил свой голос, он в самом тревожном виде подносит на рассмотрение Мистером президента принесённую им новость.

– Тут выяснились некоторые ранее неизвестные подробности насчёт одного лица из нашего списка. – Сказал сэр Рейнджер, и как ни раз с ним в таких случаях бывает, он не делает ни для кого никаких исключений, в том числе и для президента – он начинает кульминировать возникшую паузу, непомерно затягивая её. И если бы не огромная заинтересованность слушателя в его информации, то сэру Рейнджеру уже давно бы так затянули на его шее галстук, а затем поставили его в этой паузе на край выдыхаемости, что он бы наконец-то понял, чем чревато затягивание таких разговоров.

Ну а Мистер президент, хоть и умеет ждать, да хоть до второго срока, всё же уже поздно, и с утра его появления на людях ждёт вся страна. И он не может её разочаровывать своим не выспавшимся и примятым видом, – а врать, объясняя свой такой вид думами о благосостоянии своего народа, он никогда не посмеет, – и он поторапливает сэра Рейнджера очень покосившимся видом своего лица. И если бы сейчас Мистер президент себя видел, то он впал бы в осадок, от той своей поразительной не отличимости от того мужика-президента с портрета.

– Трудно объяснить, почему этот факт из его биографии был не замечен, – хотя, возможно, потому, что он был у всех на виду, – но это уже не важно. – Сказал сэр Рейнджер, и могло показаться, что он опять берётся за своё, за долгие паузы, но как показывает его наклонное движение вперёд, в сторону президента, это не так. И как только сэр Рейнджер наклонился к президенту, то он неожиданно для последнего, спрашивает. – А вы знаете, какая настоящая фамилия у нашего фигуранта дела?

И судя по стоящему на лице президента недоумению, то он не только не знает, но даже и не догадывается об этом и ещё о много о чём другом. Как, например, о том, о ком вообще идёт речь. Ведь как он помнит, а память ему в отличие от сэра Рейнджера, у которого для этого есть все предпосылки, пока что не изменяет (то, что он иногда ударяется головой о невысокие потолки и об крышки столов, не считается), то ни чьи имена не назывались, а косвенные указания сэра Рейнджера на личность упомянутого им лица, при его-то склонности к конспирологическим злоупотреблениям, мало вносят ясности.

Что не проходит мимо понимания сэром Рейнджером, и он решает внести небольшую ясность насчёт этого вскользь упомянутого лица. И, конечно, эта ясность вносится так, как это умеет делать сэр Рейнджер – туманно и околично. – Я имею в виду того, кто номинально стоит первым, сразу же за первым лицом государства и кто возглавляет этот список. – И Мистер президент сумел догадаться о ком идёт речь. Правда, он в таких случаях не всегда умеет сдерживаться и поэтому к досаде сэра Рейнджера выдал вслух, что надумал.

– Шиллинг что ли? – больше утверждающе, чем вопросительно, сказал Мистер президент. Но сэр Рейнджер из любого положения найдёт выход, и он удивлённо спохватывается в ответ. – Где? – Мистер президент же, поражённый находчивостью сэра Рейнджера, удовлетворённо покачивает головой и, сунув ему в руку больше чем шиллинг, возвращает его к предмету их разговора.

– И какая? – спрашивает его Мистер президент.

– Какая? – переспросил сэр Рейнджер, усмехнувшись над наивностью президента, которому бы не мешало уже догадаться. Что, конечно, уж слишком, но Мистер президент ничего не может поделать – у сэра Рейнджера на любые случаи своего поведения и жизни бесчисленное количество ответов, – один универсальный склероз чего стоит, – что он только что и продемонстрировал. При этом сэр Рейнджер не затягивает свой ответ, что уже хорошо.

– Фунт. – Одновременно из всех своих и около из под – лобья, глубин себя, стола – низким голосом произносит сэр Рейнджер. Что вкупе с его сообщением действует на президента впечатляюще – Мистер президент на мгновение потерял дар речи и живости в лице.

– Что это значит? – изменившимся до неузнаваемости голосом прохрипел Мистер президент (когда речь теряет дар, то она только на хрип и способна). Но сэр Рейнджер в своём репертуаре (у него дар-то не пропал). – А вы подумайте. – Дерзит в ответ сэр Рейнджер, прямо намекая на то, что президент мало или вообще не думает, когда говорит. – И вообще у него политика бездумная. – Могли бы сделать вывод из этих слов сэра Рейнджера его политические противники. Но сэр Рейнджер всё же думает и знает, когда можно такие слова говорить президенту, а когда лучше притвориться глухонемым.

И Мистер президент, в который уже раз прислушивается к советам сэра Рейнджера (на то он его и советник) и додумывается до того, чтобы назвать этого Шиллинга сволочью. На что сэр Рейнджер многозначительно так говорит, как это умеют говорить одни советники – понимай, как знаешь, а меня к этому, если что не так, то не приплюсовывай.

– Не то слово. – Полагаясь на вразумительность президента, говорит сэр Рейнджер. И здесь Мистер президент про себя добавил, что и сэр Рейнджер, такая же точно хитрая сволочь, раз так туманно выражается, – из его слов и не поймёшь, кого он поддерживает, президента или вице-президента, – а вслух сказал другое. – И какие есть предложения? – спросил Мистер президент. И хотя у сэра Рейнджера есть масса предложений, он их не спешит озвучивать, а он вновь и вновь ссылаясь на свою немощность и преклонный возраст, через крикание и уж больно странные поползновения, почесать себе за спиной, набивает себе и своим советам цену.

И только часы Мистер президента, которые он, закатав рукав рубашки, вытащил на всеобщее обозрение, через своё тиканье спасают его от нервного тика, а сэра Рейнджера от преждевременного рассыпания – закатывание президентом рукава своей рубахи, было им воспринято, как желание президента его кулаком ускорить, а не как выяснилось, чтобы похвастаться часами и заодно указать ему уже на поздний час (все президенты и стремящиеся ими стать претенденты, питают особую страсть ко времени и часам, как физическому выражению времени – они пытаются его контролировать). Хотя, если бы сэр Рейнджер, по своей близорукости не заметил бы, какой сейчас поздний час, то тогда может быть он оказался бы прав насчёт первоначальных намерений президента.

Но так как сэр Рейнджер не настолько близорук, чтобы не увидеть нависшую над ним опасность, то он немедленно её купирует ответом. – Можно запустить программу по очернению его имиджа. – Сказал сэр Рейнджер. – Прибедняется, гад такой. Разменивается на мелочи. Ради себя готов на всё, в том числе на девальвацию национальной валюты, которая если вы ещё не заметили, то не наша родная, а так сказать, заокеанская, оффшорная. – И судя по заинтригованному выражению лица президента, то многое из сказанного его советником, было открытием для него, несмотря даже на то, что всё это лежало на поверхности фамилии Шиллинга или Фунта. В общем, чёрт его разберёшь этого конвертатора мыслей.

– Точно. Назовём его конвертатором. – Решил про себя Мистер президент.

У сэра Рейнджера тем временем не всё так гладко складывается и он, окинув взглядом всё собой предложенное, начинает сам же его оспаривать. – Хотя, скорей всего, это не поможет. – Рассудил сэр Рейнджер. – Отобьётся тем, что он через такой обмен себя, готов делиться, и не только деньгами.

– Пожалуй, тоже верно. – Согласился Мистер президент, начиная внутри себя всё больше негодовать на этого Фунта или Шиллинга, который вдруг оказался до чего же хитроумной сволочью, ну и немного на себя, за то, что просмотрел все эти качества в этом Фунте или Лире... —Тьфу Шиллинге. – Сплюнув в сердцах, Мистер президент посмотрел на сэра Рейнджера. И хорошо, что сейчас на месте сэра Рейнджера находится он сам, а иначе бы Шиллингу прямо сейчас пришлось бы размениваться на свои оправдания. И Мистер президент успокаивается при виде маловыразительного лица сэра Рейнджера, тем более ему в голову пришла подходящая мысль.

– А надо ему предложить имя Лир. Оно тоже несёт в себе денежную единицу и союзники по общему блоку, почувствуют солидарность. – У Мистера президента даже дух захватило от тех перспектив, которые в будущем даст раскрутка этого нового имени Фунта, Шиллинга или всё же Лира. – А как только он покажет своё истинное, полное вероломства лицо – решит баллотироваться в президенты – то тут я его в первую очередь и огорошу знанием всех этих Лиров, которые только до раскола и могут довести страну.

– И, вообще, здесь не всё так просто. – Заговорил сэр Рейнджер после небольшого раздумья. – Шиллинг, это фамилия его супруги, которую он взял после заключения между ними брака.

– Предусмотрительный гад. – Здесь сэра Рейнджера перебивает Мистер президент. И сэр Рейнджер счёл, что Мистер президент, даже если бы он не был президентом, имел полное право перебить его и вставить это замечание. Этот Фунт или Шиллинг, действительно гад, каких редко встретишь, и что он уже с тех давних пор, что-то исключительно хитроумное замыслил. – И получается, что он с первых дней был нечестен со своей супругой, Ханной Шиллинг. – Сэр Рейнджер, аж ахнул от этой, вдруг осенившей его догадки. – Он женился на ней не из лучших побуждений, на которые настаивали сердечные чувства, а по тонкому расчёту. Ассимилировать, а точнее сказать, конвертировать, своё иноземное имя Фунт, под наше родное, и тем самым, в будущем наметиться на место президента. До чего дальновидный подлец. – С восхищением подумал о Шиллинге сэр Рейнджер.

Но так как сэр Рейнджер советник президента, а не вице-президента, которому судя по всему, советники не нужны, то он быстро переводит себя в режим поиска неблагоприятных для вице-президента моментов. И, конечно, он их вскоре находит. – А как интересно отнесётся Ханна к тому, что на самом деле стояло за предложением руки и сердца её коварнейшего из супругов? – начал рассуждать сэр Рейнджер. – Здесь возможно несколько вариантов: она знала, не знала или догадывалась об этом. Что всё вместе, не даёт нам никакой возможности заручиться её поддержкой – будущее президентство её супруга всё оправдает. Если не одно но. – Не сдержался от улыбки коварства сэр Рейнджер, воочию увидев это «но» – длинноногую блондинку почти без ничего своего. – И ценности семьи в сегодняшних условиях, не такая уж и помеха для занятия кабинета президента. А Ханне нужно просто издали дать понять, что её супруг не видит её в качестве первой леди и этого будет достаточно. – Подвёл итог своему размышлению сэр Рейнджер, и довольный собой, хотел даже потереть руки друг об дружку, но тут вспомнив, что он здесь не один, а как никак с президентом, который ещё потребует всё ему рассказать, – а он пока с этим своим планом никого не хочет ознакомивать, вдруг пригодится ещё для чего, – останавливает себя на полпути к этому делу.

Ну а Мистер президент, после того как он сделал это своё замечание, из-за того что сэр Рейнджер замолчал вроде как надолго, вначале решил, что старик начинает сдавать, раз так долго собирается с мыслями, после чего, увидев как он улыбнулся, подумал, что сэр Рейнджер не такой уж старый, чтобы не замыслить против него недоброе, чем он сейчас в мыслях и занимается. Ну и как итог всему, сэр Рейнджер его переубеждает, продолжив начатое.

– Так вот. – Теперь уже сэр Рейнджер предусмотрительно начал действовать, начав с этой оговорки, указывающей на то, что точка сохранения указана и не стоит её больше переносить. – Видимо из-за того, что всё это лежало, так сказать, на поверхности, в открытых источниках, то мы и пропустили мимо себя эту информацию со сменой фамилии вице-президента с Фунта на Шиллинг. – Но видимо для президентов все эти предупреждающие знаки препинания и правила речи не касаются, раз Мистер президент не прислушался к предупреждающей его не перебивать интонации голоса сэра Рейнджера и опять вставил своё замечание.

– Разменял, значит, себя на свою супругу. – С какой-то прямо досадой сказал Мистер президент. И тут сэр Рейнджер не сдерживается и позволяет себе лишнее, он делает со своей стороны замечание в адрес президента (а Мистер президент, хоть и замечательный президент,

но его замечательность не имеет никакого отношения к тому, чтобы делать ему замечания). И при этом он делает своё замечание таким невыносимым учительским тоном, что Мистер президент даже на мгновение растерялся и застыл в онемении.

– Мистер президент, я посоветовал бы вам, о таких вещах при посторонних не говорить. – Даже не произнёс, а сразил президента своим замечанием сэр Рейнджер. И хотя всё это прозвучало настолько дерзновенно для президента, – сэр Рейнджер посмел его, президента, поучать, записал себя чуть ли не в члены своей семьи (а как ещё трактовать это его «при посторонних») и вообще, что за тон, – всё же формально придраться к нему было не за что. Сэр Рейнджер советник президента и в его должностных обязанностях прямо записано: «Давать нормальные советы президенту». Правда можно было придраться к тому, что советы сэра Рейнджера не отвечают заявленным требованиям – они у него не такие уж и нормальные – но так как ещё не определены критерии нормальности (всё ещё пересматриваются), то будет сложно привлечь сэра Рейнджера к ответу. Тем более он всегда может сослаться на то, что его отличные советы, как всегда на стадии осуществления запероли эти дебилы.

При этом сэр Рейнджер всё не уймётся и продолжает настаивать на своём присваивании себе того, чего может быть и нет в помине. – Хорошо, что здесь только я, и никто этих ваших сексистских речей не слышит. А то бы такой бы хай подняли эти борцы за равные права женщин, что не оглохнуть не сможешь. Ведь вы, мистер президент, – сэр Рейнджер опять повышает градус разговора, сделав паузу. И как только Мистер президент, итак уже начавший допускать, что сейчас его советник скажет что-нибудь такое, совсем неприятное, – а он ведь ничего такого и не имел в виду, когда ...а выходит, что он использовал женщин в качестве разменной монеты, при рассмотрении этого чёртового Фунта, – после того, как сэр Рейнджер указал ему, как на самом деле видятся эти его высказанности, теперь оказался лицом к лицу с этой разъярённой массой уж точно не его избирателей (сэр Рейнджер этим своим молчанием поспособствовал этому), то он потерял в себе прежнюю уверенность. И теперь с надеждой ждал от сэра Рейнджера спасительного слова.

Но от сэра Рейнджера таких слов разве дождёшься. Если и да, но только после того, как он лишит тебя последней надежды на спасение, а уже только после, прямо укажет на себя – вот, мол, кто единственный, кто тебе поможет, если ты, конечно, будешь чётко слушать моих советов. А пока сэр Рейнджер продолжает нагнетать обстановку.

– Вы, мистер президент, – специально повторился сэр Рейнджер, чтобы Мистер президент не думал, что всё сказанное относится не к нему, – посмели унижить женщину, указав на её не цельность. И до чего вы, таким образом, можете дойти? – спросил сэр Рейнджер и, не давая Мистеру президенту и слова вставить, сам начал держать ответ перед самим собой (и хотя Мистер президент не собирался отвечать, всё же такое демонстративное игнорирование его прав, ему пришлось не по душе и даже покорило). – Можете не отвечать, за вас найдут ответы. – Хитроумно отведя от себя ответственность за данные ответы, зло сказал сэр Рейнджер. – Да, таким образом, вы дойдёте до библейских времён. И ещё скажите, что женщина всего лишь малая часть мужчины, его ребро. Вы верующий? – вдруг, да так резко перепрыгнув на другую тему, спрашивает сэр Рейнджер президента, что тот вздрагивает и, застыв в одном положении, согласно кивает в ответ сэру Рейнджеру.

Ну а сэр Рейнджер с победным видом улыбается и, разведя в стороны руки, говорит. – Вот вы, Мистер президент, и признались, что вы таким собирательным образом о женщинах думаете. – Мистер президент, конечно, не так думал, да и вообще он никак не думал о них, что он и хотел было заявить в ответ этому переиначивателю смыслов его слов, сэру Рейнджеру, но ничего не сказал, вовремя спохватившись, – а если я ему скажу, что никак о них не думаю, так это ещё больше его раззадорит. – Ага, о своих избирателях не думаешь, козёл, – пальцами рук поглаживая свою не существующую козлиную бородку (вот почему Мистер прези-

дент припишет ему такие дерзкие оскорбления), с ухмылкой скажет сэр Рейнджер, – и честно тебе скажу, не дальновидный вы президент, и не видать тебе второго срока с такими мыслями.

Ну а так как Мистер президент вовремя спохватился, то сэр Рейнджер не раззадорился и не стал резать правду матку, а убедившись в том, что Мистер президент ещё не совсем конченный президент и даже, пожалуй, имеет шанс на своё переизбрание, раз умеет его слушать, возвращается к тому, с чего и начинал.

– А ведь у вице-президента, в результате всех этих манипуляций со своей кредитно-денежной фамилией, появляется реальная программа, со своей сильнейшей идеологической платформой и поддержкой всех слоёв населения (нет ни единого человека, а уж что говорить о банкирах, кого близко к сердцу не волнует эта тема), для того чтобы идти на выборы президента. «Я вернулся! И я вновь сделаю наше платёжное средство, самым надёжным платёжным средством! И это не обсуждается», – с таким девизом господин Фунт всех раскатает. – В подтверждении своих слов, сэр Рейнджер со всей силы жажнул кулаком себе по коленке. И судя по его изменившемуся лицу в гримасе боли, то он перестарался в этой своей демонстрации вероломности этого Шиллинга.

Но Мистер президент, если и заметил горечь на его лице, то воспринял это по другому поводу – сэру Рейнджеру больно за него, за наилучшего президента, которого так и пытаются обойти всякие проходимцы. И Мистер президенту и самому становится также больно, как и сэру Рейнджеру (по крайней мере, с виду) и он, не сдерживается и из него вырывается. – Конвертатор чёртов! – Что вызывает у сэра Рейнджера не поддельное удивление – он точно также подумал о вице-президенте. А такое единодушие мыслей, не только приободряет сэра Рейнджера, а он в этом видит хороший знак. И сэр Рейнджер, придвинувшись в сторону президента, пристально на него посмотрев, вкрадчивым голосом ему говорит:

– Мистер президент, мы должны действовать на опережение.

– Я слушаю. – Со своей стороны придвинувшись к сэру Рейнджеру, также вкрадчиво сказал Мистер президент.

– Нам уже сейчас нужно начинать готовить свою программу на выдвижение вас на новый президентский срок. – Проговорил сэр Рейнджер.

– Угу. – Совсем туманно сказал Мистер президент. Но сэр Рейнджер всё отлично понимает, что имел в виду президент, ведь это его школа, доводить до сведения своего собеседника информацию так, чтобы за неё ответственность нёс не сам говоривший, а этот придурок собеседник, если он такой исполнительный и так всё буквально понимает.

– Предлагаю начать подготовку операции по дискредитации, а по мне так, приведению в чувства не утруждающих себя правдой противников, в нашем случае, вице-президента. – Сэр Рейнджер замолчал, ожидая от президента ответа на это его предложение.

– Срубим голову у этой гидры. – Сказал Мистер президент, многозначительно похлопав себя по карману пиджака. И сэр Рейнджер всё понял, что хотел сказать и на что указать Мистер президент – на президентскую книжку Товарища президента, где Шиллинг стоял во главе той глубинной организации, – это и есть гидра, – которая и создана, чтобы не дать ему президентствовать.

Сэр Рейнджер удовлетворённый пониманием президента в этом вопросе, переходит ко второй части своего предложения.

– Но чтобы переизбраться на новый срок, одного потопления противников будет мало. Нам нужно разработать принципиально новую программу. – Сказал сэр Рейнджер. И так как он догадывался, а может и предполагал, что у президента нет такой принципиально новой программы – и тут нет ничего не объяснимого, у президента весь день по минутам расписан и у него просто нет времени на это – то он сам предлагает, так сказать, концепцию этой программы.

– На нужно не просто резонансное дело, а такое беспрецедентное, на грани разумного дело, которое бы сметя все наши нравственные установки, перевернёт всё с ног на голову в нашем понимании добра и зла. И это должно быть такое дело, которое бы камня на камне не оставило от прежней судебной системы, которая зиждиться на системности мышления человека, с его системой сдержек и противовесов. Пусть ищет новые центры влияния. – На одном дыхании, торопливо и видимо в запале всё это сказал сэр Рейнджер, отчего всё и вышло так сбивчиво.

– И что это значит? – мало что поняв из сказанного, спросил Мистер президент.

– Система человеческого третейского судейства, изжила себя. – Сказал сэр Рейнджер.

– Ах, вот вы о чём. – Прояснился во взгляде Мистер президент на это заманчивое для некоторых лоббистских групп предложение сэра Рейнджера, который не любил себе ни в чём отказывать, и поэтому и сам вынужден был прислушиваться к предложениям некоторых щедрых не только на обещания лоббистов своих интересов. Ведь судебная сфера всегда вызывала повышенный интерес у этих щедрых лоббистских групп. Ведь как не им, изо дня в день сталкивающимся с однобокостью судебной системы – она вечно в их сторону косо смотрит – которая проявляет к ним, этим лоббистским группам, прямо-таки незавидную принципиальную неуступчивость и предосудительность, не зная, как дорого обходится для налогоплательщиков вся эта судебная система. Где на одних только адвокатах разоришься, единственных, кто от сложившегося положения дел и выигрывает (судьи само собой – они уж точно никогда не проигрывают рассматриваемые дела).

– Интересно, и чего сэр Рейнджер себе в будущем хочет отсудить? – усмехнулся про себя Мистер президент, попытавшись представить себе то, что сэр Рейнджер так желает страстно, что не может решить иными, несудебными способами. – Тёщ, да и жён он своих уже всех пережил, и с этой стороны ему уж точно можно не беспокоиться. – Искоса поглядывая на сэра Рейнджера, рассудил про себя Мистер президент. – Что насчёт детей, то с этой стороны я и не знаю сэра Рейнджера. – Мистер президент, удивившись такому обстоятельству – своей неполной осведомлённости насчёт сэра Рейнджера – решил, что всё знать невозможно, хотя бы потому, что не запомнишь. А эта, определённо дальновидная и глубокая мысль, наводит его на другую, весьма кстати, мысль.

– Так вот с какой стороны ему грозит опасность. Его дети не такие как он забывчивый, и видимо не собираются забывать то, что он их забыл и оставил без средств к существованию. И так сказать, хотят ему об этом так напомнить, чтобы он на всю свою оставшуюся в психиатрическом доме жизнь запомнил, как не нужно забывать о том, что он в этом мире не один, и всегда есть тот, кто тебя помнит и при случае об этом всегда напомнит. Вот он и хочет себя обезопасить, пока не забыл. – Подвёл итог сэру Рейнджеру Мистер президент.

Сэр Рейнджер между тем выдержал эту паузу, так необходимую для понимания президентом им сказанного, что было не так легко сделать, когда президент так себя выразительно на своём лице показывал (так и порывалось спросить, чего он такого про него надумал?), и принялся говорить, что хотел.

– Научно-технический прогресс, даже не идёт, как нами всегда думалось, а он грядёт, подминая под себя весь прежний уклад человечества и, вмешиваясь во все сферы человеческой жизнедеятельности, замещает собой самого человека. И кто будет игнорировать эту очевидность и вовремя не приспособится к этим новым условиям жизни, то, как минимум, что его ждёт, так это жизнь за пределами истории. – Сказал сэр Рейнджер.

– Вы это о чём? – ничего не понимая, спросил Мистер президент, сбитый с толку этим уходом сэра Рейнджера в сторону от ранее заявленной темы.

– Объективизм человека, всегда вызывал вопросы и всегда был величиной относительной, зиждущейся не на каких-то очевидных вещах, а лишь на договорённостях между всеми вовлечёнными участниками этого процесса судейства. Где ими были установлены и закреп-

лены свои определяющие правоту и неправоту правила, обстоятельства и факты, учитываемые при принятии окончательного решения, и те осложнения, без учёта мнения которых, и выносится этот приговор. – Сэр Рейнджер перевёл дух и продолжил. – Так что то, что проблема в этой сфере жизнедеятельности назрела давно, – да с самых начал, когда возникло слово, а может и раньше, – то это более чем очевидно. И то, что сам человек её решить своими силами не сможет, то это ещё одна констатация факта. – А вот с этой неоспоримостью сэра Рейнджера, за которой скорей всего стоял он и может ещё несколько неназванных им лиц лоббистской наружности, президент мог бы поспорить, если бы ему удалось вставить слово. Но сегодня для Мистера президента такая удача сложное дело и сэр Рейнджер уж точно не тот, от кого ему стоит ждать возможностей для таких удач.

– И вот приходит научно-технический прогресс и всё расставляет по своим местам. Наши улицы с их правилами дорожного движения и другого беспорядка, всё больше контролируют наружные камеры, спортивные соревнования и судейство, уже и представить невозможно без различного вида технических помощников, и не только в техническом обосновании проведения соревнования, но и в фиксации результатов соревнований. Ну и как итог, вынесение судебного решения. И это только начало. – Здесь следует так необходимая сэру Рейнджеру полная трагизма пауза. После которой, он и детализирует это начало.

– Это начало построения нового мира, где не человек будет судить мир и человека – кто ему дал такое право, которое он, по сути, узурпировал у природы – а, как говорится в библии, по делам своим он будет судиться. А заместившие людей на судейском месте роботы, как дело рук человеческих, как не есть глубокая аллегория этого из глубины веков прошлого пророчества. И мы, если мы не хотим оказаться среди тех, кто будет судим, а если мы хотим быть среди тех, чьи дела будут осуществлять суд, то мы и должны быть среди первых. – Выдохнул сэр Рейнджер.

– А как же суд человеческий? – в полной растерянности спросил его Мистер президент.

– А мы его не будем отменять. Он сам себя изживёт. – Ничуть не сомневаясь, дал ответ сэр Рейнджер.

– Откуда такая уверенность? – спросил Мистер президент.

– Потому что таков человек. – Сэру Рейнджеру даже удивительно, откуда у президента в голове столько наивных предубеждений насчёт человека. – Уж больно он не любит быть судим. А если уж такое случилось, и выхода нет другого, то пусть осуждают, но не судят. А если судят, то только по совокупности смягчающих обстоятельств, но не вины. В общем, не верит никто в честный и неподкупный суд. Особенно когда нечем подкупить. А так как таких большинство, то и пусть тогда всех ждёт такая бесчеловечная справедливость.

– И вот тут-то мы, исходя из сделанного выбора – кто предпочитает видеть справедливость с человеческим лицом, с его смягчающими обстоятельствами, а кто самый настоящий, беспристрастный суд, где приговор будет выносить машины по всей совокупности ваших грехов – и сумеем выяснить, кто чего и на самом деле хочет – настоящую справедливость или её подобие. – Сказал сэр Рейнджер. И на этот раз у Мистера президента было что по существу вопроса возразить.

– Мне, кажется, что это неразумно. Да и противников этой системы взаимоотношений, найдётся, не то чтобы немало, а очень немало, и притом с обеих сторон. – Полувопросительно сказал Мистер президент. И скорей всего сэр Рейнджер отлично догадывался, из кого состояли противники этой системы – не верящие в справедливость возмездия, люди с тёмным прошлым. Но он не стал на них останавливаться, про них итак всё ясно – их всё равно не убедить ни в чём и придётся сразу на месте убеждать – а сразу перешёл к конструктивному предложению.

– Мистер президент. – Тонем голоса предполагающего сокровенность, обратился к президенту сэр Рейнджер. – Позвольте раскрыть вам самую большую тайну. – Проговорил сэр Рейнджер, чем чрезвычайно взволновал Мистера президента, итак обладающего наивысшим

уровнем допуска к секретам, а тут новый секрет, да такой, что не захоти сэра Рейнджер поделиться с ним своим секретом, то президент может и остаться в дураках, без знания этого секрета. Хотя конечно, у президента есть специальные службы, умеющие кого хочешь разговаривать, но сэра Рейнджер слишком уязвимый для такого рода разговоров и лучше будет, если он сам, по собственной воле поделится своим секретом. Тем более он сам об этом заикнулся. Так что у президента особого выбора не было, и он согласно кивнул сэру Рейнджеру.

Ну а сэра Рейнджер, что за хитрая бестия, сразу пошёл на попятную, заявив. – В общем-то, по большому счёту, это и не секрет вовсе, раз все об этом знают. Но вот только почему-то не придают значение, а это делает эту известность не меньшим секретом, чем скрытая от всех информация. – Сэр Рейнджер перевёл дух, закончив эту оговорку, после чего приступил к изложению своего секрета, не секрета, в общем, и не пойми чего. – Все наиболее значимые события, кардинально изменившие обстановку в нашем мире, свершились не благодаря здравому рассудку, с его рассудительностью, а все наиболее важные человеческие свершения случились благодаря его временному затмению, под воздействием другой человеческой основы, его чувственности. А что послужило побудительным толчком к такого рода проявления чувственности, – здесь существует только два варианта, любовь или ненависть, – то большой разницы и нет. Когда принцип их действия один и тот же – подмятие под себя здравомыслия и все последующие действия под воздействием этой чувствительной силы. Так что можете не беспокоиться, от сторонников этой новой системы взаимоотношений отбоя точно не будет. Недовольных сложившимся порядком мироустройства, с его распределением справедливости в виде материальных благ, всегда было кратно больше, – хотя даже те, к кому жизнь проявила такую на зависть справедливость, считает, что мир более чем не справедлив. На чём впрочем, и держится этот мир. А это недовольство и недовольство по своей сути, а мотиватор для человека, который заставляет его двигаться вперёд и изменяться. – Сэр Рейнджер передохнул и добавил:

– А вот теперь покажите мне хоть одного человека, кто без чувства нервного восторга, переходящего в озноб, может видеть всех этих людей в одинаковых тёмно-синих костюмах, с в кожаных, коричневого цвета перчатках, с такого же цвета дипломатах в руках, которые с чувством брезгливости посматривают на вас со своего «судейского» места (судейское место я имею в фигуральном значении), чтобы сообразно своему взгляду на вас, вынести на ваш счёт своё судебное решение. А ведь человека не так волнуют всё это рядовое судейство, а он, как бы это удивительно не звучало, готов мириться с бытовыми неурядицами, ради высшей справедливости. Так что если эта новая судебная система взаимоотношений, несмотря на все свои минусы для рядового жителя, принесёт высшую справедливость, – насколько бы ты не был могущественен и богат, если ты грешен, то возмездие тебя всё равно настигнет, – то новая система, как бы не сопротивлялся высший класс (а он и будет основным противником), будет принята. – Чёрт возьми, а сэра Рейнджер удивил Мистера президента, никогда не подумавшего бы, что тот, представитель как раз этой влиятельной и могущественной группы единиц людищ, а не просто человек, так печётся за рядового жителя земли.

– Наверное, готовится к будущему страшному суду, вот и набирает для себя добрых дел. Хитёр, ничего не скажешь. – Догадавшись, что могло побудить сэра Рейнджера встать на путь филантропа, Мистер президент успокоился и даже повеселел. – А ведь божественный аргумент, даже не сомневаюсь, будет использован противниками сэра Рейнджера против его этой инициативы. И стоит только эту инициативу, даже тезисно озвучить, то можно ожидать подъёма религиозного движения. Что ж, если это пойдёт на пользу человеку, в его обретении веры, то можно будет поддержать сэра Рейнджера. – Сделал вывод Мистер президент.

Сэр Рейнджер тем временем продолжил. – Ну а средства массовой информации, все до единого в наших руках. – С улыбкой сказал сэра Рейнджер. – А это значит, как только мы людям объясним, как это важно для их будущего, где будет править справедливость, непод-

купная (что главное) и независимая ни от каких внешних факторов система (только успевай подзаряжать батареи и подкручивать шестерёнки в головах у судей роботов), то люди и подтянутся, чтобы выразить двумя руками «за».

– Всё же я вижу, что на этом пути возникнет немало и весьма существенных препятствий. – Сказал Мистер президент.

– Для этого нам и нужно взрывное дело, которое если не дискредитирует всю судебную систему, то, как минимум пошатнёт её. – Сказал сэр Рейнджер, немного подумал и добавил. – Но и этого не достаточно. Нужно ввести в обращение новый языковой код, в который будут заложены все необходимые для проведения в жизнь поставленных задач настройки. Для этого как нельзя лучше подходит либеральная морфология. Они не просто глаголом жгут, а им тебя в такую моральную допустимость оформляют, что и слов приличных не найти, как выразить эту новообратимость. И как только человек, таким образом, настроит себя жизнеутверждать, то можно будет сказать, что дело в шляпе. Ведь эволюцию не остановить. – Тут сэр Рейнджер видимо опять забылся, – была у него шляпа на голове или нет, когда он пришёл сюда, – и стал оглядываться по сторонам, в поиске этой невозможной шляпы. Стоит про которую только забыть, как она уже и забылась сам не знаю где. После чего приходится идти в магазин за новой шляпой. Да так всегда неудачно, что придя в магазин, вдруг вспоминается, что на этот раз вроде бы и деньги, где-то, уже и не вспомнишь где, забыл. А в долг, без солидного обеспечения или хотя бы под честное слово, – а слово сэра Рейнджера самый ценный его актив, – шляпы ему не дают.

– Ещё не родился такой дурак, чтобы оставить меня со шляпой. – Нагло так говорит прямо в глаза сэру Рейнджеру, этот беззастенчивый продавец шляп, демонстративно унижая его, натягивая себе на глаза свою широкополую шляпу. И сэр Рейнджер даже и не знает, чем парировать этот его дерзкий ответ. Все ответы делают из него сэра Рейнджера дурака. А ещё никто и никогда, не то чтобы не называл, а не имел повода так называть сэра Рейнджера. А вот этот ничтожный червь, всего лишь шляпный продавец, взял, нашёл, и назвал.

И сэру Рейнджеру чуть было не лопнулось от досады на такую напористость шляпного продавца. Но он всё же удержался в себе, – сэр Рейнджер всегда был склонен к сдержанности, с виду похожую на тучность, – пришёл в чувства и сделал стратегический ход – он вдруг, сам не понимая почему (потом может и расскажусь), пригласил этого продавца на работу в свой консультант-отдел. – Дураков всегда было много, а сейчас их и вовсе без счёту, так что без работы не останешься. – Сделал предложение этому странному продавцу сэр Рейнджер.

– А чем она лучше моей? – продолжая уподобляться человеку, находящемуся на вершине пищевой цепочки, спросил шляпный продавец.

– Ты в лицо дуракам будешь говорить, какие они дураки, а они тебе за это будут платить и ещё скажут спасибо. – Сказал сэр Рейнджер. – Согласен? – глядя в эти, до чего же самоуверенные глаза шляпного продавца, спросил его сэр Рейнджер. Продавец шляп между тем не спешит себя и сэра Рейнджера обрадовать согласием, – более чем существенный намёк сэра Рейнджера на высокие ставки зарплат у них в отделе, почему-то не сбили с его лица это неподобающее для наёмного работника самовыражение, – а ознакомительным видом ведёт наблюдение за сэром Рейнджером. Который вдруг почувствовал неловко под этим внимательным взглядом шляпного продавца – сэр Рейнджер опять впал забытьё и забыл, когда в последний раз был объектом для изучения, ведь в основном он занимался такого рода аналитикой. А тут такое дело.

– Если вы всё верно говорите, то почему бы и нет. Но только я тебе не дурак, и ты вначале заплати, а затем шляпу бери. – Пресёк на корню направленные в сторону шляпы действия сэра Рейнджера шляпный продавец. – Верно, я говорю? – как-то уж необычно даёт своё согласие этот продавец. И сэр Рейнджер к своему собственному удивлению, не посылает этого наглеца куда подальше, а сообразно его вопросу соглашается с ним. – Верно. – Говорит в ответ сэр

Рейнджер. И шляпный продавец теперь без лишней язвительности во взгляде улыбается и, протянув руку для рукопожатия сэру Рейнджеру, говорит:

– Тогда пойдёт. – Призывно глядя на сэра Рейнджера, сказал шляпный продавец. Сэр Рейнджер в свою очередь протягивает свою руку для закрепления договора через рукопожатие и оказывается в таких крепких рукопожатных тисках, что ему даже кровь ударила в голову от такой его хватки. Но сэр Рейнджер и виду не подаёт, как ему стало жарко, а то, что лицо столь предательски действует, покраснев, то тут ничего не поделаешь, таково лицо его политики (он был представителем старой школы, когда за свои слова ещё отвечали).

Шляпный продавец изучающее смотрит на сэра Рейнджера и, убедившись в том, что этот господин не пытается вырваться (и хорошо, что сэр Рейнджер сумел удержаться от таких намерений – он дальновидно пришёл к решению, что это бесполезно) и со словами: «Верно, я говорю?», – чуть ослабляет хватку.

И на этот раз сэр Рейнджер соглашается – он скорей всего, этим облегчением своей участи, был спровоцирован на подобный, без отрицания ответ. – Верно. – Говорит сэр Рейнджер, выпускаемый из рук, как позже, при более обстоятельном знакомстве выяснится, господина Верно. Вот почему он так часто употреблял это слово в своём общении с теми, с кем придётся – а в магазин, где основным товаром являются шляпы, очень часто заходят очень не простые люди, со своим непростым отношением с окружающим миром. И с ними соглашаться напрямую или вот так просто, никому не рекомендуется, и господин Верно, скорей всего в общении со всеми этими непростыми людьми и выработал этот универсальный ответ, который вполне вероятно и стал его визитной карточкой, заменившей настоящую фамилию.

– Вот и познакомились? – отвечает в ответ господин Верно, вопросительно глядя на сэра Рейнджера, чья теперь очередь представиться. Но у сэра Рейнджера при всех его немалых возможностях и аналитическом уме, не было заготовленной легенды для своего именного представления, и он был вынужден представиться, как сумелось. – Ваш наниматель. – Сказал сэр Рейнджер.

– Как скажите. – Своей усмешкой срезал сэра Рейнджера господин Верно. И эти слова господина Верно, как показалось сэру Рейнджеру, сейчас прозвучали в устах Мистера президента. А как только сэр Рейнджер услышал то, что ему требовалось, то он начинает даже не приподыматься с места, а делать видимые попытки к этому действию. Что должно дать понять президенту, что сэр Рейнджер сам никогда не выступит инициатором окончания с ним разговора, но что поделаться, когда у него стул уже не тот, и крепко, что не усидишь, требует дисциплинированного подхода к себе, в общем, у него режим и он находится в заложниках этого режима.

И Мистер президент отлично понимает сэра Рейнджера, тем более ему уже так крепко зевается, что он не раз уже был готов поглотить сказанные сэром Рейнджером слова своим зёвом.

– Сэр Рейнджер, я обдумаю ваше предложение. – Приподымаясь с кресла, сказал Мистер президент.

– Вот и прекрасно. – Приподнявшись вслед за президентом, сказал сэр Рейнджер. После чего они проходят до выходных дверей, где и прощаются до лучших времён, которые всё не наступают и не наступают, и им приходится вечно встречаться в самые критические моменты своей жизни. Ну а как только дверь за сэром Рейнджером закрылась, то Мистер президент, с каким-то прямо доверительным и слегка заговорщицким видом посмотрев на портрет мужика с покосившимся взглядом на него, – ты, мол, не обессудь за то, что я на тебя так раньше непонимающе смотрел, но ты же тоже президент и должен понимать, почему я так себя веду не доверительно, – кивнул в сторону дверей, и произнёс то самое словоотношение, которое его преследовало весь день.

– Достал. Эволюционер чёртов. – Сказал Мистер президент, глядя на двери.

– И кто на этот раз? – из-за спины до Мистера президента донёлся полусонный голос первой леди.

– Не важно. – Не поворачивая головы, несколько недовольно ответил Мистер президент.

– Тогда тем более, зачем переживать. Да и вообще, не принимай близко к сердцу, оно у тебя всего лишь одно, а этих раздражителей и не сосчитать. – Судя по удаляющемуся голосу первой леди, то она скрылась обратно в спальне. Мистер президент со своей стороны поморщился, он не любил, когда его же слова отпускаются в его адрес, – а этой своей многозначительной фразой, он в своё время во многом важном убедил первую леди и как результат, подвёл итог под некоторыми поползновениями на свой счёт с её стороны, – и хотел было что-нибудь этакое, авторитетное сказать в ответ, но взгляд мужика с портрета на него, не то что бы убедил его этого не делать, а он навёл его на весьма глубокую мысль.

– Так ведь она под этим выражением имела в виду... – Мистер президент, осенённый догадкой, перевёл свой взгляд на двери и при виде их домыслил эту свою догадку. – Не держи двери открытыми. Вот, что она хотела сказать... дура. – Как-то уж мягко он добавил последнее слово. Отчего оно даже поменяло весь свой негативный смысл, с глубокомысленного заблуждения по вопросам смыслового содержания окружающих вещей на наивную беззаботность, с которой так наивно смотрят на окружающий мир некоторые не обременённые заботами люди.

Глава 4

Неподкупный человек

– Неподкупный человек. Хм. По мне так слишком туманно, пространно и вообще мало-понятно звучит. – Одновременно поглядывая куда-то вперёд, в неизвестную даль, сквозь деревья и по обеим сторонам проходящей посередине этой аллеи дорожки, сказал Простота, обращаясь к сидящему рядом с ним на скамейке человеку с именем Верно. Которого можно было охарактеризовать, как человека понимающего, раз он к нему обращается, плюс к этому, он был человеком не определённой профессии – с виду вот так по нему и не скажешь, кем бы он мог быть, всё на нём было самого обычного покроя – и, судя по его серьёзному выражению лица, то он был готов иногда думать и размышлять, а не следовать современным бездумным поветриям.

Впрочем, и сам Простота был ничем, ни хуже, ни лучше своего товарища, а он, можно сказать, соответствовал тому, что тот из себя представлял. И если насчёт того, что Простота пытался высмотреть сквозь эти ветви деревьев, было сложно сказать, то вот по поводу того, куда косился он своим взглядом, то тут без вариантов – точно на мимо проходящих прохожих.

– А что, собственно, значит это определение человека? – откинувшись на спинку скамейки, риторически спросил Простота. Немного выждал времени, чтобы его собеседник более внимательно отнёсся к этому его вопросу, и может быть даже и присоединился бы к нему, придумав несколько вариантов ответа на этот и не вопрос, и только после этого принялся рассуждать.

– Во-первых, из этого заявления я могу сделать вывод, что это всё-таки голословное заявление – если бы сделавший это заявление человек, собственноручно на себе проверил неподкупность нашего клиента, то он бы со мной не разговаривал, а значит, он всего лишь интересовался (зачем, то это другой вопрос) и всего лишь был наслышан об этом. Во-вторых, эта его неподкупность вызывает не столько восхищение, сколько непонимание у людей, столкнувшихся с такого рода неизвестным для себя явлением. А всякая касающаяся нас неизвестность или не укладывающееся в привычное понимание вещей явление, всегда вызывает вопросы и на первых порах удивление, со своим непониманием всего происходящего, и со своим желанием докопаться до сути проблемы.

– Мне, кажется, что это во-вторых, исходит от тебя. Слишком уж оно мудрёно звучит. – Сказал Верно, для демонстрации своей убеждённости закинув ногу на ногу. Простота же тихо покосился на Верно и поинтересовался у него, с чего это он взял.

– Человек более практичен, чем это выглядит в теории – он всегда ищет менее затратные, прямые пути. И если он натолкнулся на такого рода препятствие, то он для начала будет искать обходные пути (они хоть и существенно увеличивают путь для достижения цели, но если есть в них необходимость, то они всё равно будут менее затратными), а уж затем, если конечно, другого выхода не отыщется, то попытается понять суть возникшей проблемы. – Сказал Верно.

На что Простота, и мог, и хотел много чего возразить, но на той стороне улицы, куда Простота до этого смотрел сквозь деревья, к крыльцу напротив них находящегося весьма представительного дома, о чём говорила повешенная на входе в него золотом теснённая табличка, подъехало два представительского класса автомобиля, из которых ожидаемо должны были появиться такого же рода и вида люди (не нужно объяснять почему), и это всё (включая ожидание) отвлекло Простоту. И он вместе с Верно отвлек всё своё внимание на происходящее там, у этого, скорей всего, чьего-то представительства.

И надо признать, что ожидания Простоты оправдались и нашли своё подтверждение в появившихся из автомобилей людях – они выглядели в точности так, как и должны были выглядеть все представительные люди – величаво и неприступно. И эта их неприступность

выражалась не только их надменным видом со всех сторон и ракурсов, что не всегда бывает достаточно в этом мире полном слепцов, но и как немаловажный аксессуар для узаконивания этой их характерности – их на каждом шагу сопровождали крепко сколоченные люди с обязательными зонтиками под мышками.

Что, видимо, и навело Простоту на новую, старую мысль – вернуться к своей прежней, незаконченной мысли (визуальная картинка, как раз способствовала этому). – Ну а что всё-таки, по своей сути значит неподкупный человек? – задался вопросом Простота, посматривая на уж больно важного господина, выбравшегося из автомобиля и, решившего видимо подышать свежим воздухом, чего единственного в его жизни и не хватает – вот он его и вдыхает. На что Верно, также как и Простота, ведущий наблюдение за тем же важным господином, хотел сразу указать на этого антипода неподкупного человека (это скорее подкупающий человек, вон он как подкупающе выглядит) – этого важного господина (а когда знаешь, главную характеристику своего интересанта, хотя бы со знаком напротив, то дело техники ответить на свой вопрос) – но что-то его удержало и он решил послушать, что ответит Простота.

А так у него были дельные мысли. Например, судя по тому, что он сейчас увидел, – важному господину, прежде чем он вышел, открыли дверцу автомобиля его расторопные помощники, – то все подкупные люди (а этот важный господин, был почему записан именно в такие без —не люди), фигурально безрукие люди или же они ими пользуются только в самых крайне необходимых случаях – для того чтобы залезть в карман или только подкупать.

– А то, – заговорил Простота, – что он в своих действиях руководствуется совсем другими приоритетами и правилами. И если это так, то все эти приоритеты и правила дорогого стоят, если они могут перевесить значение материальных ценностей. А единственное, что может быть более ценно, чем материальные ценности, так это то, что они собой физически и выражают.

– Идея. – Вставил Верно. Что может быть и было верно, но Простота сам хотел сделать вывод и поэтому он расширил свой ответ. – Может и идея, а может и что-нибудь духовное. Но так или иначе, а значение и значимость материальным ценностям придаёт сам человек. И если он им не придаёт никакого значения, что невероятно сложно, живя в материальном мире, где не следование этому общему правилу, ведёт к вырождению (кто захочет с таким тобой жить и иметь от тебя потомство), то для этого, если он, конечно, не притворяется, у него должны быть весьма существенные основания. А это наиболее сложный из всех возможных вариантов. Так что придётся, как следует, потрудиться, чтобы отыскать эти основания у нашего прокурора. – Задумчиво сказал Простота. Верно же, находясь на своей особой наблюдательной волне, заговорил немного о другом.

– Интересно, а почему, к примеру, как сейчас, мысли о неподкупности возникли у нас при виде тех качеств жизни, которые связаны с ней только со знаком недостижимости. – Проговорил Верно, не сводя своего взгляда со стоящих у здания чьего-то представительства люксовых автомобилей. Простота со своей стороны хоть и был полностью не согласен с этим заявлением Верно, – да хотя бы потому, что эти автомобили появились позже того, когда он завёл речь о неподкупном человеке, – но он решил пока не вступать с ним в спор, а подождать, когда тот ещё побольше оговорится. Правда и молчать он не может, а даёт сообразно своему мышлению ответ.

– А потому, что неподкупность, как и физическое её антивыражение, по своей сути есть во всех своих смыслах прилагательное к человеку. – Сказал Простота.

– А должна быть данностью, самой сущностью человека. – Глубокомысленно ответил Верно.

– И тогда получается, что эта неподкупность имеет внешние источники возникновения. – Предположил Простота.

– Раздражения. Если эта характеристика твоя данность. А если прилагательное, как тот же аксессуар, который, как регалии и другого рода знаки отличия носят у себя на груди

представительные господа, то это совсем другая данность – за верное служение другому источнику правды. – Сказал Верно.

– Интересно, а почему именно вокруг этих, с такого рода характеристиками людей, всегда столько крутится мутных типов? – Спросил Простота.

– Испытывают его. – Пространно сказал Верно.

– Терпение. – Усмехнулся Простота.

– Не без этого. – Громко засмеялся Верно. Чем заставил обернуться в свою сторону того важного господина у представительства (его охрана ещё немедленной отреагировала на его смех, развернув свои шеи в сторону Верно). Но вроде бы, но только внешне, эти типы (Верно и Простота) ничем особенным не угрожают этому важному господину и охрана важного господина, держа Верно с Простотой под контролем, немного ослабила свою шейную хватку. Что касается Верно и Простоты, то они отшутились, и Простота, вернув себе серьёзный вид, обратился к Верно.

– Всё же думаешь, что наш клиент притворяется? – спросил его Простота.

– Посмотрим, увидим. – Сказал Верно.

– И то верно. – Согласился Простота, посмотрев на свои часы. На которых он единственно, что увидел, так это сколько сейчас время, но вот чтобы увидеть там, насколько пунктуален ожидаемый ими человек, то тут без особых вариантов – ему оставалось только догадываться об этом. А вот сколько они так догадывались об этом, время от времени перекидываясь мало значимыми фразами, поглядывая, то по сторонам, то опять на свои часы и как итог этому только что возникшему ритуалу, на носки своих ботинок, размеренно покачивающихся на их ногах, перекинутых с ноги на ногу, то сложно сказать. Зато очень легко можно было предугадать одно – когда кто-нибудь из них, неважно кто, устало спросит: И сколько нам ещё ждать?

А как только кто-нибудь из них, кто не важно, об этом спросит, то второй, само собой, тоже неважно кто, обязательно его в этом вопросе поддержит, – а это даже не вопрос, а желание всё бросить, – и также в ответ вопросительно выразится. – Сдаётся мне, что никто не придёт.

Ну и как следствие всему этому, а может в следствии того самого закона вероятности, всем известного под названием подлости, очень вдруг, неожиданно появляется именно тот, кого они уже перехотели и передумали ждать – так они его сильно заждались. А как появляется, то эти господа замирают в одном положении и даже перестают на время дышать, наблюдая за тем, как себя неожиданно ведёт ожидаемый ими объект для их наблюдения. Хотя всё же, они не настолько остолбенели в себе, чтобы не суметь перекинуться парой коротких фраз между собой.

– Вон он. – Кивнув куда-то влево головой, болтнул Простота.

– Угу. – Более многозначительно сказал Верно, глядя на средних лет, вполне себе прилично одетого человека, который вдруг решил вести себя довольно необычно и странно и, пожалуй, предосудительно. Он зачем-то затаился в глубине листвы одного из деревьев, и как со стороны казалось, то кого-то поджидал, высматривая оттуда округу. Что навело ведущих за ним наблюдение Верно и Простоту на весьма тревожную мысль о том, что этот тип вполне вероятно, слишком осведомлён на их счёт и заодно по поводу их намерений, раз с таким энтузиазмом взялся выслеживать их. Правда он ошибся в расчётах и смотрел в другую сторону, а это немного успокаивало – значит его источник информации не такой уж и верный.

Но эта их первая мысль, возникшая в результате эмоционального всплеска, быстро отходит на второй план, и теперь этим наблюдателям на ум приходит другая тревожная мысль – может не только им в голову пришла эта, возможно, что запоздалая мысль, отследить этого господина, и за ним ведёт слежку ещё кто-то другой. И если это так, то объект их всеобщего внимания, на этот раз достаточно верно информирован по поводу тех лиц, кто испытывает на его счёт столь внимательное нетерпение.

Что заставляет Верно и Простоту перевести свой взгляд от этого спрятавшегося за кустами дерева господина, по направлению его взгляда – дальше, на пешеходную дорожку между аллеей деревьев, где кроме установленных вдоль пешеходной дорожки скамеек, слонялись, сидели и просто проходили люди разных видов, взглядов и возрастов.

И, конечно, у Верно и Простоты было сколько угодно шансов не угадать тех или в единственном числе тех, кто мог бы вести наблюдение за объектом их наблюдения, который оказался настолько расторопным типом, что опередил своих преследователей и сам теперь вёл за ними наблюдение, ведь вдоль аллеи гуляло и сидело на скамейках не так уж и мало людей. Но они, несмотря на всю сложность своей задачи, найти из всей массы народа тех, кто мог бы не только соответствовать, а быть тем, кто так интересуется их объект для наблюдения, – а эти те (может и в единственном числе, что ещё больше усложняет решение вопроса по их обнаружению), между прочим, если взялись за такое сложное дело, как вести скрытное наблюдение, то обязательно постараются быть незаметными и скрытными, – сразу же отыскивали того, а точнее ту, кто не просто соответствовал, а точно был тем, кто так интересовал теперь уже и их.

Ну, а обнаруженная ими, в первую очередь девушка, а затем всё остальное, – как например то, что она была настоящей леди, и то, что она живо заинтересовала, вначале их объект наблюдения, а сейчас не менее живо и Верно с Простотой, отчего Верно даже изменился в лице, побледнев при виде неё, всего вероятней, по причине того, что её красоту ничем не скроешь, прикроешь и не замаскируешь, – в своём преследовании не стала использовать тактику скрытного наблюдения, а наоборот, выбрала для себя тактику прямого воздействия. Она так достаточно независимо и уверенно, не спеша шла по дорожке по направлению спрятавшегося в кустах деревьев объекта её и сидящих на скамейке господ Верно и Простоты наблюдения, что при взгляде на неё, даже и не возникало мыслей, что она может кого-то там искать – это её должны все искать, что и делали мимо проходящие прохожие, жаждающая отыскать на ней взгляд внимания к себе.

Между тем, во время своего наблюдения за приближающейся девушкой и краем глаза за объектом своего наблюдения, у Верно и Простоты вновь изменились взгляды на намерения этого господина, спрятавшегося в кустах деревьев – теперь он им виделся, не как человек, который в некоторой степени стал жертвой их наблюдательности (о причинах, способствующих возникновению этого любопытства не сейчас), а он теперь им виделся таким человеком, за которым нужен глаз да глаз – он сам встал на путь хищника и теперь выискивал для себя жертву. И получается, что господа Верно и Простота, сами того не ожидая, очень верно поступили, что решили понаблюдать за этим господином, который как оказывается, вон как себя опасно ведёт.

Ну а ведёт он себя следующим образом. Так в самом начале, как только он был обнаружен Верно и Простотой, он лишь только выглядывал из своего тайного убежища, что, конечно, не возбраняется и как-то иначе не квалифицируется. Но вот когда та, обнаруженная ими девушка, стала всё ближе приближаться к его скрытному, даже не убежищу, а засаде, то этот господин стал проявлять явные признаки нетерпения. Так он стал переминаясь с ноги на ногу и так сладко-улыбчато на лице самовыражаться, что Верно стало так невыносимо на это смотреть, что он сжал руки в кулаки и, судя по его злостному выражению лица, то сделай тот тип какой-нибудь опрометчивый шаг, то Верно верно сорвётся с места, чтобы поправить на лице этого типа всю его радостную выразительность.

Но тот тип стоял к ним спиной и вряд ли мог увидеть стоящее на лице Верно предупреждение, и поэтому он действовал, как сам для себя наметил, без оглядки на возможные заспинные препятствия. И как только идущая по аллее девушка, почти сравнялась с тем деревом, за которым он укрылся, то он начинает вслед за ней обходить вокруг это своё укрытие. Ну а как только она оказывается спиной к этому его укрытию, то он, стараясь действовать бесшумно,

вначале тихо выходит из своего укрытия, а затем начинает целеустремлённо и неуклонно сближаться с этой незащищённой девушкой.

И вот сейчас бы Верно самое время вмешаться и спасти девушку от нападения этого злодея, – ему явно нужна не одна её сумочка, а судя по его сладострастной улыбке, ему нужна вся она, – но он почему-то ничего не делает, а лишь ухватившись за скамейку руками, только пытается её оторвать от земли. Что у него чуть было не получилось, как раз в тот момент, когда этот скрытный тип, настигнув девушку, придерживаясь всё той же избранной им тактики – действовать на опережение – взял и не пойми откуда (возможно из под полы своего костюма) вдруг достал букет цветов, и коварно застелил им глаза этой девушки, так для себя неожиданно наткнувшись на это цветочное препятствие.

Что вызывается у неё смешанное, с восторгом удивление, а вслед за этим, как только она обнаруживает перед собой того, кто поспособствовал всему этому её восторгу, то тот награждается ею таким невероятным взглядом, что на этот раз даже Простоте почувствовалось неуютно сидеть на скамейке, которая какой уже раз вздрогнула под ним. На что бы он, не случись всего этого события перед его глазами, давно бы обратил своё и Верно внимание, но так как все его мысли были заняты происходящим, то он только сейчас не сдержался и высказался по поводу увиденного. – А я, знаешь ли, теперь понимаю выбор господина Атанте. – Сказал Простота, посмотрев на всего бледного Верно. А такой вид своего товарища, не может не вызвать у него недоумённые вопросы.

– А ты что на его счёт думаешь? – несколько растерянно спросил Простота. И, наверное, Простота ожидал услышать, что Верно ничего хорошего на счёт этого Атанте не думает, а что касается его выбора, то не его, может и прекрасный вкус, определяет его человеческие характеристики, – вкус определяет только качество его жизни, – но Верно сумел удивить Простоту, сказав ему совсем не то, что он от него ожидал услышать.

– Это она. – Сказал Верно.

– Кто она? – совсем ничего не поняв, с удивлением уставившись на Верно, переспросил его Простота.

– Кто она? – с созерцательным видом, задумчиво переспросил себя Верно, сквозь памятную дымку увидев перед собой разгорячённое бегом лицо Её или Лизы, с которой он когда-то, так давно, что и за правду не сочтёшь, в первый раз лицом к лицу столкнулся на утренней пробежке на стадионе. Почему лицом к лицу, то тут ничего нет удивительного – направление бега по кругу стадиона, не было никем регламентировано, и каждый был волен выбирать для себя любую дорожку, в какую сторону и с какой скоростью ему бежать. А раз так, то всегда найдётся тот, кто выбрал для себя не то направление движения того же бега, что и вы. А это всё, в конечном счёте, ведёт к столкновению... Убеждений, мыслей, предубеждений? Нет, не сразу. А всё же для начала ваших лиц, а затем уже, кто знает, чего ещё.

Что же касается Верно, то он не спешил бегать наперегонки со временем и не торопился вносить изменения в свою жизнь, и по большому счёту, был консерватором, так что в беге по стадиону он придерживался традиционного для себя направления бега – он бегал, как привык, по часовой стрелке (хотя официально принято наоборот). И судя по тому, что ему навстречу попадались лишь спины других бегунов, которых он обгонял по мере того, как их по кругу догонял, то многие из бегунов, пришедших сюда на стадион освежить себя бегом, думали также как он. Что независимо от того, думаешь ты об этом или нет, всё равно приободряет, тем более тогда, когда тебя никто не может опередить в этом оздоравливающем забеге.

Итак Верно, круг за кругом опережал своих единомышленников, при обгоне которых, он каждый раз, пару секунд своего внимания уделял тем, кого обгонял, – а ну, осторожней на поворотах, а тебе стоило бы передохнуть, – пока на одном из поворотов, к полной для себя неожиданности, не натолкнулся на и не пойми откуда, и когда здесь появившуюся бегунью. И это так стремительно для него произошло, что Верно только рот сумел раскрыть от удивле-

ния, как она уже всё, и скрылась за его спиной, обдав его прохладой весенней свежести, с долей его сожаления о том, что всё это длилось всего лишь мгновение, и почему он такой нерасторопный дурак, не сумевший сдержать свои эмоции – выкатил глаза и ртом ахнул. Ну а так как он обернуться почему-то не посмел, то ему пришлось, видя перед собой её разгорячённое и, как ему показалось, слегка улыбающееся лицо, ждать следующей их встречи на новом круге.

А пока до этой новой встречи оставался круг, то у Верно было время собраться с собой – он окинул себя взглядом и с горечью убедился в том, что сейчас уже ничего не поправить, он полный обносок (а ведь сколько раз подгонял себя в магазин, чтобы сменить хотя бы кроссовки), – и обдумать, что в ответ выразить на своём лице при новой встрече. – Привет. Мне, кажется, что мы с вами уже раньше где-то встречались. – Верно соорил дебильную улыбку, представляя этот свой краткий, на бегу разговор с незнакомкой. И видимо всё это выглядело так натянуто, глупо и пусто, что ему и самому стало противно, представляя таким себя, и он выразительно отплевался от этого разговора. – Тьфу. Придурок. Ничего глупей не нашёл, что сказать.

Правда к оправданию Верно можно сказать, что когда появилась незнакомка, то этот его забег приближался к своему логическому окончанию и он, так сказать, был на некотором своём издыхании и ему в голову совсем не лезли здравые и свежие мысли, а вот усталые и избитые, то от них отбоя точно не было. Так что когда незнакомка и Верно выбежали навстречу друг другу, то у Верно в голове так ничего и не придумалось. Ну а при виде неё, то он уже точно ничего не смог надумать, теперь полностью поглотившись во внимании к ней.

Ну а такое заострённое внимание на ком-то, не может не сказаться на том человеке, кто так увлечён им. Что немедленно и сказалось, даже не на беге Верно, а на том, как он бежал. И если до встречи с этой незнакомкой, он в беге переставлял свои ноги, как придётся, а сам он не придавал никакого особенного значения своему виду, – никакой эстетики, а одно лишь напряжение сил, – то сейчас он выпрямился и обрёл на лице бодрость духа победителя, готового бежать, бежать и всех перебежать – так прыгуч стал его бег. Что определённо было оценено этой незнакомкой, которая на этот раз при встрече, даже не скрывала своей открытой улыбки, которой она одарила Верно при новой встрече.

И Верно в свою очередь по достоинству оценил эту её улыбку, чуть не упав, споткнувшись о свои ноги. И хорошо, что это случилось тогда, когда они с незнакомкой разминулись до следующей встречи, а то бы она в следующий раз при их встрече, обязательно попридержала при себе эту свою очаровательную и сбивающую дыхание у бегунов улыбку, так и ведущую к травматизму на беговой дорожке.

– А ну взял себя в руки, придурок. – Как только Верно удержался на ногах, то он сразу же обрушил на себя всё своё негодование, за такой чуть ли не провал. – Я даже боюсь представить, чтобы было, если бы я сейчас упал. – Верно, аж взмок от того, что он так и не смог представить. – А девушки терпеть не могут, когда кто-то падает в её глазах. Они сразу теряют к нему интерес. – Подвёл итог этому своему злословию Верно, вдруг почувствовав, что ногу он всё-таки подвернул или что-то там у себя потянул. И теперь потянутая нога резкой болью подбивала его на то, чтобы он остановился. Что, как минимум, вело к тому, что их следующая встреча с незнакомкой откладывалась ровно на столько, насколько он своим бегом приближал это событие. Что для Верно неприемлемо, и он не собирался сдаваться без боя.

– Нет уж, я буду бороться. – Более чем резко возразил себе Верно. И тут же получил ещё более резкий, болевой ответ со стороны своей левой ноги, который застав его врасплох, вдруг остановил его на стартовой, или может, на финишной линии. Всё зависит от того, с какой стороны на неё посмотреть – в его случае получается, что на старте. А такая видимость результата своего забега, несколько приободряет Верно, увидевшего в этой линии нечто большее, чем она является на самом деле.

– Ух! – глубоко, со вздохом прокомментировала свой скорый на встречи с Верно забег, остановившаяся напротив Верно незнакомка. И тут в голове Верно, на самую краткую долю секунды, возникла слишком рискованная мысль, которую озвучивать уж точно будет лишне. И хорошо ещё, что ему хватило благоразумия умолчать эту дерзость – если для него эта встреча с незнакомкой есть старт для чего-то нового, то для неё, со своей стороны стоящей на линии финиша, эта встреча с ним есть заслуженный ею итог. Что, конечно, звучит чрезвычайно самоуверенно и по-своему эгоцентрично. И совсем не трудно догадаться, что бы дальше случилось, позволь Верно себе даже в шутку озвучить своё видение этой финишной или стартовой линии – он бы онеметь от потрясения не успел, как для него эта линия стала бы финишем его отношений с этой незнакомкой.

Что же касается незнакомки, то она ведёт себя так естественно и натурально, – она совершенно не стесняется своей усталости и, согнувшись в облокочении руками о свои коленки, стоит и отдыхается, – что на неё любо-дорого посмотреть, чего не скажешь о Верно, на которого так и смотреть не хочется, кроме почему-то этой незнакомки. Но она не в счёт, потому что сразу видно, что она не такая как все. И это в ней Верно видит, и всю пользуется, ведя себя как может – так неестественно, зажато и неуклюже. А она и не пойми почему, позволяет ему своим добродушием пользоваться – смотрит на него, улыбается и ещё сама делает первый шаг навстречу.

– С непривычки задыхательно выходит. – Поглядывая на Верно из своего согнутого положения, что ещё больше её красило, смешливо сказала незнакомка. Отчего Верно вздрогнулось в ногах и захотелось самому вслед за ней пригнуться вниз и посмотреть ей глаза в глаза. Но Верно не смеет так смело поступать – он вообще, после встречи с ней, потерял в себе всякую отвагу – а лишь как последний придурок стоит и нелепо лыбиться, когда не только не помешало бы, а было уже необходимо что-нибудь сказать, но только не такую глупость, которую вдруг отыскал в себе откуда-то Верно.

– Я видел. – Ляпнул эту чуть ли непристойность Верно. И верно сам осознав, как это достаточно глупо звучит, тут же покраснел от сказанного. И, конечно, незнакомка не будет спускать ему такие его наиглупейшие слова, и она спрашивает его. Но не просто так, а со скрытым подтекстом, при этом всё же давая ему шанс выкрутиться из того глупейшего положения, в которое он сам себя, по своей недалёкости и загнал.

– И что вы видели? – со смешинкой в глазах спрашивает незнакомка. И при этом так выразительно на Верно смотрит, что он ещё ничего и не сказал, а ему уже стыдно за будущие сказанные, не сказанные и ещё какие-то надуманные им слова, которые уж точно не смогут описать или хотя бы приблизиться к тому, что незнакомка из себя представляет (такие слова ещё не придуманы – с таким парадоксом каждый человек, будь он даже первейшим лингвистом, в своё означенное время встречается), и со сто процентной уверенностью можно сказать, что они уж точно не будут достойны её.

Ну а Верно и так нелегко приходится, а тут ещё на него так принципиально внимательно смотрят, что и не соберёшься никак – ну-ну, посмотрим, что ты там сейчас скажешь, и так уж и быть, дам тебе бесплатный совет: ты хорошенько подумай, прежде чем опять брякнуть несусветную глупость, типа у меня в глазах всё померкло и я мало, что сумел заметить. И даже более чем понятно, что именно к этой версии озвучки своего ответа и склонялся Верно, у которого, если быть очень честным к себе, и в самом деле что-то подобным образом затуманилось в голове. Но Верно что-то внутри подсказывает, что от него ждут не каких-то там расплывчатых уверений в чём-то неопределённом, а вот если он решится и сразу выскажется напрямую и по делу, – чёрт тебя побери, ты же прекрасно знаешь, что и в каком виде я тебя видел (примерно так), – то они явно быстрее найдут общий язык.

К чему Верно и приступил бы немедленно, не посмотри он на разделяющую их, прочерченную на дорожке белую линию, то ли старта – со стороны Верно, то ли финиша – со стороны

незнакомки. Что отвлекает Верно, и он сообразно этому своему отвлечению, увлечению или ещё что, обращается к незнакомке.

– Интересно. – С задумчивым видом и достаточно интригуяще говорит Верно, глядя на эту разделительную линию. Что несколько сбивает понимание незнакомки, которая уж точно не ожидала от него услышать такого туманно-пространного ответа, который к тому же звучит не совсем орфографически по отношению к ней правильно. Вот если бы он сказал: «Интересная», – то это куда ни шло, а вот это его «интересно», может к чему угодно, да к той же разделительной линии относиться. И незнакомка, испытав такого рода непонимание по отношению к этому странному человеку, чего она не любила до себя допускать, дабы не запустить дальше это странное для себя состояние мыслей и духа, переводит свой взгляд на эту линию и так сказать, ждёт от своего собеседника объяснений. И она их получает, но только не таким прямым способом, каким бы ей хотелось услышать.

– А я ведь никогда не задумывался над тем, в каком направлении мне бежать по кругу... стадиона. – Сбивчиво заговорил Верно. – А всего лишь пришёл на стадион, огляделся и сразу побежал. И судя по всему, верно то, что меня к тому чтобы я побежал именно по тому направлению, по которому я и взял за правило бегать, по часовой стрелке, что-то подсознательно, через прежний накопленный опыт, да подтолкнуло. – Сказал Верно, окинув взглядом стадион. Затем вернулся к незнакомке и, посмотрев на неё, обратился уже к ней. – А вот вы пришли сюда, и уже по каким-то своим внутренним причинам, а может быть даже и по убеждениям, взяли и побежали совсем в другую сторону. Вот мне и стало интересно, почему. Хотя вполне возможно, что этого «почему» и нет. – Сказал Верно, при этом уж больно хитро прищурился один глаз.

– Почему? – вопросительно удивилась незнакомка, одновременно удивившись такой своей несдержанности, которая раньше ею за собой не замечалась. Ну а стоящий и поглядывающий на неё с хитрым прищуром Верно, скорее всего такой реакции от неё и ожидал увидеть. А как только добился своего, то он осмелел окончательно и принялся озвучивать вслух свои мысли и предположения насчёт незнакомки – а что-либо предполагать насчёт привлекательных для себя незнакомок, озвучивая это ей в лицо, да и ещё по собственному разумению, это ещё та недостижимая роскошь, которую могут себе позволить лишь те, кто избран этими незнакомками.

– Тогда смею предположить, что за этим вашим «почему», скрывается ваше желание бросить вызов времени. Ведь сам по себе бег способствует много чему, в том числе, по мнению некоторых близких к природе бега людей, и омоложению. А если ещё и бежать против движения часовой стрелки, то это, по всё тому же экспертному мнению, кратно усиливает омолаживающий и здоровый эффект. Если конечно, это всё подкреплено верой во всё это. – С такой насмешливой улыбкой это сказал Верно, что у незнакомки даже не закрадывались, а прямо возникли сомнения насчёт того, что он точно в такие вещи не верит и над ними подшучивает.

И хотя незнакомка и сама достаточно настороженно относилась к гомеопатическим средствам решения вопросов со здоровьем, а приведённый этим типом пример, определённо что-то имел общее с гомеопатией, да и вообще, она пока для себя не нашла ответа на этот вопрос почему, тем не менее ей почему-то крайне не захотелось списывать со счетов этот гомеопатический вариант, и при этом хотелось так убедительно возразить в лицо этому улыбочивому нахалу, чтобы эта его дерзкая улыбка, в миг с него слезла. Правда сейчас достаточно убедительных аргументов в подтверждение такого подхода к бегу у неё не было, и она решает пока промолчать и послушать, что этот, уж больно много на себя берущий тип, ещё скажет такого невероятно дерзкого. И он, что за неугомонный человек, взял и опять оправдал её ожидания, сказав всё то, что от него и ожидалось услышать.

– А может быть, вы просто привыкли действовать вопреки. – Только было проговорил Верно, как от незнакомки следует мгновенный и согласно кивающий ответ: Всё верно,

вопреки. – Ну а последующего проникновенного взгляда незнакомки на Верно, было вполне достаточно для того чтобы всё насчёт себя и её понять.

– И в этом вся она. – Пробормотал Верно, что совершенно не устроило Простоту, краем глаза посматривающего на ту парочку, перебирающую свою радость встречи всеми имеющимися в их наличии инструментами доверия, – от вербальных, до слов нет, что ещё за такие позволения себе на людях, – и другим краем глаза на уж больно холодного в лице Верно. И хотя всё это нервное поведение Верно, ни к месту и ни ко времени, всё же Простота считает нужным, всё выяснить у Верно насчёт этой Она. Ведь вся дальнейшая операция, и всё по причине его вовлечённости в неё, теперь находится под угрозой провала.

– Да кто же эта она? – уже требовательно переспрашивает Верно Простота.

– Лиза. – Даёт ответ Верно. И понятно, что такой, хоть и более детализированный ответ Верно, не может устроить Простоту, и он более чем сдержанно, что в данном конкретном случае значит, немногословно, но при этом жёстко, спрашивает Верно. – Что между вами было? – Ну а Верно совсем поплыл и как результат, начал заговариваться. – Было, – в задумчивости сказал Верно, – и хотелось бы, чтобы прошло. Но кому-то, из-за своей строптивости, не хочется смириться с тем, что есть. – Последнее своё предложение, Верно так звучно и нервно выдал, что Простота уже сам занервничал из-за того, что в результате такого громкого поведения Верно, сейчас их обнаружат те, кто не должен ничего знать об их присутствии здесь.

Но на этот раз всё обошлось, что совсем не обязательно, что так будет и в дальнейшем. Ну а чтобы такого больше не случилось, Простота вынужден действовать на опережение всех этих взрывных эмоций Верно. Для чего он спокойным голосом принимается успокаивать его поползновения на нервную выразительность себя (не надо забывать о том, что ему также нужно срочно выяснить степень опасности этой Лизы).

– И что есть? – спрашивает Верно Простота. Ну а Верно ведёт себя, ни лучше и ни хуже, а так, как обычно ведут себя люди оказавшиеся в таких, с растревоженными чувствами, сердечных обстоятельствах – он путано, а местами безумно излагается.

– А ничего. Ведь это как оказывается, тоже своего рода наполнение. – Маловразумительно выразился Верно. Но Простота, как бы путано и безумно не выражался Верно, должен его во всём понимать и даже выражать заботливое участие.

– Без конкретики не соглашусь. – Простота умело подводит Верно к фактам.

– А всё банально. – Спокойным голосом, что уже хорошо, заговорил Верно. – Встреча. Понимание друг друга и многое из того, что будет против нас сейчас и в будущем. Нескончаемая уверенность в себе и своих чувствах, и непремное желание преодолеть все препятствия и невзгоды на своём пути. Что родило в недрах моей трусливой души своё предвидение. – Верно тяжело вздохнул и озвучил то, что вызвало у него такой тяжёлый вздох. – Я решил подстраховаться. – Сказал Верно, пристально посмотрев на Простоту.

Верно ли было то, что прочитал в его взгляде Простота – когда изменяешь главному принципу, на котором построен фундамент ваших взаимоотношений – жить без оглядки и вопреки – то жди, что случится именно то, чего ты не хочешь, чтобы случилось и против чего ты выстраиваешь свою защиту – то, пожалуй, да. Ну а Верно, ответно прочитав по лицу Простоты, что был им понят, продолжил свой сбивчивый рассказ:

– И я как бы в шутку, – но я прекрасно осознавал, что это не шутка, – выдвинул ей условие. – Очень тихо проговорил Верно, чтобы сказанное им доозвучивалось Простотой через своё домысливание услышанного – видимо Верно и сам не хотел слышать вслух то, что делал. – Если инициатором расставания будет она, – как сейчас помню, я, нахмурившись, на неё тогда так (!) посмотрел: мол, смотри у меня, не иницируй. А она естественно, решительным взглядом ответно решила отстаивать независимость своего взгляда на меня – в смешливом недоумении захлопала весь воздух вокруг себя своими опухшими ресницами. – Верно от этого

памятливости воспоминания больше чем вздохнул, после чего продолжил свой трагический рассказ.

– В общем, если такая, что за фантастическая и невероятная вещь произойдёт, – из-за чего я, уже на подступах к озвучиванию этого моего условия, был обвинён в своё неверие в крепость наших чувств, – то она должна будет мне озвучить такую причину, которую я не смогу предугадать. Для чего всё это было нужно, и что бы было в том случае, если бы я угадал или же наоборот, не угадал, то я уже и сам толком в этом не разберусь и не смогу дать ответа. Возможно, что всё это тогда воспринималось нами как странная игра на чувствах. – Сделал оговорку Верно, задумчиво глядя куда-то сквозь Простоту. – После чего мы весь вечер, с прощательными перерывами, так уж и быть, с позволения Лизы, потратили на составление того страшного списка, который учитывал бы в себе все те всевозможные причины, которые я, после составления этого списка, не смог бы предугадать. Для чего составлялся этот список, не скажу. Может, чтобы дать шанс? Но кому и чему, то это тоже ушло от нашего внимания. – Взгляд Верно прояснился и он, как будто видя перед собой тот составленный ими список, начал зачитывать его.

– Оказался не тем человеком, за кого приняла. Не оправдал возложенных на себя надежд. Не знала, что он можно быть таким жадным, и на этом ещё и преуспеть. В общем, предприимчив до жадности. – Здесь Верно улыбнулся. Видимо вспомнил, в каких смешливых муках рождались все эти его характеристики (у него тоже имелись на свой и на её счёт дельные предложения, но он не стал их озвучивать, чтобы не усугублять своё итак достаточно хрупкое положение – Лиза, как оказывается, хорошо умеет подмечать и находить в человеке все его самые ненадёжные качественные характеристики и больные точки).

– Изменчивым во взглядах на посторонних красоток нежного возраста, не витать в облаках, мыслить приземлённо, оказаться неблагодарной скотиной типа козла, или тупым, скучным, типа барана чудачком на букву «м», и т. д. и т. п. – Продолжил свой рассказ Верно:

– Кажется всё перебрала, – вздохнула Лиза и, пристально посмотрев на меня, обратилась ко мне: А теперь дело за тобой. Только попробуй (здесь Лиза молниеносно сверкнула глазами) придумать такую причину, которую я бы не предусмотрела и которым смогла бы оправдаться. – Я же в свою очередь внимательно на неё посмотрел и, взяв в руки ручку, обратился к ней. – Только чур меня не мучить вопросами о том, что я написал, и не слишком об этом задумываться.

– И не подумаю. – Лиза незамедлительно дала ответ, вздёрнув вверх свой иногда слишком любопытный нос.

– Вот и держи своё слово. – Проговорил я и, не сводя с неё своего взгляда, принялся вписывать на листочек свою выдуманность. После чего я, всё также держа под контролем своих глаз взгляд Лизы, вкладываю этот листок бумаги в конверт, зачем запечатываю его, кладу на стол и только после этого, делаю небольшую передышку для себя – отпускаю взгляд Лизы. Ну а Лиза, как, впрочем, и я, сразу же переводит свой взгляд на конверт и начинает смотреть на него пронзительным, с долей ненависти взглядом – эта горечь, по её мнению, позволяет ей рассмотреть в объекте её наблюдения скрытые характеристики. На мой же вопрос: «Так ты и на меня с этой долей ненавистной горечи смотрела, когда в первый раз встретила?», – она такое заявила, что я до сих пор в недоумении и не знаю, что было бы лучше. Чтобы она на меня так горчично смотрела или же так, как случилось. Ведь я для неё, как выясняется, как самая открытая книга, и во мне нет никакой загадки, требующей от неё включения такого мотивирующего на меня взгляда.

Но смотри, не смотри, конечно, если ты не обладаешь экстрасенсорными способностями, – а за Лизой вроде бы такого не было замечено, – то через плотный конверт ничего не прочитаешь. Ну а чтобы Лиза в своём не знающем разумных пределов любопытстве, не пошла дальше и заодно на какую-нибудь хитрость, то я с помощью печати, своей и Лизи-

ной подписи на конверте, окончательно запечатал конверт. И теперь конверт невозможно было незаметно друг от друга вскрыть и заменить его содержимое. И для того чтобы его вскрыть, нужно было, чтобы исполнилось два наиважнейших условия – Лизу обнаружила запечатанная в конверте причина, и она показалась ей достаточно убедительной, чтобы быть мне озвученной. Ну а чтобы конверт по каким-нибудь независящим от нас причинам, а ещё больше по зависящим от нас причинам, не был утерян, то он поутру был отвезён в один из банков, где был и помещён на ответственное хранение в одну из ячеек.

– У каждого свои ценности. И чем это не ценность. – Усмехнулась Лиза, вкладывая конверт в банковскую ячейку. – Ничем не хуже, чем ничего незначущие безделушки и бумажки с нулями на них, ценность которым только и придаёт наше представление о них. И чем больше на этой бумажке нулей, то тем почему-то больше значит эта бумажка. Не странно ли? – задалась вопросом Лиза. – Что-то в этом определённо есть. – После небольшой задумчивой паузы сказала Лиза.

– Обладатели этих нулевых бумажек, эти в своём роде нули, скорей всего также думают. В них определённо что-то есть, говорят они, глядя на себя в зеркало, хрустом новых купюр вызывая в себе оргазмические видения. – Сказал я.

– Тогда пошли скорей отсюда, – с испуганным видом сказала Лиза, – а то у меня такое чувство, что неудовлетворённость никогда не покидает этих стен, и всё время пытается заглянуть через глаза в душу. – После чего мы покинули стены банка и постарались забыть навсегда о существовании конверта, и о том, что он несёт и предполагает собой. – Тут Верно сделал глубокую паузу, чтобы перейти к новому блоку повествования.

– И вот когда наступил тот самый (!) момент, – а когда ты жизненно-заинтересован в том, чтобы этот момент жизни никогда не наступил и миновал тебя лесом, то ты его уж точно никогда не пропустишь, – и Она появилась на пороге дверей с тем самым, ни с чем другим не спутаешь и сразу всё поймёшь взглядом, то ты вдруг обретаешь то, до невероятности странное спокойствие во всём себе, что тебя жги огнём и заливай жидким азотом, то ты ничего не почувствуешь. И ты только внимательно на неё посмотрел, ничего не откладывая в долгий ящик, прямо спрашиваешь её. – Ты нашла причину?

– Она сама нашла меня. – Удерживая на мне подрагивающий в ресницах взгляд, проговорила Лиза.

– Говори. – Следует мой ответ.

– Я больше не люблю тебя. – Продравшись через внешнее ограничение, воздушную среду, своего рода так убийственно прозвучали эти её слова. Но, что интересно, так это то, что они в тот момент совсем не коснулись меня и ничего затронули во мне – я уже был готов их услышать.

И я, застыв в одном созерцательном положении, – я её в упор не видел, – принялся со всей своей хладнокровностью мыслить и расчётливо анализировать то, что она сказала мне. Где я мог бы, конечно, придаться к неточности формулировки значения слова «любовь», которое исходя из её заявления, является величиной накопительной, – использование слагаемого «больше», об этом говорит, – а не постоянной, которая как и всякая божественная сущность, характеризуется величинами нетленности и бесконечности. Но я не стал спорить и, молча собравшись, без лишних вопросов, вместе с ней поехал в банк за конвертом. Там я из ячейки достал конверт, протянув ей его на вытянутой руке, дал ей возможность убедиться в том, что он находится во всё том же первоначальном, нераспечатанном виде. После чего она берёт его в руки и начинает зачем-то прощупывать его руками, нервно теребя его пальцами рук.

– Страшно. – Не знаю почему это сказала, блестя в глазах слезами Лиза, держа конверт в руках, так и не решаясь его вскрыть.

– Не бойся. Ты там увидишь то, что хотела увидеть. – Ни единой эмоцией не выдав своё волнение, сказал я. Ну а Лиза, с трепетом на меня смотря, возможно, что-то подобного

от меня ожидала услышать и поэтому (?) ещё больше побледнела. После чего выпрямила смятый в нервном напряжении конверт и, не имея возможности скрыть своё волнение, не как она всегда поступала – аккуратно и строго по очерченным правилами линиям действовать – взяла и порывисто разорвала конвертную целостность. Откуда ею вынимается сложенный вдвое лист бумаги – конверт немедленно, за своей большей ненадобностью летит прочь, на пол – разворачивается и она, уперевшись туда своим взглядом, начинает молча читать.

Прочитав написанное, она отнимает свой взгляд оттуда, переводит его на меня и внимательно так смотрит, пытаясь по моему ответному взгляду разгадать, в чём тут заковырка. – Верно, углубившись в тот памятный Лизин взгляд, вновь задумчиво замолчал, пока его не вывел из своей задумчивости вопрос Простоты.

– И что она там увидела? – как-то отстранённо задался вопросом Простота. Чего, тем не менее, хватило Верно, чтобы очнуться и выйти из своей запаянности, в которую его ввергнули эти воспоминания. И Верно, побуждаемый заданным Простотой вопросом, поворачивается к нему, чтобы дать на него ответ, где вдруг наталкивается на затылок Простоты. Что в свою очередь наводит его на понимание того, что вопрос Простоты относился совсем не к его воспоминаниям, а к чему-то совсем другому – Простота смотрел в сторону той парочки, где составной её частью была Лиза. И где в свою очередь, уже Лиза отвлеклась от своего спутника и внимательно смотрела куда-то сквозь листву деревьев.

Что видимо и вызвало такую заинтересованность у Простоты, чего не скажешь о слишком беззаботном спутнике Лизы – тому самому скрытному господину, которому уже по факту своего близкого нахождения к Лизе, не мешало бы проявить большую внимательность к своей спутнице, которая прямо на его глазах теряет к нему интерес и выказывает заинтересованность в некоем другом объекте наблюдения. На что этот её спутник совсем никак не реагирует. Из чего создаётся впечатление, что он, либо слишком самоуверенный в себе господин, который не привык с кем либо считаться кроме только себя, либо он уж больно прямолинейно мыслящий человек – достиг желаемого и теперь не считает нужным оберегать завоёванное – что по сути дела не меняет, когда он так себя ведёт недалековидно – он дальше своего носа не видит.

И Верно, видя всю эту внимательность и одновременно невнимательность этих людей, – каждый из них видит что-то такое, что недоступно всем другим, при этом они сами являются объектами для наблюдения со стороны рядом с ними находящимися людьми и это им по разным причинам не видно, – пришёл к ещё одному немаловажному для себя выводу. Скорей всего весь его рассказ про Лизу, прошёл мимо ушей Простоты. – И это, пожалуй, к лучшему. – Сделал вывод Верно, облегчённо вздохнув. Всё же выпустить из себя пар, выговорившись, очень полезно. А если при этом всё тобою высказанное, так и остаётся при тебе, то это даже лучше.

Сейчас же, после того как Верно, осмотревшись по сторонам, так сказать, вник в происходящее, – ну, а то что вокруг мало что изменилось, то это косвенно подтверждало его догадку о том, что это его памятное воспоминание о Лизе, так и осталось плодом его воспоминаний и не было озвучено вслух, – он перенаправил свой взгляд вслед за взглядом Лизы, пытаясь выглядеть, что она там такого увидела, что смогло удержать её взгляд больше отмеренного на всякий незначительный пустяк времени.

А смотрела Лиза, как сейчас выясняется Верно и возможно и Простотой, в сторону всё того же здания чьего-то представительства, около которого по-прежнему стоял или может быть дежурил, тот, представительного и важного вида господин. И повторный взгляд на которого со стороны Верно, открывает для Верно тот секрет, который вызвал в нём чуть ранее такой интерес к этому господину. И как Верно только сейчас замечается, что несколько удивительно, то этот важный господин, не просто важничая, стоял на мостовой, а может и на чём-то своём, в чём он кого-то заверял, грозно с ним разговаривая по телефону, а он подчёркивал свою

значимость тем, что в такую солнечную погоду был прикрыт чёрным зонтом, который держал над ним один из его телохранителей.

Что видимо и привлекло внимание Лизы, которая, как помнил Верно, всегда интересовалась такого рода людьми, которые, опять же только по их мнению, скрывали в себе нечто такое, чего ни у кого другого и в помине не было, и поэтому их нужно было более чем тщательно оберегать от... Да хотя бы от самых обычных людей, которые, что уж скрывать, собой представляют наиболее большую опасность для этих сверх нормативных и необычных людей – эти обычные люди своей обычностью пытаются спровоцировать их на обычность своего поведения, и не дай бог, на уравнение с ними в своих правах.

Что же касается этого привилегированного своей важностью господина, то он, как заметил Верно, явно оценил обращённое к нему внимание со стороны этой привлекательной особы. Что и выразилось в том, что он, поглядывая в ответ на Лизу, что-то прошептал своему самому доверенному лицу из среды исполнителей его воли (этот человек всегда находился так рядом с этим господином, что он никогда его не видел). Хотя может быть это всего лишь были домыслы на его счёт со стороны Верно, который всегда с предубеждением смотрел на все эти шептания важных господ, стоящих под зонтами.

Тем временем спутник Лизы, наконец-то, тоже обратил внимание на то, что его спутница слушает, а может и вовсе притворяется в том, что слушает его в пол уха, а как обратил, то решил вмешаться и обратить внимание Лизы на то, что он обратил своё внимание на всё это. Для чего он, что-то безусловно им считаемое важным и искромётным, и говорит повернувшейся к нему Лизе. С чем между тем совершенно не могут согласиться Верно и Простота, которым ничего не слышно из всего им сказанного, а по его жестикюляции мало что можно для себя понять и прояснить – хотя некоторые его невербальные зарисовки того типа с зонтом, ими были признаны удачными.

После же того как спутник Лизы, господин Атнанта (вот кто это был), на одних только руках, так удачно срезал того важного господина под зонтом – он все свои ручные манипуляции с физиономией этого важного господина, которую он, то вытягивал, то втягивал в опасные обстоятельства бытия и странные помещения, закончил тем, что так убедительно и талантливо закрыл над ним его зонтик, что этот важный господин чуть было не подсел под себя, увидев эту демонстрацию опасности над его головой – то он ставит такую жирную точку перед этим важным господином, что она выглядит как несмываемое пятно с репутации этого господина. После чего этот господин Атнанта со всей своей нахрапистостью, которой у него, как все уже могли убедиться, нескончаемо много, демонстративно и неожиданно для Лизы начинает использовать своё близкое к ней нахождение – он её обхватывает руками и, увлекая её за собой, кивая в сторону этого важного господина, что-то обжигающее её покрасневшие от этих его слов уши ей туда шепчет.

Ну а при виде такого, явно демонстративного вызова всей привилегированности и всем основам состоятельности важного господина со стороны и не пойми кто такого, в один момент смывает с лица этого представительного господина всю важность и в некоторой степени его состоятельность, что может не так видно и заметно, как вслед за этим выпавший из рук его исполнительного подчинённого чёрный зонтик. Который вдруг, к полной неожиданности этого исполнительного и всего в мышцах и гаджетах человека в тёмных очках, был выбит рукой этого важного господина, чей лоб в кои веки осветило солнце и ему стало очень жарко от наплыва своих злобных чувств, которые как оказывается, ещё в нём присутствуют и буйствуют всеми своими душевными красками.

Но как бы ярко не освещали этого важного господина все эти его буйствующие краски души, – а они всё больше были в тёмных тонах (ничего не поделаешь, такова была природа этого господина), – они на этот раз никому не причинили вреда (окромя, конечно, его хоть и исполнительного, но малорасторопного подчинённого, которому отдавили пальцы рук

ботинки этого господина, когда тот бросился поднимать зонт), а всё по причине того, что он был поставлен перед фактом полнейшего игнорирования его мнения, а иными словами, те, кого он хотел сразить громом и молнией своих глаз, взяли и повернулись к нему спиной.

– Ну и мы пойдём. – Приподымаясь с места, сказал Простота, после того как эта парочка развернулась в обратном направлении и не спеша направилась прогуливаться.

– Пойдём. – Сухо подтвердил своё намерение идти Верно, поднимаясь вслед за Простотой со скамейки.

Глава 5

Корабль «Аполлон» и его нравы

Из судового журнала, который по мере своей возможности, в крайне коротких перерывах между знаковыми событиями, сопровождающими на каждом шагу всех членов экипажа и пассажиров флагманского корабля «Аполлон», – морской болезни, разного рода закидонами за борт и другими знаменательными выходками, как со стороны моря, так и со стороны противостоящего ему экипажа корабля, – во время своего плавания по неизвестным морским просторам, вахтовым методом вёл в своей голове один из прямых участников всех этих морских событий, с провокационных слов капитана Мирбуса, юнга Маккейн, в сухопутном быту именуемым сенатором Маккейном.

Запись первая. Возникшая отстранённо и вне зависимости от никакого хода мысли, а по сути, бескомпромиссной бессмыслицы стоящей в голове, лежащего пластом на полу у себя в каюте, юнга... хотя ещё на тот момент просто привилегированного пассажира, господина Маккейна.

– Корабль «Аполлон» зашёл в такие неизвестные и дальние дали, что впору их назвать сумеречной зоной. Что же касается нас, пассажиров корабля, то мы находимся в таком полнейшем информационном вакууме, – ни спутникового телевидения, ни интернета, ни радио или каких других источников поступления информации (а источник информации: «это сказал капитан и точка», – меня, по крайней мере, не устраивает), — из-за чего мы постепенно уже начинаем терять связь с настоящей действительностью, а кто и с реальностью. И если время от времени не напоминать себе, как тебя зовут, кто ты на самом деле есть и таков, и ради каких высоких целей подвергаешь себя и свой разум столь невыносимо сложным испытаниям, то вполне вероятно, что ты вскоре забудешь, как тебя на самом деле звали, зовут и кто ты вообще есть. Что ведёт к катастрофическим и вполне вероятно, непоправимым последствиям для нашего разума. А капитану Мирбусу, тому, кто за всей этой новой реальностью стоит на капитанском мостике, и у кого мы все, по своему неведению, оказались практически в заложниках и в полной зависимости, только этого и нужно.

– Так он, сломив наш дух и, переформатировав наш разум под свой флотский ум, хочет окончательно подчинить нас себе, и в дальнейшем попытается использовать нас в своих, неизвестных для нас целях, как ему на то заблагорассудится (как минимум запишет в матросы). И ради этого, он не остановится ни перед чем, и всячески будет использовать все имеющиеся у него в наличии инструменты воздействия на наш интеллект и разум, уже не такой сплочённый как на Земле, а практически разбитый и ужас как расшатанный, нахождением в таких невыносимо непривычных для нас условиях, в море, на корабле.

– И пока единственный, кто сразу же догадался об этих вероломных намерениях капитана Мирбуса, скрытой под такой сладкоречивой и до чего же коварной улыбкой (он для введения всех нас в заблуждение, а кого-то напрямую ставя в положение дурачка, использует специальный, нагруженный специальными терминами флотский язык), и ещё как-то ему сопротивляется, так это Я (здесь дальше идёт мокрый подтёк, который скорей всего возник в результате слезоточивой грусти Маккейна, вызванной таким его одиноким и практически безвыходным положением).

– О чём капитан Мирбус, сам или с помощью своих соглядатаев, уже определённо догадался, и теперь я у него на особом счету. И как результат всего этого, он начал использовать против меня весь спектр своего инструментария. Начиная от психологического давления, через переформатирование моего имени – теперь я в глазах пассажиров корабля и членов команды, стал зваться каким-то юнгой (и это при моём-то, совсем не подходящем к этому званию возрасту — но никто не выказывает недоумения, а всем пассажирам, судя по их радостным лицам, даже очень это нравится и по своему щекочет нервы, когда меня так мимолётом обзовут) – заканчивая физическим воздействием на мой организм через местные невыносимые условия моего нахождения – бесконечная качка и духота в каюте, круглосуточно понижают мой дух, не давая ему расправиться в полный рост. Но у него ничего не выйдет, и я не сдамся. Этот Мирбус ещё не знает, с кем он связался. Но пасаран!

Но об этом и о многом другом, как, например, о том, что в эту всем известную своей неизвестностью, сумеречную зону зашёл корабль «Аполлон», а по мнению Маккейна, однозначно погрузилась голова капитана Мирбуса, а вслед за ним, под его давлением практически все пассажиры корабля и члены корабельной команды, за исключением правда нескольких светлых голов, (и пока капитана Мирбуса не излечить, то они так и будут блуждать в этой неизвестности), догадывался лишь только один Маккейн (одна из этих и самых светлых голов). И о чём бы он давно всем раструбил и аргументировано, ором доказал, не находишь он под плотной опекой капитана Мирбуса, наставшего на него сковывающую весь его организм и приводящую в расстройство и сумбур мысли, морскую болезнь. Которая не только не давала ему возможности привести в порядок свои мысли, но и приподняться с пола, куда он был выброшен с кровати одним из мощных приступов тошноты.

Начальная склянка

Уже которые сутки, по мнению одних, ясно, что непривыкших к трудностям, слонтяев и тряпок половых, бесконечные, а, по мнению других, более стойких и привычных, составляющих корабельную команду, самых обычных, а если нужна конкретика, то примерно третьи от момента подачи команды: «Отдать швартовы!», – флагманский корабль «Аполлон» с капитаном Мирбусом во главе и сухопутным представительством на борту в виде пассажиров, шёл в незнакомых и что тревожно, совсем неизвестных для всех пассажиров корабля, кроме разве что капитана Мирбуса водах (единственное, что они знали о них, так это то, что они солёные – что и не факт вовсе).

На все же вопросы насчёт местонахождения корабля, капитан Мирбус отделялся мало-значущими отговорками: «Уверяю вас в том, что нет ни малейшего повода для беспокойства», – которые он сопровождал ехидной улыбкой – захочу, совру вам в глаза, а вы крысы сухопутные и ничего поделывать не сможете. Но капитан Мирбус одного не мог учесть – пассажиры его корабля, были не самые простые люди, а они все сплошь состояли из тех людей, кто как раз и составляет, и стоит за такими глобальными событиями, которые и прикрывают все эти успокаивающие политехнологические фразы, и которые он решил употребить на их счёт. Что в итоге и вылилось в то, что на корабле начал формироваться второй центр силы, и не побоялся бы Маккейн сказать этого слова, тяжести, сплошь состоящий из недовольных проводимой политикой капитана Мирбуса, политически подкованных и, уже вполне состоявшихся на этом поприще людей.

– От неё нас всех качает в разные стороны и тошнит. – Первое и последнее, что успел, с перекосившимся от судорожных рвотных позывов лицом высказать основатель этого нового центра силы, сенатор Маккейн, как тут же, всё, что у него было в руках и при себе, отдав в распоряжение морской качки, которую на них на всех наслал, ясно, что коварный капитан Мирбус.

А этот капитан Мирбус, как только сейчас на корабле выяснилось, что за деспотичная и своенравная натура, который только на словах за демократию, когда на самом деле, он тот ещё тиран, готовый ради удержания на корабле своей единоличной власти, на любую пакость и подлость. И он по мере надобности, да и просто так, использует все подвластные ему инструменты влияния и давления на ослабленные морским путешествием сухопутные умы пассажиров – непогоду, которая как оказывается, здесь в море, сопровождает их корабль круглосуточно, само собой морскую качку, непереносимое на запах и вкус питание, информационный голод и другого рода манипуляции сознанием пассажиров корабля. А в шпионах у него ходят практически все члены его команды, которые готовы без всякого обсуждения и прений, выполнять его, даже не просьбы, а команды. И весь этот его деспотизм и всё это пренебрежение к свободе личности человека, им был назван дисциплиной. Вот до чего дошёл этот манипулятор человеческого сознания.

Но всё это мелочи, не идущие ни в какое сравнение с тем, что может и позволяет себе этот деспотичный капитан Мирбус, с помощью специально для этих целей разработанного морского языка, который знаком только членам его команды и больше никому. И этот специализированный под морское право язык, а по мнению людей сухопутных (их лишь в результате превратностей судьбы занесло на этот корабль), созданный лишь для того чтобы подчеркнуть главенствующее положение этих «морских волков» и их, «сухопутных крыс», бесправие, в общем, язык дискриминации, был воистину страшным инструментом, а иногда и всем орудием в руках и ртах знатоков этого специально выбесивающего «сухопутных крыс» языка. Где одно слово «Полундра!» чего только стоит, заставляя бледнеть в лицах и в страхе сжиматься сердца даже самых хладнокровных и жизнью измотанных людей, подкашиваться колени чувствительных женских натур, роняя их в подставленные руки матросов, что с зубным скрежетом воспринимается похолодевшими в бледности лицами «сухопутных крыс». Что же касается этих «морских волков», то они все всё сплошь состояли из членов команды корабля, во главе с капитаном Мирбусом.

И уже с самых первых шагов по палубе этого судна, вверившие свою судьбу капитану этого корабля пассажиры, в числе которых был, и конечно более всех выделялся, тогда ещё сенатор Маккейн, сразу натолкнулись на некоторое непонимание собой этого капитана Мирбуса, который уж больно сильно важничает и изъясняется с ними каким-то уж больно мудрёным языком.

На что поначалу и некогда было обращать большого внимания – важничает капитан по причине того, что ему оказана столь высокая честь, сопровождать в путешествии на своём

корабле, столь важных и представительных особ, а изъясняется он таким малопонятным и всё же странным языком, для того чтобы поддерживать высокий статус своего положения и пятизвёздность своего флагманского корабля (правда никто из пассажиров так и не нашёл вывеску с этими звёздами).

– Это такой маркетинговый ход. Он таким специализированным образом, прикрывает недостатки и упущения своего корабля. – С кривизной в лице осмотрев свою каюту, сделал вывод Маккейн, догадавшись, почему его номер не назвали просто номером, а назвали какой-то каютой. – Жулик этот капитан. Вот что я скажу. – Бросив презрительный взгляд на сопровождающее их лицо из числа команды корабля, громогласно заявил Маккейн. Чем заставил вздрогнуть и в нервном испуге перемениться в лице генерала Томпсона, отвечающего в первую очередь за нравственное здоровье Маккейна – в его задачу входило поддерживать воинственный дух в Маккейне, что достигалось множеством способов, где на первом месте стояло собутыльничество, и уже во все остальные очереди выступать в качестве силовой поддержки всех намерений Маккейна.

И при этом генерал Томпсон, как показалось Маккейну, даже попытался подать ему секретный шипящий знак, что, мол так, не стоит громко говорить насчёт капитана, который, конечно, жулик и может быть даже прохвост, но от него много что зависит на этом плавучем средстве, и поэтому его не стоит расстраивать правдой на его счёт (нашёл кому об этом говорить, первейшему правдорубу на всей матушке Земле). И если он действительно жулик и прохвост, то это, как минимум, повод для того чтобы его опасаться. Ведь дойди до капитана все эти его нестерпимые слова, то он, наверняка, хотя бы для того чтобы поддержать дисциплину среди вверенной ему команды моряков, – а она состоит всё сплошь из бандитов с большой дороги и беглых алименщиков, и эти головорезы понимают только язык силы, – попытается не переубедить нас в этом своём мнении насчёт него, подлеца и прохиндея, а при первом же удобном случае отправит нас кормить собой рыб.

И понятно, что такая физика лица генерала Томпсона, несколько удивила и мало порадовала Маккейна (что она ему говорила, то он оставил без внимания эту трусость и не стал углубляться в эти его посылы), не имевшего терпения видеть страх на лицах своих генералов. При этом Маккейн хоть и страдает невоздержанностью в своих исступлениях, всё же он ею не хвастается, а потому он не столь безрассуден в своих действиях, как его подают на закуску избирателям и своим бесчисленным врагам его имиджмейкеры. И поэтому генерал Томпсон не отправляется им сразу же на берег, в отставку, а ему даётся шанс исправиться. – Ведь ты же подлец, генерал, а он всего лишь капитан. А генерал в табелях о рангах, куда как выше капитана. И тогда как это всё понимать?! – укорив гневным взглядом генерала Томпсона, Маккейн перевёл свой взгляд на сопроводившего их до каюты члена команды капитана.

И Маккейн со всей своей решительностью задрал вверх голову, заодно со своей принципиальной позицией – всегда стоять на своём и ни за какие бартерные (только нал) шиши не отказываться от своих слов – уничтожающим всё на своём пути взглядом смотрит на сопроводившее их до каюты лицо из числа команды, по здравому рассуждению Маккейна, находящееся в ранге портье, и обращается к нему, а через него к капитану Мирбусу.

– Видел и повидал я всякого. Но такой прямолинейной и бросающейся прямо в глаза наглости и хамства, я редко где встречал. Так что можете обрадовать капитана, сказав ему, что он сумел-таки меня в этом удивить. – Маккейн сделал короткую паузу и добавил. – И ещё. Я не привык отказываться от своих слов. Так и передайте об этом ему.

– Я могу быть свободен? – поклонившись, спросил портье.

– Могёшь. – С таким новоязом для себя, отправил от себя портье Маккейн.

– А он ведь всё доложит капитану. – Глядя в спину удаляющемуся портье, задумчиво сказал генерал Томпсон.

– И что с того?! – с безрассудным бахвальством заявил Маккейн, приступив к своему размещению в каюте.

– Боюсь, что капитан не оставит без внимания ваши слова. – Сказав это, о многом вдруг пожалел генерал Томпсон – во-первых, что он отправился в морской поход с этим пренебрегающим элементарными правилами безопасности Маккейном, и буквально в том, что так неосмотрительно выразился. В результате чего, тут же и поплатился звездой на погоне, которая будучи с корнем вырвана, отлетела, когда погон, на котором крепились его звёзды, был вдруг схвачен рукой разъярённого и пышущего злобой Маккейна.

– Такие слова генералы не произносят. – Обрызгав слюной лицо генерала, захрипел его всего раскрасневшийся Маккейн. – Вы меня поняли? – глядя глаза в глаза генералу, гневно задался вопросом Маккейн.

– Так точно, сэр! – Последовал ответ генерала Томпсона.

– Вот то тоже. – Отпуская погон генерала, сказал Маккейн. – А бояться за вас, есть кому. Да хотя бы мне. – Усмехнулся Маккейн, отправляя генерала вон от себя.

И это было самое пустяковое из тех первых препятствий, с которым столкнулись отправившиеся в этот свой, не такой уж простой рейс, не такие уж простые пассажиры. И все эти, даже самые маломальские препятствия, вот так мудрёно, под обыденность существования всего окружающего здесь на корабле, оформлялись и подавались на слух этим специализированным морским языком, который так для себя обыденно и в своих целях использовала корабельная команда. И у многих пассажиров корабля складывалось такое непреодолимое ощущение и впечатление, что этот морской язык был однозначно был разработан для того чтобы ставить их, пассажиров, всё больше склонных к земному существованию, в неоднозначные и крайне неловкие ситуации.

– Во время плавания, развлечений мало и по большому счёту, скорее скучно, чем нет. Вот они и развлекаются на наш и за наш счёт. – Шептал на ухо своим близким по либеральному духу господам, но ни в коем случае не товарищам, господин Нервозов (здесь на корабле, как и на всяком транспортном, перевозящим пассажиров средстве, разношерстила всевозможного толка и рода публика, хотя не без цензовой сортировки и классификации по уму – а вот по чьему, то это был самый большой секрет или не секрет, что тоже секрет).

– А я скажу больше. – Как всегда ни в чём не хочет уступать своему близкому по духу господину, господину Нервозову, господин Сикорский. – Этот морской язык, не так прост, как он кажется на первый взгляд. – Ну а такое, полное бахвальства заявление Сикорского (до чего же наглец этот Сикорский, раз он смеет утверждать, что ему в отличие от всех близких ему по духу господ, этот язык до простоты понятен), вызывает свою естественную реакцию на лицах его собеседников – полное, до незыблемости недоверие к его словам. – Ну-ну, скажи нам чего-нибудь по-морскому, а мы послушаем. – Так и читается по лицам близких ему по духу господ.

И этот господин Сикорский, что за дерзновенная и невозможно его постичь сверхличность, совершенно не обращая внимания на предупреждения, стоящие на лицах его близких по духу господ либералов, берёт и говорит. – А этот язык вносит свой дисбаланс и, не побоюсь этого слова, дискриминационный подтекст в наши межличностные отношения между собой. И что всего обиднее, с противоположным, но только по физическим параметрам полом. И теперь этот, по-особому замечательный и интересный для нас пол, не столь внимателен к нам, не так как прежде крепко стоящим на своих ногах, а главное на палубе гражданам, когда вокруг красуется столько молодцов в столь красивой флотской форме, так и выделяющихся своей морской выправкой (их так неприлично выглядящую на земле, но только не здесь походку, ни с чем не перепутаешь) и своим отличным знанием морских терминов. И стоит кому-нибудь из них, с хрипотцой в голосе, что-нибудь такое мудрёное сказать: «Бл**ь, Аврал!», – как у многих, по большей части натур чувствительных (Сикорский мог бы не делать эту оговорку, всё равно все догадались, что и он попадает под это чувствительное число), в придыхании зами-

рает сердце и подкашиваются колени. А на земле бы над ними только посмеялись, но здесь, на палубе корабля, эта их расстановка при ходьбе ног, на ширине своих плеч, придаёт им особый вид и шик. – С душевным терзанием, волнением и болью, несколько сбивчиво выразил всего себя господин Сикорский, что есть силы врезав кулаком себе по колену.

И на этот раз, что удивительно в этом полном самостоятельных и независимых мнений кругу, он нашёл среди своих близких по духу господ, полное понимание и поддержку всему собой сказанному. – Падлы! – а вот в чей адрес от этих господ прозвучали эти монолитные в своём нетерпении слова, то невозможно догадаться.

Господин же Сикорский, почувствовав такую невероятную поддержку, тут же начинает всё больше распляться и резать так громко правду матку, что это начинает вызывать опасения у всех тех господ, кто сидел с ним за одним столом. Ведь одно дело, когда ты подвергаешь критике существующие порядки в своём ближнем и близком тебе по духу кругу, но совсем другое дело, когда твои, все конечно по делу слова, могут быть услышаны теми, кого они напрямую касаются и кто может на них справедливо для себя, но не для тебя, отреагировать.

А всякое правосудие и справедливость, а на последнем термине, теоретически и строился предпоследний упомянутый термин, осуществляется только в индивидуальном порядке. Так что если ты решил добиваться справедливости, то нечего примешивать к своим справедливым делам рядом с тобой находящихся людей, которые быть может, знать не знают какой ты справедливый, и оказались рядом с тобой лишь по чистой случайности – ошиблись столом, стулом и тобой, господин Сикорский.

– По мне так, – заговорил Сикорский, влив в себя прямо из бутылки приличную дозу бодрящего напитка, а одно уже это должно было насторожить собеседников и сотрапезников Сикорского, – этот настоящий на местных морских условиях язык, дискриминирует нас сухопутных жителей по территориальному признаку. – Господин Сикорский, втянув в рот устрицу, предерзко посмотрел в сторону капитанского стола, за которым в отличие от их стола, было где и не на ком отдохнуть взглядом. И если с их стола, на Сикорского смотрели всё больше постные мужские морды, то оттуда, с капитанского стола, на него не смотрели всё больше привлекательные женские лица.

Что ещё полбеды, но от одного вида того, с каким вниманием они следили за каждым движением разглагольствовавшего капитана (а он наверняка нёс какую-нибудь чушь), у которого, между прочим, и костюм был красивше, чем у кого-либо другого из здесь присутствующих, Сикорскому становилось до тошноты плохо.

И видимо этот, до чего же самоуверенный и беспечный вид капитана Мирбуса, к которому так и тянутся взгляды и лица всех самых привлекательных пассажирок корабля, и выступил тем катализатором, который всё внутри Сикорского возмутил и побуждал его к яростному неприятию местных порядков.

– На земле у меня, как и у всех была карма, а здесь она, как оказывается, наличествует только у ... – Здесь господин Сикорский непонятно по какой причине осёкся или же не стал договаривать то, кого он имел в виду. Но брошенный им красноречивый взгляд, даже не на проходящую мимо их стола особу женского пола, а на ту часть её, которую некоторые невоздержанные на язык члены команды, называли кармой или кормой, что, по мнению господина Сикорского, одно и то же, когда эта часть её оказывает такое огромное значение на будущее её носительницы, так сказать, досказал за него, что он имел в виду.

С чем его близкие по духу и сидящие за одним с ним столом господа, пожалуй, про себя и согласились, но вот так открыто выражаться они не смели (истинная свобода заключается в том, чтобы не чувствовать дискомфорта, когда себя ограничиваешь, – это было их кредо) и поэтому они только взглядами поддержали Сикорского, а вслух выразили некоторое неодумение таким поступательным движением глаз Сикорского. Который, наверное, совсем забыл, чем может ему грозить такая его свобода взглядов на особ женского пола.

– Смотри, досмотришься до абсурда.– Предупредительно и как всегда со свойственной себе иносказательностью, шепнул Сикорскому на ухо Нервозов. На что Сикорский нервно посмотрел на Нервозова, после чего не сводя с него своего взгляда, потянул свою руку к столу, где без труда нашёл ту самую, придающую ему уверенность бутылку, и вновь привлёк её и своё к ней внимание. Да так полноправно и крепко, что когда опустошённая бутылка была им отставлена на стол, то Нервозов при виде глаз в кучу Сикорского, только и смог сказать:

– Ну это, ты уж хватил лишнего.

Но если одни, как господин Сикорский, адаптировались к новым для себя, настоящим на воде, местным условиям, через своё смирение с действительностью, то другие, те, для кого всякое смирение претило их неусидчивому на одном месте нраву, как тому же Маккейну, не собирались вот так просто, через поглощение в себя местных условий существования (это относится к провианту и напиткам, уничтожая которые, Сикорский хотел подточить местные основы мироустройства), бороться с существующей действительностью.

И о том, как противостоять местному диктаторскому режиму, который установил на корабле капитан корабля Мирбус, видимо и хотел заявить за обеденным столом в ресторане сенатор Маккейн, обратив на это внимание некоторых близких себе по духу пассажиров корабля, недовольных своим подчинённым положением по отношению к главенствующему положению капитана Мирбуса. Но видимо капитан Мирбус решил действовать на опережение, и попытался сразу, на корню, затушить зачатки недовольства у этих вечно чем-то недовольных господ, – а такая его информированность насчёт характерности поведения своих пассажиров, не последних на земле людей, говорила о многом.

И не успел сенатор Маккейн в излюбленной им полной ненависти и сарказма манере, впережку с негодованием выразить озабоченность насчёт занятой деспотичной позиции капитана Мирбуса, как только здесь выясняется, безальтернативного, а значит навязанного им капитана, как тот путём использования им подручных инструментов, на этот раз морской качки, в один толчок тут же расшатывает его не столь крепкую позицию на своих ногах. Из-за чего Маккейн, дабы преждевременно не упасть в глазах своих соратников по столу, вынужден одной рукой ухватиться за спинку стула, а ноги расширить так, как он их никогда на земле широко не ставил.

Но только Маккейн сумел закрепиться на новых для себя позициях – он стоит в полусогнутом положении, ноги на чуть шире ширины его плеч, где одна рука придерживает в его руках бокал с шампанским, а другая удерживает его самого через спинку стула – и с проникновенным лицом, намекающим на его понимаемость всего сейчас происходящего (оно и значит он, знает, откуда надо ждать новой подлой атаки со стороны Мирбуса), посмотреть на своих соратников и слушателей, в отличие от него крепко сидящих на своих позициях, на стульях, за столом, как Мирбус предпринимает новую, до чего же неожиданную, а всё из-за своей подлости, атаку.

Так капитан Мирбус, каким-то необъяснимым для Маккейна способом, заручился поддержкой его естества, которое по своей сути должно было служить верой и правдой самому носителю этой своей естественности Маккейну. И вот когда последний обрушил на своих слушателей это далеко зовущее заявление по поводу подлой сущности капитана Мирбуса, как тот и выказал во всей красе свою подлую сущность. И стоило только Маккейну сделать глоток из своего бокала, как капитан Мирбус в одно мгновение, взял и вырвал из контекста слова Маккейна, которые он вместе со всем своим внутренним содержимым и выплеснул из себя прямо на стол и на сидящих за ним всё важных господ (правда говорят, что это были первые признаки морской болезни, качка всё это вытеснила из него). После чего Маккейна только видели, улепётывающим вон отсюда, из ресторана.

Ну а капитан Мирбус, этим тут же воспользовался. Он, глядя ему вслед, громогласно, чтобы это услышал Маккейн, спросив у облитых Маккейном господ за столом: «Это что ещё за юнга?».

– Маккейн. – В один голос согласились с этим новым прозвищем Маккейна все его оплётанные соратники.

– А он, как я посмотрю, скор на подъём. – Продолжая смотреть вслед улепётывающему Маккейну, так охарактеризовал его Мирбус. С чем никто за столом не стал спорить. Да и сам Маккейн не стал бы возражать. У него в такие минуты опасности, всегда так сильно обострялся слух, что он мог слышать всё, что говорят о нём, даже на самых дальних расстояниях, – а расстояние между ним и Мирбусом, несмотря на кажущуюся дальность, это не то расстояние, которое стало бы непреодолимым препятствием для его слуха. А вот против того, что добавил капитан Мирбус, хотя бы по причине того, что ему не знаком был употреблённый Мирбусом термин, он бы выступил.

– В какой, такой, ещё галюн я так поспешил! – переполнившись возмущением на Мирбуса, который такими незнакомыми словами на его счёт, да ещё спину злопыхает, Маккейн даже на мгновение замер на месте, чтобы по смеющимся в ответ голосам, определить, кто посмел над ним посмеиваться.

– Ну, генерал Томпсон, при вашем-то скудоумии на юмор, чего-чего, а вот такого смешливого настроения я от вас не ожидал услышать. – Маккейн поморщился лицом, распознав среди смеющихся голос генерала Томпсона. После чего Маккейн принялся прислушиваться к другим голосам, но он не успел поименно от детализировать смех, а всё потому, что этот капитан Мирбус отпустил в его сторону новую загадочную в своём исполнении фразу.

– Хотя, возможно, я ошибся насчёт нашего юнга. И он не так уж и поспешен, и не настолько и юн в своих незамедлительных решениях. – Заговорил капитан Мирбус. И, пожалуй, эти его начальные слова, даже порадовали Маккейн, – Мирбус учёл внутренние замечания Маккейна по поводу своего неподходящего для юнга возраста. Но вот только не до конца. И тут не обошлось без того, чтобы эти слова Мирбуса по-своему не напрягли Маккейна. Для чего собственно, уже изначально существовали свои побудительные причины – Маккейн с недоверием относился к этому Мирбусу, от которого ничего хорошего ожидать не стоит, и он этого нехорошего и ждал от него. И как тут же выяснилось, то Маккейн не зря сомневался и подозревал Мирбуса в его предвзятости против него. И Мирбус сейчас же подтвердил всё то, что о нём с самого начала знакомства подозревал Маккейн.

– Господа. – Не слишком громко и не тихо, а в самый раз, чтобы это обращение было в своей слышимости доступно только господам и никому другому, особенно дамам, сказал капитан Мирбус. И как только всё внимание господ за столом было завоёвано этим обращением, Мирбус, глядя чуть в сторону от Маккейна, выдаёт вслух такое непостижимое для Маккейна словосочетание, что его прямо-таки бросает в пот. – Прошу обратить ваше внимание на ту, кто находится на траверзе правого борта нашего юнга. – Говорит Мирбус. Отчего Маккейн, в один мигновение взмокнув и, прилипнув спиной к своей рубашке, ещё крепче затвердевает в своей неповоротливости, совершенно не понимая, как себя вести в ответ на этот выпад в свой адрес со стороны Мирбуса.

– Чёрт возьми, да как это всё понимать?! – побагровев, возмутился про себя Маккейн на такие, ничего себе позволения в свой адрес со стороны этого подлейшего из капитанов. – Да как он смеет, делать в мой адрес такие замечания, даже если они имеют под собой все основания быть! Ну, нетрезв я. Ну и что. А его какое собственно дело. И что ещё за односторонность такая? – Последний возникший вопрос побудил Маккейна обратить своё внимание на свой правый борт... пока что только пиджака – вон он что делается, Маккейн уже начинает мыслить по-морскому.

Но у Маккейна всегда были широкие взгляды на окружающее, и тут уж ничего не поделаешь, и он не смог ограничиться одним бортом своего пиджака и посмотрел несколько дальше, вокруг себя. Где его взгляд и натолкнулся на... Как бы лучше сказать или выразиться, чтобы не быть обвинённым в том, в чём всех так любят обвинять во всех смыслах недотроги, не быть пресным и не живым, а без обид суметь выразить свои природные предпочтения. В общем, Маккейн натолкнулся на ту самую заднюю часть субъектности, обходящей его по правому борту молодой особы, которая вызывает столько волнения и споров у господ и просто граждан, когда она, эта часть субъектности, оказывается к ним лицом, а её хозяйка к ним своим не передом.

Ну а так как Маккейн оказался лицом к лицу... с той частью жизни, которая куда как чаще чем мы думаем, к нам поворачивается этим своим лицом, – а некоторые всем известные лица, только и известны этим своим лицом, – да и при этом это всё произошло в тот момент, когда хозяйка этой своей субъектности или второго лица, уже завершала свой манёвр, и Маккейн можно сказать, оказался на острие розжига своего любопытства – его взгляд только коснулся краёв тайн, которые несёт в себе эта, как бы выразился капитан Мирбус, кормовая данность её хозяйки – то он уже побуждаемый своими рефлексам и больше ничем, потянулся вслед за ускользящей от него картинкой проходящей мимо него молодой особы.

И что удивительно, так это то, что Маккейн так и не сумел догнать своим взглядом эту молодую особу, даже несмотря на то, что угол поворота шеи Маккейна, был куда меньше, чем то окружное расстояние, которое преодолевала эта молодая особа. Правда то, что эта особа оказалась так неуловима для глаз Маккейна, то в этом нет большой её заслуги, и, пожалуй, имей Маккейн больше пространства для манёвра, то он неминуемо настиг бы её своим взглядом.

А всё дело в том, что к его полной неожиданности, он, как-то позабыв о присутствии за своей спиной своих недругов и даже врагов из числа пассажиров и членов экипажа корабля, вдруг натывается на их, даже не на осуждающие, а на насмешливые взгляды. Что и ставит своеобразную точку в его движениях дальше – он, застыв в одном, крайне неудобном для себя в полуоборотном положении, не моргая, смотрит на то, как все смотрят на него, и так паскудно ухмыляются, что ему до нового приступа тошноты становится плохо. Ну и среди всей этой массы невыносимых для Маккейна лиц, само собой выделяется капитан Мирбус, который и молчать не будет, а обязательно, что-нибудь эдакое, нелицеприятное в его адрес сейчас возьмёт и отпустит.

– А это положение принято называть «траверз задней точки». Он проходит по корме. – И только капитан Мирбус отпустил в адрес Маккейна эту непристойность (а Маккейн не видел других оснований иначе думать), как Маккейн уже не может себя сдерживать и, в ярости закричав в ответ: «Я трезв! Трезв! Понятно!», – к полнейшей для всех неожиданности, вдруг подворачивается в ногах и к множественному потрясению – палубы, людей в ресторане и главное, себя – валится с ног.

Что для него становится шоком – теперь чтобы он не делал и не говорил, никто не сочтёт разумным принять его прозвучавшие уверения в своей трезвости за чистую монету, а за вываленную в пыли и грязи, запросто примут. И Маккейн, всё также действуя на рефлексах, к удивлению многих, проявляет завидную прыткость в своём подъёме на ноги, с которой он и уносится прочь отсюда, в свою каюту, чтобы там окончательно пасть в своих отражённых в зеркало глазах, и заодно жертвой морской качки и сопровождающей её морской болезни.

Глава 6

Вторая склянка и первый стол

Запись вторая. Выражающая основной посыл и эмоции Маккейна, где всплески помутнения разума и рассудка, со своими прояснениями, которые преследовали его столько дней и ночей, что без тошноты о них и не вспомнишь, были обычной его реальностью. И как результат, его нестерпимое желание найти выход из этого положения, то есть из каюты и при этом не только в галльон (?).

*«Я понял значение выражения: «Мыслю и делаю дальше, чем вижу»...
И теперь я не завидую тем, кто не столь дальновиден как я.....»*

Туман, как сдаётся мне, – а сдаётся мне с каждым разом всё хуже и хуже, и всё больше не в масть, – взял нас в свои мутные тиски и, окутав нас со всех сторон, уже лезет нам в голову и мысли, затуманивая наш рассудок и разум. Но наш туман в голове, несмотря на то, что он стоит везде и вокруг, не идёт ни в какое сравнение с тем туманом, который заместил всё здравомыслие и стоит в голове капитана. И при этом он не просто стоит, а он им напускается.

И пока в капитанской рубке будет находиться этот пресловутый капитан Мирбус, нас не ждёт ничего хорошего, кроме туманных перспектив. И я, от одного упоминания чьего имени, бросало в холодную дрожь всех без исключения тиранов и диктаторов, обязательно найду способ противодействовать его тирании, и положу всему этому единоначалию конец. Но на этот раз я буду действовать умнее и не полезу на розгон».

Маккейн, находящийся в непонятном для себя положении на полу и в себе или не в себе, что и не разберёшь, и в ещё более малопонятном для себя и для всех пассажиров корабля статусе, – а то, что ему до посадки на корабль обещали, вызывает теперь одну только усмешку, — сформулировав в своей голове более-менее отчётливую мысль, которая была своевременна, по мере возникновения вписана в его вахтовый журнал на нейтронных носителях, помещённых в одну из ячеек его памяти, что отвечает всем требованиям безопасности, решил попытаться в реальности осуществить задуманное – хотя бы для начала оторвать свою тяжёлую голову от пола.

Что, как оказывается, не так просто сделать, когда ты привык лежать и в твоей голове столько тяжёлых мыслей, которые не просто утяжеляют твою жизнь, а буквально притягивают тебя к Земле, или в данном случае к полу каюты. И, если ты непременно хочешь оторвать свою голову от Земли или от ковра, используемого вместо подушки, то тут выход только один — необходимо немедленно избавить свою голову от всех этих тяжёлых и не дающих подняться мыслей. К чему и приступил Маккейн, принявшись избавляться от этих своих тяжёлых мыслей. Которые как вдруг выяснилось и услышалось, были не только тяжеловесны, а они содержали в себе столько нецензурной скверности и пошлости, что не мудрено было понять, почему Маккейна так плющило и прибило к полу.

— ЁмаЁ....Охренеть не встать! — Маккейн так невероятно многоуровнево, до чего же непристойно выразился (чего даже сигналом не запикать, и пришлось уточнять – точки ставить), что он сам поразился тому, на что он способен в мгновения своего умопомрачения. — За это, наверное, меня девки и любят. — В улыбке прояснился лицом, обрадованный Маккейн. — Как брякну какую-нибудь непристойность, то ни одна, даже самая благочестивая, настоящая настоятельница на монастырских речах послушница, не может устоять перед такой реалией жизни и начинает прислушиваться ко всему мною сказанному. А как прислуша-

ется, то даже не просит, а требует от меня показательных объяснений, что всё это значит. И при этом не только на словах, а ей необходимо, убедительнейшим образом продемонстрировать доказательства того, что всё мною сказанное, существует на самом деле. А что я могу сказать и поделаться в ответ, как единственное, сказать: «Пойдём в келью, покажу», – а затем поделаться.

И Маккейн за всеми этими своими рассуждениями, а по сути, выбросами из себя всего лишнего, ненужного, и не заметил, как оказался в полушаге от своего подъёма на ноги — он сумел добраться до кровати и присесть на неё. Что, в свою очередь, вдохновило его на дальнейшие мысли, которые на этот раз касались более приближенных к нему вещей. Он решил порассуждать о морской болезни, которая так неожиданно свалила его с ног. К чему он, не то чтобы не был готов, а он совершенно не ожидал от себя такой аномальной слабости и отсутствия иммунитета к такого рода болезни.

А Маккейн, как и многие из тех людей, кто принимал себя за решительного человека, в значении того, что он всё для себя и для многих решает, считал, что морская болезнь, это уж точно не для него, и уж кого-кого, а его она точно никогда не коснётся. – Морская болезнь, это уж точно не про меня! – как и всякий решительный и знающий себе цену человек, говорил про себя, не про себя, а вслух и буквально про себя Маккейн. Но до чего же всех этих, знающих себе цену решительных людей удивляет, когда они, вывернутые все изнутри наизнанку, ставятся на колени перед унитазом или тошнотными позывами перекидываются туловищем через борт, оказываются в положении поставленных перед фактом своей настоящей действительности людей – они всего лишь самые обычные люди, которым свойственно всё тоже самое, что и самому среднестатистическому человеку.

А всё это, для всех этих, считающих себя за не таких как все людей, нестерпимо и больно осознавать. И само собой, этот факт действительности ими воспринимается только в штыки и никак иначе. А иначе, как они смогут жить, ведь они так обычно жить не умеют и не приспособлены к такому тяжкому для себя труду. И они скорее умрут, чем будут жить обычной жизнью простых людей. А вот за кого-то пострадать и побороться за их права, то это они могут.

Так что нет ничего столь уж сверхъестественного и удивительного в том, что Маккейн был крайне удивлён и озадачен таким положением вещей и творящимся безобразием со своим организмом, который так неожиданно и непредсказуемо для него себя повёл – воспротивился ему и определённо подвёл его под... А вот под что, то это об этом Маккейну ничего не было известно, как и то, сколько он в таком изолированном от всех положении провёл времени здесь, в каюте, наедине со своими тошнотворными мыслями и их выходками.

– И ни одна падла обо мне не вспомнила, и не зашла ко мне поинтересоваться, как у меня здоровье и вообще, как у меня дела. – Маккейну, перед лицом которого всплыли лица тех, кто просто обязан был проведать его, – да тот же генерал Томпсон, который два раза всплыл перед его глазами (теперь становится понятным, к кому относилась эта выразительная несдержанность со стороны Маккейна), – и у него от такого нестерпимого отношения к себе, даже закололо в области сердца.

Но Маккейн крепкий орешек и он умеет мобилизоваться в трудные для себя минуты. И ему только дай смочить лицо под краном и он вновь будет готов освежать этот мир своими мыслями и новообращениями. Тем более период акклиматизации к местным условиям вроде как подошёл к концу. И его хоть ещё немного и покачивало, но судя по тому, что он почувствовал в себе голод во всех степенях своего значения, то он теперь, после того как он принял душ, был полностью готов выйти в люди.

– Остаётся узнать одно, – переодевшись во всё чистое и новое, глядя на себя в зеркало и поправляя на шее галстук, обратился к самому себе Маккейн, – узнать, сколько времени я здесь пролежал в одиночестве. – Здесь Маккейну в зеркало опять привиделся генерал Томпсон, отчего Маккейн преобразился в гневного господина Маккейна, который при первой же

возможности, не даст спуску этому, дискредитировавшему в его глазах генералу, бросившему его на произвол самого себя.

После того как только Маккейн погрозил Томпсону в зеркало кулаком, он перешёл из туалетной комнаты в отсек своей каюты, приспособленной под небольшой рабочий кабинет. Здесь он вытащил из встроенного в стену шкафа средних размеров дипломат и, поставив его на рабочий стол, принялся ощупывать свои карманы на предмет присутствия в них зашифрованных ключей от этого носителя стратегических секретов.

Но судя по побледнению лица Маккейна, его поиски оказались безрезультатными, и он, оторопев от смутных и страшных предчувствий, вдруг в один момент рушится на приставленный к столу стул (он когда работал с секретными документами, не имел привычки садиться – кто знает, что может случиться в следующий момент, и не придётся ли во всю прыть бежать с этими секретами). Но Маккейн в таком разориентированном положении находится совсем недолго и вид лежащего перед ним на столе дипломата, вкуче со стоящим на столе будильником, приводит его в чувства. И он, вдруг осознав, что только что переоделся в другой костюм, подпрыгивает с места и несётся в туалетную комнату. Где в снятой одежде и находит всё, что ему нужно, чтобы открыть этот полный секретов дипломат.

Ну а как только этот полный секретов дипломат открыт, то Маккейн так его приоткрыто открывает, что не имеется никакой возможности заглянуть в него внутрь – Маккейн в деле собственных секретов сверхосторожный человек, и даже если в комнате или в данном случае, в каюте, никого кроме него нет, он всё равно всем собой закроет дипломат, и через него в дипломат не заглянешь. – У стен есть не только уши. Поверьте мне, я знаю, что говорю. – Многозначительно покачивал головой Маккейн, ведя через микрокамеру скрытое наблюдение за каким-нибудь не столь осторожным человеком, как он.

Правда иногда Маккейн давал волю своим эмоциям, из-за чего, если за ним велась скрытая слежка, можно было сделать некоторые догадки насчёт его хода мыслей и соображений. И тут присутствует ещё одна правда – Маккейн к большому сожалению его врагов, был слишком эмоционален и оттого его было сложно прочесть и вычислить то, что он замыслил. А всё потому, что он на всё, вне зависимости от знака события, реагировал одинаково – смущающим слух крепким словцом и резко импульсивно.

– Вот чёрт! – в один из моментов, Маккейн вдруг громко и резко чертыхнулся, и тут же более чем жёстко захлопнул крышку дипломата. И тут, если бы за Маккейном велась скрытая слежка, что вполне возможно, а он никогда не станет исключать такой вариант к нему отношений со стороны окружающего мира (Маккейн на этот счёт более чем подозрителен и мнителен – он можно сказать, в этом деле ипохондрик), люди ведущие за ним наблюдение могли бы предположить, что Маккейн чем-то прищемил свой палец, раз он так чертовски порывист по отношению ко всему окружающему. Что может быть и так, а может и вовсе не так, и, пожалуй, никто бы никогда так и не узнал, из-за чего так расстроился Маккейн, если бы он на этот раз не сделал словесную утечку (все другие виды утечек, которыми он так вокруг себя радовал все эти аномальные дни, уже порядком надоели).

– Никакой связи! – с перекошенным лицом, через прикушенный зубами торчащий палец во рту, пронзительно выразился Маккейн. После чего он опять садится на стул и начинает судорожно соображать над новыми, только открывшимися обстоятельствами. – Это, или диверсия, или что-то в технической службе недоучли. – Еле слышно пробубнив, Маккейн вновь тянется руками к дипломату, приоткрывает его крышку, смотрит в его глубину на что-то совсем неведомое и невидное со стороны, и тем более не поймёшь, что это такое, когда не знаешь, что там такое находится.

– Что-то мне подсказывает, что во всём этом капитан замешан. – Потемнев в ярости лицом, помыслил Маккейн. – У него, наверняка, есть все технические возможности, для того чтобы глушить любые внешние сигналы. Вот он и глушит. И теперь мы окончательно нахо-

димся под его информационным колпаком. И он будет дозировано, в нужных ему количествах и качестве, подкармливать нас информацией из внешнего мира. Пока ... – Маккейн от переполнившей его злобы не смог закончить эту свою мысль. Но это было необязательно делать, она итак выразительно читалась по его безумному лицу.

Но вот Маккейн успокаивается, после чего закрывает секретный дипломат на шифрованный ключ, убирает дипломат в другое, более надёжное место – на свою кровать, под матрас – и, окинув взглядом свою каюту, направляется на выход. Где его ждёт первый, и не пойми с каким знаком сюрприз – с внешней стороны, на ручке двери, висит табличка «Не беспокоить». Что вызывает нескрываемое на лице Маккейна затруднение в понимании того, каким образом появилась эта табличка на его двери. Как он помнил, то он не помнил, чтобы он вешал такую табличку себе на дверь (хотя он с собой на корабль брал точно такую же табличку).

А так как здесь, на корабле, вряд ли пользовались такими табличками – здесь всё же не гостиница – то получается, что только он мог повесить эту табличку себе на дверь. И тогда вполне объяснимо то, что его никто не беспокоил своим вниманием к его здоровью и всему остальному. Что с одной стороны – его мнение учитывается – как бы удовлетворяет его, но с другой – а вдруг с ним случилось что-нибудь из ряда вон выходящее (понятно, что не то, какое выходящее с ним произошло) – совсем его не устраивает, во всём этом чувствуется лицемерие и прослеживается людское равнодушие к чужой судьбе.

– Вот сдох бы я там от обезвоживания, то этот Томпсон только руками развёл, и с упорством человека уверенного в своей правоте, заявил бы, что я сам просил и даже настаивал на том, чтобы меня не беспокоили. Вот я и не побеспокоил. – Маккейн чуть не задохнулся от своего возмущения на этого Томпсона. – Я тебя так не побеспокою, падла, что своих не узнаешь. – Сорвав табличку с двери, Маккейн бросил её на пол и хорошенько, хоть и бесполезно потоптавшись на ней, выдвинулся по направлению ресторана. Правда поначалу он хотел так неожиданно навестить генерала Томпсона, чтобы тот в пал в кому, но видимо за время своей болезни он потерял много сил и поэтому визит к этому подлецу Томпсону, был отложен им до худших для этого генерала времён.

При этом всё в нём говорило о том, что сейчас время обеда. И Маккейн в этом не ошибся, ресторан, сколько себя в нём помнил Маккейн, как всегда был наполнен людьми и приятной для глаза сутолокой. При этом, судя по всему и присутствующим в ресторане лицам, все только и ждали, когда к ним присоединиться, так надолго пропавший с глаз долой Маккейн, и поэтому присутствующие в ресторане люди, без него не начинали свой обед.

Правда так подумал только Маккейн (но таковы все люди, они склонны преувеличивать свою значимость для незнакомых и знакомых людей), тогда как, судя по своеобразному шуму, который всегда стоит в такого рода заведениях, всё же кто-то уже взял в свои руки столовые приборы и пробовал с них на вкус сегодняшние блюда. Впрочем, когда Маккейн появился в ресторане, то этот шум в один миг вдруг затих, что в свою очередь даже увеличило кульминационный эффект появления Маккейна.

Ну а когда ты на званый обед являешься в числе самых последних (со всей уверенностью пока что нельзя сказать, что Маккейн был самым последним), да ещё особую пикантность моменту придаёт ваш последний знаковый уход, с последующей вашей пропажей на достаточно долгое время, то по другому на вас и не могут смотреть при этой новой встрече – как только с удивлением – и с чем он явился, не запылится, – и нескрываемым любопытством – ну-ну, посмотрим, что он скажет в своё оправдание.

Маккейн же останавливается в дверях, чтобы с одной стороны зафиксировать всеобщее внимание на себе (он, что ни говори, а любил находиться в центре внимания) и с другой стороны, чтобы осмотреться по сторонам и попытаться понять, что могло за время его отсутствия здесь измениться.

И первое, на что и на кого за этим что наткнулся Маккейн, так это был капитанский стол, который по своему капитанскому праву занимал самое лучшее, центральное место в ресторане, рядом со сценой, где по вечерам можно было потанцевать, а когда и послушать выступление музыкантов.

Ну а на капитанский столик, всегда и в данном случае, любо-дорого посмотреть. Всё на нём и за ним радуется глаз, кроме только сидящего во главе него капитана Мирбуса, который даже не изменился в лице, когда Маккейн появился в дверях. И он как излучал довольство, а, по мнению многих, понятно, что завистников, самодовольство, так и продолжал его излучать, свысока глядя на Маккейна. Впрочем, их, этих мнительных насчёт капитана людей, тоже можно понять, всем ведь хочется оказаться на месте капитана, в распоряжении которого всегда лучшие блюда, и не только те, которые находятся на столе, но и те, которые сидят за его столом.

Так с левой от капитана стороны, сидит столь лучезарная в своей яркости блондинка под впечатляющим именем Атлантида, что даже приходится щуриться и время от времени пропускать лишнее внутрь и мимо себя, глядя на неё. Ну а справа от него присела на край стула шатенка, с не менее интересным именем Атлантика, и своим очаровательным видом радуется глаз всех тех, кто посмотрит на неё, за исключением разве что только блондинки, которой мешает радоваться капитан Мирбус, перегородивший для неё своим лицом все виды шатенки. Впрочем, ей этого и не надо, как, в общем, всем сидящим людям за капитанским столом, она, как и другие люди за этим столом, заняты только одним – они не сводят своего восхищённого взгляда с капитана Мирбуса и, заглядывая ему в рот, с придыханием ловят каждое им сказанное слово.

– Как будто его слова чем-то качественным отличаются и лучше наших слов. – До кипения внутри себя возмущались всё те же завистники, глядя на то, как вздыхают сидящие за капитанским столом дамы, стоит только капитану Мирбусу что-нибудь им самое пустяшное сказать. – Да он всего лишь факторизировал, что сегодня погода хорошая. А дамам за его столом уже стало жарко от этих его слов, и они принялись приоткрываться перед ним. У, гад ползучий. – От видов такой несправедливости, творящейся за капитанским столом и на глазах всего зала, темнели разумом едоки, начиная вести себя несколько вызывающе и запамятливо – они начинали в разной степени приличия нарушать правила этикета и поведения за столом, путаться руками, хватая не в те руки ножи и вилки, более чем требуют правила приличия задерживать свои взгляды на том, на чём не стоит долго задерживаться, и до неприличия низко опускать свои взгляды. . . Нет, не в ответ на чей-нибудь взгляд, а наоборот, выступая подстрекателем ответного недоумения стоящего во взгляде на них.

При всём, при том, каждый из находящихся в ресторане людей, несмотря на то, что у него внутри всё так кипело при виде такой несправедливости, ничего так страстно для себя не желал, как получить от капитана Мирбуса приглашение за свой стол – Мирбус время от времени, исходя из только ему известных причин, посылал кому-нибудь из пассажиров приглашение за свой стол. Так что у каждого пассажира имелся свой вполне реальный шанс оказаться за столом капитана, где он мог вкусить всё тех же яств и кушаний, которые подавались и за его стол, поговорить с капитаном о делах насущных и волнующих себя вещах («Сколько футов под килем?», – почему-то многие именно с этого вопроса начинали свой разговор с капитаном – что и говорить, стереотипное мышление), и всё это в настоящей близости от столь очаровательных капитанских спутниц, что как раз и придавало особенный вкус всем этим кушаньям и значимость самым пустяковым разговорам с капитаном на такой тет-а-тет.

На этот же раз, гостем за капитанским столом оказался. . . Обомлевший Маккейн глазам не мог своим поверить: «Какого чёрта?!» (правда, он что-то такое подспудно уже подозревал), – собственной персоной, сам генерал Томпсон. Впрочем, генерал Томпсон, надо отдать ему должное, тоже не сразу смог своим глазам поверить, когда в дверях ресторана, так неожиданно для всех и в особенности для него, появился Маккейн. Отчего всё это время не скрывавший

своего веселья и, не убиравший со своего лица улыбки Томпсон, в один момент замер в одном немигающем в сторону Маккейна положении и, держа в одной руке вилку с нанизанным на ней куском мяса, а в другой, приготовленный для одухотворения себя внутрь бокал с шипучим напитком (бокал между тем оказался в таком приграничном положении, что из него вот-вот могло вылиться всё его содержимое прямо на брюки генерала Томпсона), теперь не смел, да и не мог пошевелиться.

Ну а вздрогнувший при виде Томпсона Маккейн, сразу же для себя сделал далеко идущие выводы насчёт этого ренегата Томпсона – пока он, верный сын своего отечества, в неравной борьбе противостоял местным морским условиям, эта падла Томпсон, заведя здесь сомнительные знакомства, вовсю предавался (от слова предавать) удовольствиям. – Будет крайне интересным выяснить, – размыслил про себя Маккейн, пронзительно глядя на Томпсона, – откуда у этого мутного генерала Томпсона, появился иммунитет к морской болезни. Сдаётся мне, что генерал Томпсон не до конца был честен с нами. И у него однозначно имеются белые пятна в своём прошлом. – Маккейн, всё для себя решив насчёт Томпсона, презрев Томпсона напоследок, отвёл от него свой взгляд и принялся обходить своим взглядом другие столы.

Ну, а чтобы разобраться, что творилось и происходило за другими столами, то тут без хотя бы поверхностного знания тех лиц, кто за ними находился, невозможно будет разобраться в происходящем. В чём, в чём, а в том, кто, зачем и по какому-такому поводу находился здесь, и что из себя представлял, Маккейн был более чем нужно осведомлён. Он всё-таки был одним из тех, в чьих руках находилась полная информация о количественном и качественном составе их миссии, во главе которой, правда, не афишируя себя, как серый кардинал, стоял именно он, а не какой-то там капитан Мирбус, в чьи задачи входило всего лишь обеспечить доставку их ограниченного контингента в указанное место (так думал Маккейн).

В какое же место они направлялись, то это пока что огромный секрет. И даже капитан Мирбус не знает его, и он информируется о дальнейшем маршруте следования по мере прибытия своего флагманского корабля на промежуточный пункт назначения.

Когда же Маккейн бросил свой взгляд в сторону общего зала, где за своими столиками, согласно условиям размещения прописанных в их туристических картах сидела разного рода и вида публика, которая с виду ничем особым себя не выдавала, то там по всей его видимости, как будто ничего не изменилось, и все те, кто его интриговал и сколько-нибудь интересовал, находились на своих, строго прописанных в картах их размещения местах.

– Группа технической поддержки здесь. – Начал мысленно загибать пальцы на руке нахмурившийся Маккейн, проводя визуальный осмотр присутствующих в ресторане лиц. – К ним у меня есть вопросы. – Сделав памятную зарубку на носу, Маккейн перевёл свой взгляд на следующий стол, за которым сидела достаточно пёстро выглядящая группа людей.

И если задаться вопросом: «Что всех их объединяет и возможно ли такое?», – каким не стал себя утруждать Маккейн, по причине знания всех ответов на все вопросы, то единственное, что приходило на ум при виде этих, всех вместе взятых и посаженных в одном месте, да ещё и за одним столом, таких, даже не беззаботно выглядящих, а не утруждающих себя ничем и в том числе так выглядеть господ по жизни (это их философия или кредо по жизни) – ни в чём и никогда себя не утруждать – их всех вместе собрал такой же как и они, ни в коей мере, ни в чём не утруждающий себя господин.

И этот ни в коей мере не утруждающий себя господин, не счёл нужным раздумывать над тем, как, и, исходя из каких критериев и специализации, размещать все эти разнообразные в своём умственном развитии лица. А он, бросив на всех их один единственный, поверхностный взгляд – он само собой считает себя за крайне глубокомыслящего интеллектуала, которому одного взгляда достаточно, чтобы понять, какая всё-таки сволочь стоит перед ним – сразу о них всё понял – если мера всему человек, то мера всему неимоверному и безмерному, как раз эти апломбические люди (к стоматологам они не имеют никакого отношения, кроме разве

что зубов) – и записал их в единый реестр, самонасыщенных собой людей. После чего и усадил их всех за один стол.

– Если уж от такого рода напасти не избавиться, то пусть она хотя бы не распространяется и находится в одном, ограниченном собой месте. Да и так легче их будет отслеживать. – Подытожил свой взгляд на этих апломбических людей, идеологически близкий им сотрудник службы размещения, ни в коей мере себя не утруждающий господин, под незнакомым для них и для многих именем. Чем он и пользовался всюду, размещая гостей лайнера «Аполлон», как ему и капитану Мирбусу заблагорассудится.

Хотя всё-таки, в вопросе размещения этой категории гостей лайнера, на этот раз не всё так было просто. И службе размещения всё же пришлось отталкиваться от рекомендаций организаторов этого круиза, которые по каким-то своим внутренним соображениям, заранее всё за службу размещения решили и расписали, кто, где и с кем должен сидеть. Что, впрочем, совсем-совсем не расстроило ни в коей мере не утруждающего себя господина, когда это предписание полностью отвечало его идеологическим установкам. Да и к тому же всё так удачно совпало, что и организаторы этого круизного тура, практически один в один мыслили как он – чтобы по настоящему узнать, кто ты на самом деле есть, нужно макнуть тебя в собственное де... Я. Что как раз и достигается нахождением достаточно долгое время в ограниченном собой круге идейно близких людей.

– В таких случаях говорят: «Не нытьём, так катаньем». – В своё время, затраченное на подготовку этой миссии, глядя на схематичный план ресторана, где за каждым столиком были отмечены имена тех, кто за ними будет размещён, сказал Маккейн. – Это позволит нам на практике проверить верность некоторых идей и установок. – Усмехнулся Маккейн, бросив на стоящих за этим столом в тени и за разработкой всей этой операции конгрессменов, занимающих знаковые посты в государстве господ и ходящих в советниках у самого президента лица, задорный, ничего хорошего не несущий взгляд тем, на чей счёт будут проводиться эти задуманные Маккейном эксперименты.

– А их, как я погляжу, пока ничего не берёт. – Подумал Маккейн, посмотрев на тот самый стол, за которым сообразно своему взгляду на себя и на вокруг себя, как это им казалось, разместились господа все сплошь представляющие из себя и собой то, что они считают должно быть, но что не всегда соответствует действительности (это главная их характеристика). – Но что такое действительность, как не иллюзорность, которая формируется в результате борьбы различных мнений и взглядов на неё. И если наше мнение на эту реальность превалирует над всеми другими, – и не важно какими способами это достигается, – то значит реальность такова, как мы и только мы, её видим и озвучиваем. – В оправдание вашей недалёкости на их и окружающий счёт, заполняли ваше недоразвитие своим знанием эти господа интеллектуалы.

И что интересно, а им как раз не интересно и очень, до нервных коликов не нравилось, так это то, что все их идеи совсем не находили поддержки у всех остальных слоёв населения. Правда, свой отклик они у этого неблагодарного населения всегда находили. – Напредставляют себе чёрт те что, а нам всем потом расхлёбывай. – Сжимая кулаки, а не как этими свободолюбивыми господами ожидалось, награждая их овациями, сквозь скрип зубов награждало их этими откликами всё сплошь недалёкое население, которое почему-то не хочет жить на свой счёт перспективами, и ему всё подавай сегодня же, завтрак на завтрак, обед в обед и даже ужин на ужин.

Что же касается персонализации самого контингента этих свободолюбивых господ, то как бы они многовекторно не смотрели на себя и на всё вокруг, всё же тут не обошлось без своей фигуральной трещины, которая разделила этот когда-то единый и столь монолитный круг на два, отныне непримиримых и враждебных лагеря. Что пока что было не столь явно видно и ещё не до конца осознано всеми представителями этого круга, которые не могли себе позволить без улыбки посмотреть на своего идейного соратника.

А иначе ты можешь быть заподозрен, либо в отсутствии такта, раз так открыто выказываешь своё недовольство своим положением (здесь все недовольны и при этом крепятся и не бросаются в лицо такой нервной невыносимостью взгляда), либо в том, что твои зубы запущены кариесом – а это явный признак пренебрежения общечеловеческими ценностями и что ещё хуже, твоего отступления от основополагающих принципов, на которых построен и держится этот круг. Ты, падла, подверг сомнению незыблемость прав и свободы самовыражения личности человека. В котором, если ты забыл, то мы тебе кулаком в зубы напомним, всё должно быть прекрасно и ценно. А не гнило, как в твоём рту.

И трещина этого невероятного, а по сути, самого что ни на есть обычного для такого рода случаев разлома, прошла там, где её никто не ожидал и даже не догадывался увидеть – через Линду, подругу одного из самых невыносимых в своей напористости и противности членов этого круга, месье Житницы. От которого, если быть до конца откровенным, чего в этом круге никогда не дождёшься, но всё же, никто ничего подобного ожидать и даже предположить не мог.

По поводу же этого подобного, то здесь имеется в виду то, что им может заинтересоваться особа женского пола, да ещё при этом симпатичная и далеко не дура – и такое невероятное сочетание в ней всех этих, так редко встречаемых живых качеств, и выступило в качестве катализатора этого уже назревавшего разлома. А такие разломы рано или поздно, а в данном случае, совсем не ко времени, всегда случаются, когда столь категорически разных и импульсивных людей объединяет одна лишь идея – и они, все эти высокоидейные люди, оказавшись в идейном тупике, в результате начинают переходить на личности.

Что же касается данного случая, то всё началось с самой, что ни на есть безобидной шутки, на которые был таким большим мастером (правда только по его же мнению) господин Паранойотов, с лица которого никогда не сходила улыбка; и он вообще считал себя человеком остроумным и весьма привлекательным.

И вот когда господин Житница предстал перед своими близкими по духу господами, не только с одной своей постной физиономией, на которую и смотреть никогда не хотелось, а вместе с симпатичной Линдой, то господин Паранойотов повёл себя так, как всегда себя вёл в таких случаях – и он скорей всего, по-другому и не смог повести себя иначе. Так он сразу же решил задвинуть всех самим собой и выделиться перед Линдой, блеснув своим остроумием. А вот как это у него получилось, то тут даже сам господин Паранойотов, всегда такой уверенный в себе, затруднился бы ответить.

– А я слышал, что девушка на корабле, а тем более такая симпатичная, к беде. – С достаточно красноречивым взглядом и выразительной улыбкой, проговорил господин Паранойотов, с пренебрежением ко всякой опасности, которая могла исходить от закипевшего в гнев Житницы, более чем прямолинейно посмотрев на Линду. Линда же к неприятному удивлению Паранойотова, была совсем не сбита этим его замечанием, подкрепленным столь выразительным взглядом, а она всё также хладнокровно выглядит и теперь плюс ко всему этому, начинает оценивающе разглядывать господина Паранойотова. Что для господина Паранойотова, непривыкшего к таким оценивающим себя взглядам, нестерпимо видеть. Но он ничего не может поделать, и вынужден улыбаться и ждать её недооценки себя (а вот в этом он почему-то не сомневается).

И Линда после небольшой паузы, во время которой, всё их, весьма даже немаленькое окружение, внимательно переводило свои глубокомысленные взгляды от Линды к Паранойотову и обратно, даёт свой весьма дерзкий ответ, поставивший в свой тупик всех этих многих лиц из того же числа их окружения, включая и самого Паранойотова.

– Так вы, судя по тому, что любите делать прогнозы, астролог, – так предполагая, сказала Линда, не сводя своего ответного взгляда с Паранойотова, – Хотя всё же нет. – После совсем короткой паузы поправила себя Линда. – Астрологом быть сейчас не в чести. И вы, ско-

рей всего, синоптик. Быть им менее обязывает. Так ведь? – Задалась вопросом Линда. И хотя не до конца было понятно, к чему относился этот вопрос Линды, всё же слегка искажившийся в лице и потерявший часть своей лучезарности в улыбке Паранойотов, не стал отмалчиваться, а с какой-то прямо обидой самоутверждающе заявил:

– Я не синоптик, а эксперт! И моё экспертное мнение, между прочим, высоко и дорого ценится. К нему прислушиваются, и мои прогнозы часто сбываются.

– Ну, если между прочим, то, конечно, господин синоптик. – Ну а от такого, полного сарказма и ещё много чего содержащего в себе ответа Линды, ни один, даже самый ничтожный эксперт, не останется равнодушным. И не нужно быть синоптиком или тем же астрологом, чтобы сделать прогноз на их будущие отношения – они теперь смотреть друг друга без ненависти во взглядах не могут и не будут смотреть. Что, собственно, и привело к тому, что их когда-то столь идейно крепкий и монолитный круг, так «внезапно» для всех них, дал трещину и разделил его на два, отныне и на веки веков противоборствующих лагеря (сколько сторон конфликта, столько и противоборствующих лагерей – что не предел), которые на первых порах сформировались на самой крепкой из всех существующих основ – на ненависти.

Так те господа, кому была ненавистна позиция этого, слишком много о себе думает и позволяет, самолюбовалы Паранойотова, то они заняли сторону месье Житницы и Линды. Ну а тот, кто больше терпеть не мог месье Житницу и всё, что связано с ним, то тот выразил солидарность с господином Паранойотовым.

Но и это ещё не всё, что повлияло на такого рода решение этих свобододышащих господ. Да, кстати, что же касается самого этого окружения, то оно включало в себя кроме выше названных людей, господина Самоеда, куратора их группы, господ Поспешного и Нервозова, являющихся представителями рабочего класса, то есть они числились политехнологами, господина Знаймса, отвечающего за информационную поддержку миссии, Бандюгетя, мало за что отвечающего, но отлично отвечающего за себя (такой ролевой человек на публике), и из самых знаковых (господа же Коконев и Гноз-самособой-ман, оттачивали своё дискуссионное мастерство там, в конце коридора), ещё один господин с тяжёлым лицом, такими же мыслями, с невероятной сложностью выговариваемым именем Пас-куда. А вот куда он всех пас, то это на этот вопрос пока ещё никто не нашёл ответа.

Ну и вот насчёт того, что ещё повлияло на этих господ в выборе своей стороны, – и не потому, что она была им пространственно ближе, хотя и не без этого, – то многие из тех, кто занял сторону месье Житницы и его острой на язык подруги Линды, а по современному, партнёра, после того как к господину Паранойотову прилипло данное ему Линдой прозвище «синоптик», сами того не ожидая, решили проявить осторожность и не лезть на рожон её такого острого языка, который, как выяснилось на примере того же Паранойотова, может принести столько, если не бед, то, как минимум, неудобств.

Так кто-то, и здесь даже не нужно гадать кто, когда итак всё ясно, взял и распространил среди команды корабля информационный слух об имеющей место, такой прозорливой сверхспособности господина Паранойотова. И теперь ему страсть не давало покоя, достаточное для того чтобы вывести его из себя, придирчивое отношение к нему со стороны офицерского состава команды корабля, и особенно со стороны судового боцмана, трёхпалого Роджера. И если со стороны офицеров корабля, в основном поступали предложения шуточного характера, – теперь я себя чувствую спокойно, и если компас и все навигационные приборы выйдут из строя, то мы всё равно не пропадём, ведь теперь среди нас есть человек, читающий по звёздам, и который обязательно нас проведёт по поясу Ориона и не даст заплутать по млечному пути, – то вот с суровым на решения боцманом Роджером, было не всё так просто и, пожалуй, местами очень и очень страшно, когда с ним встретишься один на один в каком-нибудь безлюдном помещении корабля. Каких здесь, на корабле, как оказывается, было полным полно.

А этот боцман, трёхпалый Роджер, не просто выглядел ужасающе страшно, а что уж скрывать, кровь в жилах иногда стыла от ходящих здесь о нём слухов. – Этот трёхпалый боцман Роджер, с некоторых пор, после того как потерял второй палец на своей руке, – иногда бывает, что всё против тебя и приходится жертвовать какой-то частью себя, чтобы искупить вину перед сильными мира сего, – решил больше так не рисковать и проявить благоразумие по отношению к себе – теперь за него жертвовали частью себя другие люди. – По самому строжайшему секрету, кто-то, теперь и не вспомнишь кто, из-за спины господина Паранойотова поделился с ним этой жуткой тайной. И чтобы Паранойотов не сомневался в том, что это истинная правда, и не дай бог, захотел пошутить на этот счёт, этот кто-то, положив на спинку рядом с ним стоящего стула свою руку, продемонстрировал на своей руке отсутствие двух пальцев. И пока господин Паранойотов онемел, впад в умственный ступор, этот кто-то, хриплым голосом ужаснул Паранойотова новой вестью.

– И теперь он выбрал тебя. – Из глубин себя, так страшно для Паранойотова произнёс эту весть неизвестный. Отчего у Паранойотова в глазах всё затуманилось настолько сильно, что он мало что мог видеть. А когда всё-таки этот туман рассеялся, то рука с тремя пальцами и сам неизвестный, уже исчезли, что можно было подумать, что всё это ему привиделось. Чем и хотел себя успокоить Паранойотов, если бы вдруг на его глаза не попался сам боцман Роджер, который вдруг решил прогуляться по палубе вместе с какой-то дамой – но господина Паранойотова на эти уловки не поймает, он отлично видел, как боцман, кидает в его сторону многозначительные и свирепые взгляды.

Но что же всё-таки этому боцману было нужно от господина Паранойотова и что ему столь не полюбилось в этом всегда улыбчивом господине? Хотя на второй вопрос ответ очевиден, если принять во внимание суровый вид боцмана, на котором и не увидишь и тени улыбки. И, понятно, что боцман, как человек сугубо серьёзный и любящий всякий порядок (на это намекала его должность), не мог себе позволить терпеть такой веселый беспорядок на своём и на каком чужом лице. А вот Паранойотов мог, и так сказать противопоставлял себя всему установленному здесь на корабле порядку, который поддерживал он, боцман (ну и частично капитан и старший помощник).

Правда, как вскоре выяснилось, то здесь не всё так просто и боцман не только имеет свои нетерпеливые взгляды на Паранойотова, – если бы только так, то боцман давно бы их решил, выкинув этого улыбчивого господина за борт, – а боцман, так сказать, имел в своём шкафу пару скелетов, и не только буквальных.

А всё дело в том, что боцман, по причине своего служебного положения, был крайне недоверчивым к людям человеком и в тоже время ищущим доверие человеком. При этом ему, как должностному лицу, от чьего поведения зависел порядок на борту корабля, – а за всеми корабельными бунтами всегда стояли серые корабельные кардиналы, боцманы (и это аксиома), – не свойственно было проявлять мягкость и чувствительность к окружающим. К тому же он, с одной стороны был до крайней меры расчётливым человеком, а с другой, до доверчивости наивным. Даже говорят (а это по другой версии), что когда он после ночной вахтовой смены недосчитался пару матросов, – а он всегда сводил свои счёты на пальцах своей руки, – то он для того чтобы свести дебет с кредитом (что он видимо ночью и делал с пропавшими матросами, с какими у него были какие-то мутные дела), взял у кока тесак и в эмоциональном порыве отрубил у себя пару пальцев на руке, заявив, что теперь, наконец, всё сходится.

– Как я помню, на вахту заступало столько матросов, сколько у меня было пальцев на руках. Так что всё верно. – Глядя на бледную, как смерть вахтовую смену, прохрипел боцман Роджер, по чьим брюкам стекала кровь, скапывающая с его отныне трёхпалой руки.

Но эта история из того же из ряда тех страшных морских легенд, которые так необходимы тем же боцманам, для укрепления их слова и дисциплины на корабле. И теперь даже самые безбашенные матросы, наслышанные о столь крутом нраве боцмана Роджера, сто раз

подумают, прежде чем сослаться на глухоту и не выполнить команду этого столь страшного в своём гневе боцмана. Который, если сразу же тебя не отправит за борт кормить рыб, – у неисполнительных и нерадивых матросов, если они не хотят исправляться, выход с корабля только в одну сторону, за борт, – то до контузии засвистит их в свою дудку.

Но время идёт своим чередом и даже боцманы не вечны на своих корабельных местах и человеческих сердцах. Что также относится и к боцману Роджеру, которому теперь, в преддверии выхода на заслуженный отдых, захотелось навести порядок и в собственной жизни, до которой ему всё времени не хватало. В общем, ему в последнее время порядком надоело своё одиночество, и он захотел его изменить на не одиночество. А так как боцман Роджер был человеком более чем благоразумным, то он решил в этом направлении действовать, не как бог на душу положит, тыча пальцем в небо, а на основе предварительной подготовки, со строгим расчётом – привлечь себе в помощь знатока по этим звёздам.

И трёхпалый Роджер, как самый информированный человек на корабле (и даже капитан столько не знает), прослышав, что среди пассажиров корабля присутствует человек, умеющий читать будущее по звёздам, увидел в этом знак свыше. – Я было собрался на выход, а он как раз здесь появился. – Сделал вывод из всего случившегося боцман Роджер, и с этого момента господину Паранойотову больше ни минуты не чувствовалось спокойно.

Ведь боцман Роджер был всегда до крайней степени придирчивости требовательным к окружающим, а что уж говорить о том, каким он становился дьяволом, когда дело касалось упорядоченности своей жизни. Так что господину Паранойотову тысячу раз нужно было подумать, прежде чем вставать на путь конфронтации с Линдой. Из-за чего он теперь денно и ночью вынужден страдать и мучиться от столь повышенного внимания к своей персоне со стороны боцмана Роджера, который всё-таки встретил его в самом безлюдном месте на корабле, и крепко так, кулаком в живот, дал ему трёхдневный срок на составления полного астрологического прогноза на своё будущее, – надеюсь, ты, мурло, понимаешь какого, – с удовлетворяющим все его вкусы и предпочтения, подбором спутницы жизни.

– А иначе. – Грозно посмотрев на подогнувшегося в коленях Паранойотова, сказал боцман Роджер, доставая из кармана кителя завороживший взгляд Паранойотова предмет. Который при ближайшем рассмотрении оказался небольшими песочными часами. Что, естественно, немедленно вызвало у Паранойотова крайней степени желание поинтересоваться у трёхпалого Роджера: Какого хрена, он носит такие часы при себе? И неужели он, на своей боцманской службе, не заработал хотя бы на электронные часы? – Свои дорожные часы Паранойотов благоразумно не стал показывать. А то мало ли что. И кто знает, не сведёт ли с прямой дорожки Роджера его зависть, которая непременно возникнет при виде его дорожных «Ролексов».

Но Паранойотов не успел всеми этими вопросами задаться, и не потому, что он пока находился в тисках страха и сопровождающего его поглупления и онемения, которое компенсирует этот умственный упадок, который поражает даже самых беззаботных людей, когда к ним вот так, в тёмном корабельном переходе являются такие склонные к насилию люди, а он не успел потому, что трёхпалый Роджер сам всё доходчиво объяснил.

Так трёхпалый Роджер внимательно посмотрел на Паранойотова и, косвенно указывая на часы в своей руке, сказал. – Надеюсь, что тебе не нужно объяснять, что это такое. – И хотя трёхпалый Роджер, на этот раз был вполне верен насчёт своих догадок по поводу Паранойотова, всё-таки самому Паранойотову, несмотря на то, что ему действительно не нужно было объяснять, что такое находилось в руках Роджера, всеми фибрами своей души хотелось поступить вопреки надеждам Роджера и выказать себя полным невеждой. Но он опять не смог этого сделать, и так и остался в своих и глазах Роджера человеком знающим, что есть такое песочные часы.

Трёхпалый Роджер тем временем продолжает. И он говорит. – А раз так, то твоё время пошло. – После чего он, не сводя своего взгляда с Паранойотова, вытягивает перед собой ладонь левой руки, затем второй, трёхпалой рукой, в которой находились часы, перевернув их песком вверх, ставит их на ладонь вытянутой руки и внимательно, вместе с Паранойотовым смотрит на то, как песок начинает высыпаться вниз. И, наверное, Паранойотову сейчас нужно было бы не смотреть на то, как песок его (!) времени убывает на его глазах. А ему, если конечно, ему ещё жизнь дорога, следовало бы немедленно броситься отсюда в бега, хотя бы к тому же капитану, и рассказать тому, как его третирует и ужасает боцман. Но Паранойотов, как будто его заворожил этот сыпавшийся песок, ничего не может с собой поделать, и он стоит как вкопанный на месте и смотрит на эти часы.

Ну а трёхпалый Роджер, скорее всего, отлично знал о таком магическом свойстве своих часов, и оттого он совсем не удивляется такому его поведению, и только время от времени бросает на Паранойотова любопытные взгляды. Когда же песка в часах осталось совсем ничего, Роджер вдруг перебивает ход мысли Паранойотова и что плавное, течение песка его жизни. – Чем хороши песочные часы, так это тем, что их можно на время остановить и по желанию, даже повернуть вспять. – Сказав это, Роджер нажимает на... Теперь-то становится понятно, для чего на сужающейся горловине часов находилась эта перегородка. В результате чего проход для песка перекрывается, и часы вроде как замедляют свой ход до нуля. После чего Роджер переворачивает часы, смотрит на Паранойотова и открывает соединительную горловину часов. И теперь песок времени посыпался в обратную сторону.

Трёхпалый Роджер вновь обращает своё пристальное внимание на Паранойотова, и после фиксации взгляда на нём, спрашивает его. – И чего ждёшь? Хочешь, чтобы часы времени потекли в обратную сторону? – После чего не став ничего больше добавлять, так звучно свистнул в свою дуду прямо в ухо Паранойотову, что когда Паранойотов пришёл в себя, лёжа на полу, то этого страшного боцмана уже не было.

И первой, понятно, что не обдуманной и слишком поспешной мыслью Паранойотова, было его желание обратиться за помощью к своему куратору Самоеду, который выступает исполнительным лицом их команды, и в ведении которого находится всё обеспечение их группы, от информационного, до финансового. Но хорошо, что здравомыслие до него дошло быстрее, чем он дошёл до каюты Самоеда – ему, пожалуй, не поверят и только поднимут на смех.

– Знаю я их, как облупленных. Им бы только позубоскалить на чужой счёт. – Остановившись у каюты Самоеда, подумал Паранойотов и остановил занесённую для стука в дверь руку. – Да и скорей всего, не поверят. И скажут, что я всё придумал, чтобы набить себе цену. А делиться это последнее, что от них можно ожидать. Вот же подлецы. – Так на этом и оставил себя Паранойотов, отправившись к себе в каюту изучать карту звёздного неба, по которой ему в течении отведённого трёхпалым Роджером времени, если он, конечно, ещё своей жизнью дорожит, предстоит составить астрологический прогноз на беззаботное будущее боцмана.

Впрочем, господин Паранойотов и сам много чего сделал, чтобы от него отвернулось столько идейно близких к нему лиц. И тут виновата даже не его тошнотворная улыбка до ушей, от которой всех давно уже подташнивает, а что уж говорить о том, что здесь на корабле, эта тошнота наполняет горло, но эта его, до самой крайней степени самоуверенность в своём экспертном мнении, которое, опять же только по его мнению, является чуть ли не истиной последней инстанции – а как иначе понимать эти его слова: «Моё экспертное мнение, между прочим, высоко и дорого ценится. И мои прогнозы сбываются» – прямо-таки делает из людей степенных и благоразумных, совсем других, с полярным знаком людей.

– Я бы тебе, гад, сказал, где я видел таких экспертов. – После заявления Паранойотова о том, какой он весь из себя ценный эксперт, в один момент переменялся в лице редко отвечающий за себя и за свои слова, очень близкий ко всякой экспертной кухне, господин, а может

и не такой уж и господин, в общем, лицо гражданской наружности, и сам эксперт во всех областях, Бандюгетъ.

– Он меня когда-нибудь до белого каления доведёт. – Как всегда в нервном истощении и с перекошенным от злости лицом, передёрнулся господин Нервовов, слыша экспертное мнение этого и не пойми кто таков, Паранойотова. Но это была вполне нормальная и привычная реакция этого нервного господина, который иначе и не мог реагировать на чужие экспертные мнения.

Тем не менее, Паранойотов не остался в одиночку в своём противостоянии с месье Житницей и Линдой, и на его сторону встало достаточное количество аналитически подкованных господ из этого экспертного сообщества, для того чтобы создать предпосылку, если не для победы, то, по крайней мере для баланса сил; и всё благодаря его умению расставлять нужные акценты (ещё одно хорошо, так это то, что господин Паранойотов никому не сообщил о давлении на себя со стороны боцмана, а иначе бы он точно остался один в изоляции – против трёхпалого Роджера выступить уж точно смельчаков не нашлось бы). А господин Паранойотов всего-то обратил уточняющее внимание близких ему по духу свободомыслящих и также дышащих господ, на невыносимо тусклое и с трудом перевариваемое ими лицо месье Житницы.

– Разве вы хотите, чтобы вас с этой физиогномической непривлекательностью ассоциировали? – господин Паранойотов для начала, этим своим заявлением сбил с толку колеблющихся, а затем приметив на их лицах первые признаки подступающей к горлу морской болезни (никто из них не показывал виду, что их терзает такого рода непереносимость морской качки, и все они, как могли, всё больше сидя, держались на ногах), добил их расшатанное сознание тем, что назвал настоящую причину того, почему их так мутит. – И разве вам неизвестен первый закон диалектики – количество со временем переходит в качество. Вот вам и в горло ничего не лезет, потому что не перевариваемая физиономия месье Житницы, уже вот где стоит. – Схватив себя за горло, очень убеждающее проговорил Паранойотов.

Ну а когда на глаза убеждаемых господином Паранойотовым господ появился месье Житница, то эти слова Паранойотова обрели свою очевидную зрелость. Всем им до такой нестерпимой тошноты стало плохо при виде Житницы, что когда они вернулись обратно за стол из туалета, а кто-то, как например, господин Гноз-самособой-ман, из подсобного помещения, куда его споткнула его близорукая жизнь в толстенных очках, то отныне все их симпатии находились на противоположной от Житницы стороне.

И вот такая противоречивая публика и собралась за одним из столов, куда после капитанского стола перевёл свой взгляд Маккейн. – Хотя цвет и выражения невыносимости друг друга на их лицах, мне уже нравится. – Вслед за первым замечанием сделал второе Маккейн. И он бы пошёл дальше, как в своих наблюдениях, так и в глубину ресторана – впереди, вон сколько было места и столов для его наблюдения, если бы к его полной неожиданности, да так для него незаметно, вдруг прямо перед ним не возник тот, кого бы его глаза не видели – сам капитан Мирбус.

И не успеваешь Маккейн, как следовало бы среагировать на это его появление, – в полном своём хладнокровии, не моргнув глазом, посмотреть на этого капитана, – как его рефлексыв нервной оторопью выдают его с потрохами (а что тут подделаешь, если его не свежесть дыхания потрохов, никакими зубными пастами не перебьёшь, пока не поешь), как капитан Мирбус с улыбкой на всё своё лицо, призывно обращается к нему.

– Сэр, а мы уже за вас начали волноваться. – Заговорил Мирбус. – Так долго вы нас не радовали своим присутствием. И мой первый помощник не даст соврать, что я даже несколько раз порывался послать за вами. – Мирбус махнул рукой в неопределённую сторону, что теперь и не поймёшь, кто его первый помощник. Что может привести к необратимым, крайне опасным и ведущим к беспорядкам (а может и бунту), с нарушением дисциплины процессам. Ведь на место первого помощника столько охотников из числа команды и не только.

И после таких туманных заявлений капитана, позиция первого помощника уже не видится столь крепкой, и некоторые особо горячие головы из числа близко стоящих к первому помощнику офицеров, могут и рискнуть раньше времени.

– Но как я сейчас вижу, все мои тревоги, к огромной радости оказались беспочвенны, – но это не удивительно, мы ведь в море, – усмехнулся капитан Мирбус, – и вы в полном порядке. – Маккейн же в ответ посмел себе не только не понять шутки Мирбуса, но и не поверить всему им сказанному.

– Брешет, подлец, прямо в лицо, и не краснеет. – По своему поводу усмехнулся Маккейн. Что капитаном Мирбусом был воспринято как должный ответ на его остроумие. Ну а раз Маккейн, как выясняется, не такой уж и надутый индюк, как о нём отзывались самые близкие к нему люди (кто эти люди, Мирбус, как человек умеющий держать тайны, никогда не расскажет Маккейну), и умеет слушать и оценить остроумие другого человека, то, пожалуй, он заслуживает того, чтобы его пригласить за капитанский стол. Что тут же и озвучивает капитан Мирбус.

Ну а Маккейн, не какая-нибудь там девочка, которая счастья своего и будущих удобств не видит и не понимает, и её нужно уговаривать, чтобы она не отказывалась от ожидающего её счастья, и он сразу же даёт своё согласие капитану, который, по мнению Маккейна, с этого и должен был начинать свой разговор с ним.

После же того как приглашение Маккейном было принято и он был даже представлен находящимся за капитанским столом людям, где некоторые из них, а в частности генерал Томпсон, почувствовал себя, не то что не в своей тарелке, а гораздо хуже – на раскалённой сковородке под принципиальным взглядом Маккейна (когда твой непосредственный начальник мучается у себя в каюте от обезвоживания, ты, падла, здесь жируешь) – то перед ним через Мирбуса встал вопрос, куда же его усадить.

Что дело совсем не простое, как кажется на первый взгляд. И здесь, как на том же приёме у какой-нибудь королевской фамилии, очень многое имеет значение при твоём расположении за столом. А вдруг ты, к примеру, с тем или иным лицом не расположен лицом к нему сидеть (а другим, сами понимаете каким местом, запросто) и тогда что, мордобитие или как минимум, разговор на повышенных тонах и скандал. Так что тут нужно многое учитывать, в том числе и политические пристрастия и блоковый статус этих сидельцев за столом. Ведь окажись рядом друг с другом люди крайне противоположных точек зрения, да хотя бы ту же стоящую перед ними индейку, где один из них полный вегетарианец, который и видеть не хочет и не может таких мясных блюд перед собой, а другой наоборот, его от всего этого мясного с руками не оторвёшь, то, что тут будет, даже представить для пищеварения желудков обоих страшно. Один подавится слюной, тогда как другому встанет горлом кость под ненавидящим взглядом давящегося слюной вегетарианца.

Правда за столом капитана Мирбуса, с краешку всегда стоял отдельный стул, специально предназначенный им для экстранеординарных случаев, которые он сам и провоцировал на то, чтобы они возникали – Мирбус взял себе за удовольствие и заодно, за привычку, приглашать за свой стол, окромя только гостей (слово «гость», капитаном Мирбусов по-своему особому принципу трактовалось), какого-нибудь интересного для него человека, который возбуждал у него аппетит к веселью (насчёт же всего другого аппетита, он никогда не жаловался, а тут же на месте менял кока, списывая с корабля провинившегося кока прямо сразу – и хорошо, если корабль в этот момент находился где-нибудь на причале, а иначе коку подчас не суждено было до дому доплыть из открытого для всех моря или океана).

Но на этот раз Мирбус посчитал, что Маккейн нуждается в более дружественной атмосфере, а это значит, что сидеть с краю за столом не для него. И капитан Мирбус, ещё раз, вместе с Маккейном обвёл взглядом сидящих за капитанским столом людей, чтобы в ком-то усомниться, а в ком-то наоборот, обрести на его счёт надежду.

И если сидящие за столом представительницы прекрасного пола, те же Атлантида и Атлантика, полностью к себе располагали, и здесь рядом с ними любой, даже самый привередливый тип, только его посади рядом с ними, почувствует себя в самом прекрасном расположении духа, то насчёт других господ, расположившихся за капитанским столом, такого уж точно не скажешь. И судя по их более чем внимательным к Маккейну физиономиям, то они, как минимум, согласны терпеть такое соседство рядом с собой, и то в случае если их об этом сам капитан Мирбус попросит (а так даже и не выговорить тех слов, которые они готовы отпустить в адрес этого, что за чёрта из табакерки, Маккейна).

А за капитанским столом, кроме уже перечисленных прекрасных особ и одного более чем хмурого генерала Томпсона, находились не просто члены капитанской команды и другого рода важные и влиятельные господа, а все эти господа и одна обладательница уж очень пронизательного взгляда дама, с зачёсанными назад чёрными, как смоль волосами, так сказать, являлись той опорой для капитана, без которой он бы не смог осуществлять руководство кораблём.

Так среди присутствующих здесь за столом членов его команды, самыми знаковыми фигурами были: судовой врач, в войсковом, а не должностном звании, капитан Кубрик, что, а именно это его капитанское звание, вызывало столько двусмысленных и путанных ситуаций (капитан Мирбус иногда был готов лопнуть от возмущения, когда слышал, что этого Кубрика путали с ним, но он ничего не мог поделать с этим Кубриком – Кубрик был слишком важное лицо на его корабле и с ним в открытую лучше было не спорить, залечит до смерти), а также первый помощник капитана (понятно, что капитана Мирбуса, а не Кубрика – теперь ясно, почему Мирбус так про себя негодовал, когда люди так насчёт этого дерзкого Кубрика ошибались), лейтенант Сталкер, чей молодецкватый и бодрый вид говорил о многом таком, о чём при капитане лучше не распространяться.

И, наверное, не нужно объяснять, почему капитан Мирбус сразу же отсек этих влиятельных лиц из числа тех, к кому можно было бы посадить Маккейна (у них и так забот полон рот, и зачем их ещё чем-то нагружать). Так что вполне понятно, что Мирбус даже на мгновение не остановил на них своего взгляда. – Только посмотри на них, так тут же сглазят. – С этой мыслью Мирбус перевёл свой взгляд на занимавших рядом с ним свои места, Атлантиду и Атлантику. Чей прекрасный и цветущий вид в очередной раз порадовал его, и он, пожалуй, наверняка порадует и Маккейна, несмотря даже на его вступление в засушливый период своего возраста. Но Мирбус пока не решился идти на такие жертвы и поэтому посчитал разумным, оставить всё как есть за этой частью стола. После чего он переводит свой взгляд на сидящих на правом краю стола господ не внятной и всё больше серой внешности, чья выверенность и отточенность во взглядах на всё вокруг, прямо-таки режет взгляд и даже слух.

– И это не вариант. У них слишком ограниченные взгляды на окружающее и коридор решений слишком узок. Так и гляди, порежут друг друга. – Делает вывод Мирбус, оставив этих узколобых господ наедине с собой, чтобы перевести свой взгляд дальше, в сторону. Где он наталкивается на даму с дюже пронизательным и стальным взглядом, зовущейся мадмуазель де Сталь.

– Мадмуазель де Сталь не стоит лишней раз беспокоить. – Подумал капитан Мирбус. – Хотя она была бы рада себя побеспокоить. – Мирбус отводит от мадмуазель де Сталь взгляд, затем пробегается своим взглядом ещё по нескольким лицам и, не найдя среди них достойного лица, которое соответствовало созревшим в его голове требованиям и задачам, останавливает свой взгляд на генерале Томпсоне. – А это, пожалуй, то, что нужно. – Подводит итог своему наблюдению Мирбус, и к так и знал Томпсона, усаживает Маккейна рядом с ним.

Ну а Маккейн даже рад такому выбору Мирбуса – ему не нужно будет терзаться в ожидании возмездия, и можно будет прямо сейчас начать воздавать по заслугам этому предателю Томпсону. И Маккейн сразу же, не откладывая в долгий ящик свои намерения насчёт этого подлеца из генералов, так крепко садится на свой стул, что раздавшийся из под него треск

в результате такой его присадки, жутким эхом отдался в голове Томпсона, всё отлично для себя понявшего – сейчас Маккейн будет так жёстко его подсаживать, что ему усидеть на своём месте, во всех смыслах этого сочетания слов и его должностных значений, будет крайне сложно сделать.

И только он об этом подумал, как эта мысль острой болью отдалась в его ноге, на которую, судя по всему, каблуком своих тяжёлых ботинок вонзился Маккейн. Отчего генерал Томпсон не сдержался и рефлекторно дёрнулся в сторону Маккейна, где на него с выразительной улыбкой смотрел Маккейн. – Прошу прощения генерал, – сладко ему улыбаясь, проговорил Маккейн и, не сводя с генерала своего яростного взгляда, добавил, – не затруднит вас, подать мне вон тот салат. – И, конечно, генерала Томпсона, на которого сейчас обращены все взгляды за столом, ничего такого не затруднит сделать, даже несмотря на острую боль в ноге и на то, что в результате этого давления на его ногу, он не может сдвинуться с места. А ведь тот салат, на который указал Маккейн, между прочим, находится довольно далеко. И чтобы до него дотянуться генералу, ему придётся проявить чудеса эластичности своего тела.

Но генералы в минуты большой опасности для своей чести, часто проявляют чудеса героизма и немислимой ловкости для их, что уж поделаться, зажиточного вида. Так и генерал Томпсон, сумел так вытянуться в себе, что ему и без своей приподнятости с места, удалось дотянуться руками до указанного Маккейном блюда. Что непременно было оценено этим возмездным Маккейном, который перехватывая из рук генерала Томпсона салатницу, очень уж иносказательно поблагодарил генерала. – Благодарите генерал природу, которая наградила вас такими длинными руками. Для которых я, можете не беспокоиться, обязательно найду применение. – Сказав это, Маккейн накладывает себе немного салата, затем возвращает салатницу генералу и на время снимает тяжесть своего нахождения на его ноге. После чего генерал Томпсон может перевести дух, но только на то время, пока Маккейн отвлечён этим салатом от своих злобных мыслей насчёт него.

Ну а как только Маккейн слегка насытится, то генералу Томпсону стоит ожидать новой на себя атаки. Так что пока Маккейн не обращает на него своего внимания, генералу Томпсону было бы неплохо что-нибудь придумать такое, что могло и дальше отвлекать от него Маккейна. Что пока сложно придумать, в виду того, что самый значительный за этим столом человек, капитан Мирбус, который уж точно мог привлечь всю злобную внимательность к себе со стороны Маккейна, который, как отлично знал Томпсон, терпеть не мог, когда кто-то своим центральным положением затмевал его значение, сейчас отсутствовал за столом. А всё дело в том, что Мирбус, усадив Маккейна за стол, не пошёл на своё место, а куда-то отлучился. Что и открывало широкие возможности для агрессивных действий Маккейна по отношению к Томпсону.

И они, как часто говорят в таких случаях, не заставили себя ждать. И только стоило генералу Томпсону повести себя неосмотрительно – он в поиске капитана Мирбуса покрутил по сторонам своей головой – как он уже пойман Маккейном. – Куда крутишь головой. – Придвинувшись к Томпсону, прошипел ему в ухо Маккейн. – Сбежать хочешь? – захрипел все мысли Томпсона Маккейн, что тот, если он, что и хотел сказать в своё оправдание – да тоже «нет» – то оглохнув на одно ухо, сейчас и этого сказать не мог.

Ну а Маккейн продолжает на него морально давить. – Что молчишь, обдумываешь, как лучше претворить в жизнь свои задумки. Ладно, подскажу. Чтобы я тебе не смог помешать осуществить свой план побега, то возьми вон ту бутылку со стола, – Маккейн кивнул в сторону стоящей перед ними бутылки, судя по её виду, а этикетки на ней не было видно, то из под того напитка, которыми подчивают гостей в радостных случаях хозяева, – и как следует врежь мне по голове ей. – Маккейн, сделав это предложение, принялся не сводимо смотреть на Томпсона, смотрящего в сторону этой бутылки, стараясь уловить на его лице физические выражения его чувств.

Но видимо Томпсон в генералах ходил всё же не за просто так, и ему дослужиться до генерала позволило то, что он не раз смотрел в глаза встречному ветру, который до боли резал глаза и часто запускал в них песок. Так что ему было совсем не сложно противостоять взгляду Маккейна, который хоть и испускал из себя столько злобы, и от него несло свежесъеденным салатом, что невероятно противно (а вот когда он лежит в салатнице, то он так не пахнет), но это всё ему нипочём и он выдерживает на своём лице хладнокровие.

Что совсем не может устроить Маккейна, который даже вновь захотел надавить на Томпсона всем собой. Но Маккейн не любил повторяться – ещё решат, что я штампист – и он делает Томпсону предложение, которое должно того побудить к каким-нибудь действиям.

– Есть сомнения. – Говорит Маккейн. – Понимаю. Полная бутылка хоть и тяжеловесна, но не так опасна для головы, как пустая. Поэтому предлагаю тебе для начала налить мне из неё в бокал. А потом, когда отвлекусь от тебя на бокал, то ты можешь исподтишка, как это ты всегда делаешь, нанести мне удар бутылкой по голове. – А вот тут генерал, услышав от Маккейна такие насчёт себя жёсткие и до чего же подлые предположения, хотел было возмутившись, отреагировать, но Маккейн резко пресёк эти его поползновения на свою нервность.

– Живо наливай. – Низким голосом, так резко проголосил Маккейн, что руки Томпсона сами потянулись за бутылкой, прежде чем он осознал, что сейчас делает. А как осознал, то уже бокал Маккейн им наполнен, а сам Маккейн уже даже его поднял и, подмигнув ему, приложился ртом к бокалу. Правда при этом он всё же боковым зрением поглядывает на Томпсона, который с растерянным взглядом смотрит одновременно на Маккейна и на бутылку в своих руках.

– А может действительно на всё плюнуть и единственный раз в жизни поступить так, как велит сердце. – Крепко сжав в руке бутылку, через призму её отражения, Томпсон посмотрел на Маккейна, допивающего их бокала его содержимое. И теперь уже и не узнать, до чего и до каких трагических действий мог досмотреться Томпсон, не появившись рядом с ними официант, прикативший за собой тележку, с которой на них смотрела в бумажном исполнении пресса, о существовании которой они, да и многие на корабле, уже и позабыли. И тут уже без вариантов – вид прессы в едином порыве заставляет этих господ обо всём позабыть и требовательно поинтересоваться у официанта: Что это всё значит?

Ну а официант в ответ включает простодушного дурачка, что больше всего они и умеют делать, и разыгрывает на своём лице недоумение, с которым он и даёт, явно ему вложенный в уши капитаном ответ. – Наказ капитана. – Говорит официант и, не успевают Маккейн или хотя бы Томпсон, возмутившись, поинтересоваться у него, какой, такой ещё наказ и на каких, таких основаниях, капитан посмел так себя вести по отношению к ним, как официанта и след простыл. И теперь Маккейну и Томпсону, держащих боковым зрением друг друга под контролем и, смотрящих на тележку с прессой на ней, ничего другого не остаётся, как самолично разбираться с этой тележкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.